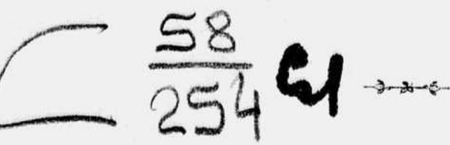
СБОРНИКЪ ДРЕВНИХЪ КЛАССИКОВЪ ДЛЯ РУССКИХЪ ЧИТАТЕЛЕЙ.

ЮЛІЙ ЦЕЗАРЬ.

КОМЕНТАРІИ,

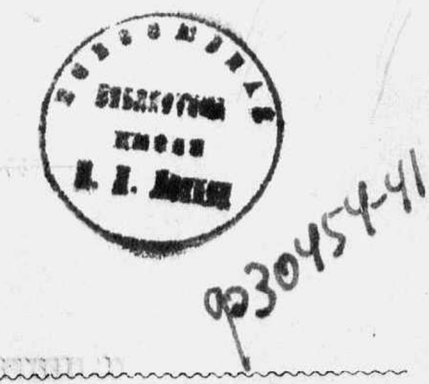
ВЪ ИЗЛОЖЕНІИ АНТОНИ ТРОЛЛОПА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО,

С. К. БРЮЛЛОВОЙ (КАВЕЛИНОЙ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ В. КОВАЛЕВСКАГО.
1876.

Типографія А. М. Котомина, у Обуховскаго моста, № 93.

ГЛАВА I.

ВВЕДЕНІЕ.

Можно сказать не безъ основанія, что Комментаріи Цезаря открываютъ собою начало новой исторіи.

Правда, онъ писалъ почти двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ; но писалъ не о временахъ давно прошедшихъ, а о событіяхъ, совершавшихся на его глазахъ, о своей собственной дѣятельности. Онъ писалъ о странахъ, близко намъ знакомыхъ,—о Британніи, напримѣръ, на берега которой два раза высаживался со своимъ войскомъ; писалъ о народахъ, столь близкихъ къ намъ, что мы можемъ узнать въ нихъ самихъ себя или нашихъ сосѣдей,—писалъ такъ, что мы видимъ въ его произведеніяхъ не романъ, а дѣйствительную исторію.

Простота составляетъ характеристическую черту и чуть ли не главную прелесть его разсказа. Мы ни минуту не сомнѣваемся, что событія, о которыхъ онъ пишетъ, дѣйствительно происходили, и происходили именно такъ, какъ онъ о нихъ разсказываетъ.

Онъ имѣетъ дѣло съ тѣми большими европейскими движеніями, результатомъ которыхъ явилось образованіе всѣхъ европейскихъ національностей и въ которыхъ можно безъ труда отыскать зачатки ихъ нынѣшняго государственнаго строя. Какъ ни интересны для ученаго или словесника великія дѣянія греческихъ героевъ, пламенныя рѣчи греческихъ ораторовъ, но почти невозможно найти прямой тѣсной связи между судьбами Аѳинъ, Спарты и Македоніи и нашими временами, нашимъ положеніемъ.

Это не менѣе трудно и относительно римской исторіи до Цезаря.—Пуническія войны, война союзническая, Сципіоны и Гракхи, даже борьба Марія и Суллы не возбуждаютъ въ насъ такого участія, такого реальнаго интереса, какъ Галльскія войны и завоеваніе Британніи, благодаря которымъ римская цивилизація впервые проникла на Западъ, или великая междоусобная война «Bellum Civile», открывшая собою длинный рядъ императоровъ, продолжающійся до нашихъ дней, и въ которой можно, такъ сказать, отыскать зародышъ и прототипъ нынѣшнихъ государственныхъ формъ европейскихъ народовъ. Конечно, знай мы точно историческіе факты, мы легко могли бы открыть эти зародыши во временахъ глубочайшей древности; но интересъ невольно слабѣетъ, какъ скоро факты начинаютъ становиться сомнительными, какъ скоро начинаешь подозрѣвать, что исторія мѣшается съ вымысломъ.

У Геродота миѳическій элементъ такъ силенъ, что, наслаждаясь имъ, мы и не пытаемся при этомъ найти связь между его временами и нашими. Между Геродотовскими чудесами и Цезаревскими фактами—лежитъ большой промежутокъ времени, оставившій намъ въ наслѣдіе творенія многихъ замѣчательныхъ историковъ; но съ Цезаря какъ-будто начинается та достовѣрность, которая составляетъ, какъ намъ кажется, отличительную черту новой исторіи. Прежде всего слѣдуетъ напомнить читателю, что Цезарь писалъ лишь о томъ, что совершилъ самъ, или что совершилось по его иниціативѣ, по его повелѣнію.

Такъ, по крайней мѣрѣ, онъ писалъ свои два сочиненія, уцѣлѣвшія до нашего времени. Есть извѣстіе, что онъ писалъ еще многое другое, кромѣ своихъ Комментаріевъ—между прочимъ поэму —, но до насъ дошли только два Комментарія. Первый, состоящій изъ семи книгъ, повѣствуетъ о первыхъ семи походахъ Цезаря въ Галлію, продолжавшихся семь лѣтъ, — о тѣхъ самыхъ походахъ, въ которыхъ онъ покорилъ народы, жившіе между Рейномъ, Роной, Средиземнымъ моремъ, Пиринеями и тѣмъ моремъ, которое теперь извѣстно подъ именемъ Британскаго канала [1]. Другой Комментарій разсказываетъ о событіяхъ междоусобной

[1]) Есть и восьмая книга, относящаяся къ восьмому и девятому походу. Но она писана не Цезаремъ.

войны, во время которой Цезарь боролся за власть съ Помпеемъ, своимъ прежнимъ товарищемъ по первому тріумвирату, третьимъ членомъ котораго былъ Крассъ. Эта война создала ту имперію, которую унаслѣдовалъ Августъ послѣ кратковременнаго втораго тріумвирата, заключеннаго между нимъ, Лепидомъ и Антоніемъ.

Цѣль этой маленькой книжки—познакомить тѣхъ, кто не знаетъ полатыни, не съ римской исторіей вообще, а съ Цезаревыми Комментаріями. Но не безполезно будетъ сказать нѣсколько вступительныхъ словъ о жизни и характерѣ автора. Всѣмъ намъ болѣе или менѣе знакомо имя Юлія Цезаря. Всѣ мы заучивали въ дѣтствѣ, что онъ былъ первымъ изъ тѣхъ двѣнадцати римскихъ императоровъ, именами которыхъ считалось необходимымъ обременить нашу юную память. Насъ учили, что, начавъ царствовать, Цезарь положилъ конецъ той республиканской формѣ правленія, при которой управляли государствомъ два консула, ежегодно избираемые. Сначала, учили насъ, было семь царей,—потомъ два консула, а послѣ нихъ двѣнадцать цесарей, изъ которыхъ первымъ былъ великій Юлій. Столько мы всѣ о немъ знаемъ; мы знаемъ также, что онъ былъ убитъ заговорщиками какъразъ въ то время, когда готовъ былъ стать императоромъ, хотя, повидимому, эта послѣдняя крупица историческихъ свѣдѣній прямо противорѣчитъ предъ-

идущей. Въ добавокъ ко всему этому, намъ извѣстно, что онъ былъ великій полководецъ, завоеватель и писатель, совершавшій подвиги и писавшій о нихъ въ стилѣ «veni, vidi, vici,» говоря о самомъ себѣ: «пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ.» Мы знаемъ, что Цезарю ввѣрено было большое войско и что онъ употребилъ его для утвержденія своего собственнаго господства въ Римѣ,—переправивъ часть этого войска черезъ Рубиконъ, рѣчку, отдѣлявшую провинцію, ему подчиненную, отъ собственно-римской территоріи. Появленіе Цезаря въ предѣлахъ этой территоріи во главѣ большой арміи не согласовалось съ обязанностями военачальника, служившаго республикѣ и подчиненнаго республиканскимъ властямъ.

Таковы наши свѣдѣнія о Цезарѣ, и въ этомъ маленькомъ *мемуарѣ* о великомъ полководцѣ и историкѣ мы не будемъ опровергать всего того, чему насъ учили въ дѣтствѣ. Объ этомъ и такъ уже слишкомъ много и усердно хлопотали въ послѣдніе годы; мы не будемъ доказывать, что насъ учили нелѣпо. Нѣтъ, свѣдѣнія, пріобрѣтенныя нами въ дѣтствѣ, довольно основательны и вѣрны.

Мы только дополнимъ ихъ нѣкоторыми подробностями, которыя, безъ сомнѣнія, когда-то уже были извѣстны всѣмъ школьникамъ, но, быть можетъ, позабыты нѣкоторыми съ той счастливой поры.

Деканъ Меривэль, въ одной изъ первыхъ главъ своей

прекрасной «Исторіи Рима при Императорахъ», говоритъ, что Кай Юлій Цезарь—величайшее имя въ исторіи. Этотъ приговоръ онъ произноситъ безусловно, не оговариваясь, не прибавляя даже, что это, просто, его личное мнѣніе.

Обыкновенно всѣ мы склонны оспаривать подобнаго рода приговоры писателей объ ихъ любимыхъ герояхъ; но противъ этой оцѣнки, какъ ни высока она,—едва-ли можно спорить. Д-ръ Меривэль не говоритъ, чтобы Цезарь былъ величайшій изъ людей, когда-либо жившихъ.

Опредѣляя степень величія историческихъ личностей, люди обыкновенно мѣрятъ на разныя мѣрки. По мнѣнію одного—величайшимъ человѣкомъ можно назвать лишь поэта, по мнѣнію другаго—лишь вѣроучителя, по мнѣнію третьяго—мыслителя, разоблачившаго тайны природы; по мнѣнію четвертаго, наконецъ, назвать великимъ можно лишь государя. Гомеръ, Лютеръ, Галилей и Карлъ V — все это великія имена, такъ же точно, какъ и Шекспиръ, Ноксъ, королева Елизавета и Ньютонъ. Изъ всѣхъ этихъ личностей, безъ сомнѣнія, наименѣе восторга возбуждаютъ два государя. Но никто не станетъ доказывать, что названные поэты, проповѣдники и ученые имѣютъ большее значеніе въ исторіи человѣчества. Меривэль хочетъ сказать, что изъ всѣхъ людей, когда-либо жившихъ и дѣятельность которыхъ намъ извѣстна, Юлій Цезарь имѣлъ наибольшее

вліяніе на судьбы міра, и мы думаемъ, что Меривэль правъ. Съ Цезаремъ можно, пожалуй, сравнивать Александра Македонскаго, Карла Великаго, Кромвелля, Наполеона и Вашингтона. Первыхъ двухъ называютъ великими за дѣянія, извѣстныя намъ лишь отчасти. Во времена Александра исторія была еще темна, и она снова стала темною во времена Карла Великаго. Дѣятельность Кромвелля не простиралась за предѣлы Великобританніи, и слава его имени, великаго для англичанъ, меркнетъ передъ славой того, кто поколебалъ всю современную ему Европу и могущественно повліялъ на ея будущія судьбы. Въ этомъ смыслѣ единственнымъ достойнымъ соперникомъ Цезаря является Наполеонъ. Какъ воинъ Цезарь былъ ему равенъ, и арена его подвиговъ была такъ же широка.

Но есть старая поговорка, что никто не можетъ быть увѣренъ въ своей судьбѣ, пока не придетъ конецъ. А смерть Цезаря на ступеняхъ Капитолія болѣе соотвѣтствуетъ нашимъ понятіямъ о величіи, чѣмъ кончина Наполеона на о. Св. Елены. Ктому же, въ личномъ поведеніи, въ пріемахъ французскаго императора мы чаще наталкиваемся на черты, несообразныя съ величіемъ, чѣмъ въ фигурѣ римскаго императора и диктатора. Юлій Цезарь собственно не былъ никогда императоромъ въ нашемъ значеніи этого слова, согласно которому дѣйствительно сдѣлался императоромъ его преемникъ Августъ. Что касается Вашинг-

тона, то надо признать, что, какъ нравственная личность, какъ характеръ, онъ былъ выше ихъ всѣхъ. Ради родины онъ пошелъ на все—даже на позорную смерть бунтовщика, которая ожидала его, еслибы дѣло, имъ затѣянное, вопреки всѣмъ вѣроятіямъ, не увѣнчалось успѣхомъ. И онъ успѣвалъ во всемъ, что ни предпринималъ. Имя его по единодушному приговору всего народа стоитъ во главѣ тѣхъ людей, которые создали изъ Соединенныхъ Штатовъ націю. Мотивомъ его дѣятельности былъ патріотизмъ,—безъ малѣйшей примѣси личнаго честолюбія. Но нельзя сказать, чтобы его дѣла были такъ же велики, какъ дѣла Цезаря; нельзя сказать, чтобы онъ самъ игралъ въ нихъ такую же громадную роль, какую Цезарь игралъ въ своихъ; онъ отважно поставилъ на карту все во имя одной изъ величайшихъ идей, когда-либо заставлявшихъ биться сердце человѣка,—и ему удалось. Но то, что онъ сдѣлалъ, было само по себѣ ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, что сдѣлалъ менѣе благородный соперникъ его славы. Нѣмецкій историкъ Момзенъ представляетъ Цезаря человѣкомъ, справиться съ величіемъ котораго у историка не хватаетъ ни силъ, ни ума, ни таланта. «Встрѣтившись разъ на пространствѣ тысячи лѣтъ съ совершенствомъ,» говоритъ онъ, «историкъ можетъ только безмолвно созерцать его.»

Наполеонъ, въ «Жизни Цезаря», также представляетъ своего героя совершеннымъ. Но, поступая такимъ

образомъ, Наполеонъ, въ сущности, желаетъ перенести это божественное совершенство на своего дядю, втораго Цезаря.—Ктому же Момзенъ и онъ говорятъ о совершенствѣ различнаго рода. Нѣмецкій ученый старается показать намъ, что Цезарь—громадный талантъ, громадный умъ. Наполеонъ претендуетъ на нравственное совершенство.... «Вышеприведенные факты,» говоритъ Императоръ, «убѣдительно доказываютъ, что во время перваго консульства Цезаремъ руководилъ только одинъ мотивъ: общее благо.»

Тѣмъ не менѣе мы не можемъ принять фактовъ совершенно такими, какъ ихъ представляетъ бывшій императоръ французовъ, не можемъ и раздѣлять его убѣжденій. Но полагаемъ, что читающіе люди всѣ согласятся съ тѣмъ, что нѣтъ въ исторіи имени, равнаго имени Юлія Цезаря [1]).

Цезарь родился ровно за сто лѣтъ до Рожд. Христ. и происходилъ изъ древняго, знатнаго римскаго рода, родовымъ именемъ котораго было *Юлій*, а не *Цезарь*. Имя *Цезарь* и желаніе объяснить его происхожденіе послужили поводомъ ко всевозможнымъ догадкамъ и легендамъ. Одни производили это имя отъ густыхъ

---

[1]) Мы должны сказать, что не совсѣмъ раздѣляемъ мнѣніе автора и находимъ его довольно голословнымъ. Впрочемъ, вопросъ о *величіи* одинъ изъ самыхъ спорныхъ и неразъясненныхъ въ исторіи. Что и кого называть великимъ? *Переводч.*

волосъ одного изъ членовъ рода Юліевъ [1]), другіе—отъ того, что одинъ изъ отпрысковъ этого рода былъ, подобно Шекспирову Макдуффу, «безвременно извлеченъ изъ утробы матери».

Къ этимъ объясненіямъ, чисто этимологическимъ, подало поводъ само имя Цезаря, однозвучное со многими латинскими словами. Съ другой стороны, разсказываютъ, что кто-то изъ Юліевъ держалъ слона, названіе котораго на какомъ-то восточномъ языкѣ звучитъ подобно имени Цезаря. Возникла еще другая легенда изъ имени Цезаря, которое, къ счастью для него, весьма напоминало слово, значившее на тогдашнемъ галльскомъ языкѣ: «гони его». Лошадь Цезаря, какъ разсказываютъ, однажды понесла своего сѣдока въ ряды враговъ. «Цезарь, Цезарь», вскричалъ одинъ смѣлый галлъ, знавшій его въ лицо. Другіе галлы приняли это за повелѣніе и, исполнивъ его, упустили изъ рукъ знаменитаго врага. Слѣдуетъ, впрочемъ, прибавить, что ученый германецъ, передавшій намъ эту исторію, выражаетъ при этомъ презрительную увѣренность, что ея никогда не было.

Каково бы ни было происхожденіе слова, значеніе, приданное ему дѣлами и сочиненіями Кайя Юлія,—громадно. На всѣхъ языкахъ имъ теперь обозначаютъ деспота, неограниченнаго властителя; хотя и дознано,

[1]) Caesaries—волосы (chevelure).

что въ сущности русскій титулъ «Царь» не имѣетъ ничего общаго съ римскимъ именемъ, но сила этого имени такъ велика, что въ умахъ людей народное прозвище русскаго императора будетъ всегда неразрывно связано съ прозвищемъ преемниковъ императора римскаго.

Черезъ тетку Цезарь приходился племянникомъ тому самому Марію, который одержалъ верхъ надъ Суллою въ борьбѣ за высшую власть въ республикѣ, причемъ не разъ кровавыя побѣды смѣнялись непоправимыми, повидимому, пораженіями. Въ этой борьбѣ Сулла являлся представителемъ аристократовъ и патриціевъ, того, что теперь мы назвали бы консервативными интересами,—между тѣмъ какъ Марій, человѣкъ низкаго происхожденія, сдѣлавшійся изъ простаго рядоваго солдата любимцемъ народа и войска, могъ бы, пожалуй, назваться либераломъ, еслибъ этотъ терминъ былъ тогда въ употребленіи.

Либерализмъ доставилъ Марію власть, какъ это нерѣдко случалось съ вождями политическихъ партій и впослѣдствіи. Семь разъ онъ былъ консуломъ, обезпечивъ за собою седьмое избраніе жестокимъ, варварскимъ избіеніемъ своихъ враговъ въ Римѣ. Во время этого послѣдняго своего консульства онъ скончался. Молодой Цезарь, не смотря на свое патриціанское происхожденіе, занялъ мѣсто дяди въ народной партіи и, повидимому, съ самаго ранняго возраста, еще мальчи-

комъ, сталъ стремиться къ власти, которой легко могъ достигнуть, дѣйствуя осторожно и обдуманно.

А Цезарь былъ очень остороженъ, очень самоувѣренъ и очень терпѣливъ. Большинству нашихъ читателей вѣроятно извѣстно, какъ пала Римская Республика и установилась Римская Имперія. Имперія явилась результатомъ междоусобныхъ войнъ, начатыхъ Маріемъ и оконченныхъ молодымъ Октавіемъ, болѣе извѣстнымъ подъ именемъ Августа Цезаря. Юлій Цезарь былъ племянникомъ Марія, а Августъ былъ внучатнымъ племянникомъ и наслѣдникомъ Цезаря.

При помощи конскрипцій и убійствъ, болѣе ужасныхъ въ сущности, хотя и менѣе многочисленныхъ чѣмъ тѣ, которыми запятнала себя Французская Революція, власть, которую Марій создалъ какъ бы нечаянно, но къ которой весьма сознательно и постоянно стремился Цезарь, окончательно окрѣпла въ рукахъ Августа и была имъ завѣщана императорамъ. Перечитывая лѣтописи всемірныхъ событій, мы замѣчаемъ, что самовластіе первоначально выростаетъ изъ протеста народныхъ массъ противъ гнета. Такъ это было съ Кромвеллемъ, такъ дважды было въ новѣйшей исторіи Франціи и несомнѣнно было такъ же при возникновеніи Римской Имперіи. Какова бы ни была эта имперія,—она созданіе Цезаря, дѣло его рукъ, его ума, его воли.

Разбирая жизнь этихъ трехъ людей—Марія, Цезаря

и Августа, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ и шедшихъ къ одной цѣли,—къ разрушенію олигархіи, носившей въ Римѣ названіе республики, мы приходимъ къ убѣжденію, что одинъ изъ нихъ человѣкъ, а другіе два—хищные звѣри. Звѣрство старика Марія и юнаго Августа даже на разстояніи вѣковъ приводятъ въ содроганіе читателя, какъ бы ни старался онъ объяснять ихъ соображеніемъ, что въ тѣ времена христіанство еще не смягчило человѣческихъ сердецъ. Марій на закатѣ дней плавалъ въ крови враговъ, какъ и соперникъ его, Сулла; а молодой Октавій, богоподобный Августъ, любимецъ боговъ, обагрилъ свой престолъ кровью друзей. Чтобы удовлетворить Лепида и Антонія, своихъ товарищей по второму тріумвирату, онъ не постыдился включить въ списокъ лицъ, обреченныхъ на смерть, имена своихъ ближайшихъ, искреннѣйшихъ друзей. Рядомъ съ этими извергами — съ Маріемъ и Суллой, бывшими до него, и Антоніемъ и Октавіемъ, смѣнившими его,—Цезарь оставилъ по себѣ славу милосердаго. А между тѣмъ волосъ становится дыбомъ, когда онъ разсказываетъ, какъ одинъ за другимъ сожигались до тла города и какъ хладнокровно и равнодушно избивалось все ихъ населеніе.

Мы увидимъ дальше безстрастный разсказъ Цезаря объ умерщвленіи всѣхъ женщинъ и дѣтей одного племени. Разсказъ этотъ умѣстился у него въ одной строчкѣ. Но надо отдать Цезарю справедливость: онъ никогда

не наслаждался мученіями. Если ему казалось нужнымъ и полезнымъ заставить страдать одинъ народъ, чтобы другіе, изъ страха, повиновались и покорялись, то онъ—вѣроятно, не задумываясь—отдавалъ приказаніе. Исполненіе этого приказанія не вызывало въ немъ ни сожалѣнія, ни раскаянія. Но онъ не упивался кровью. Онъ былъ прежде всего человѣкъ рѣшительный и дальновидный, поступавшій безъ колебаній такъ, какъ того требовали практическія соображенія.

Можно сказать, что Цезаремъ постоянно руководило сознаніе долга къ родинѣ и любовь къ ней. То же можно сказать объ его великихъ современникахъ, Помпеѣ и Цицеронѣ. Но мы не видимъ этихъ мотивовъ ни въ Маріи и Суллѣ, предшественникахъ Цезаря, ни въ Антоніи и Августѣ, его премникахъ. Ихъ подстрекали любовь къ славѣ и власти, ненависть къ врагамъ, личное честолюбіе, увѣренность въ томъ, что сама судьба предназначила ихъ къ величію, соображеніе, что лучше убить, чѣмъ быть убитымъ. Всѣ эти чувства говорили и въ Цезарѣ, какъ говорятъ и до сихъ поръ въ государственныхъ людяхъ и полководцахъ; но рядомъ съ ними въ душѣ его жила благородная мысль, что онъ вынесетъ на своихъ плечахъ величіе Рима, что онъ сдѣлается владыкою, для того, чтобы имперія римская была хорошо управляема. Августъ, безспорно, правилъ хорошо. Юлію Цезарю не долго пришлось поцарствовать послѣ того, какъ окончились его военные

подвиги; но нельзя воздать Августу бо́льшей хвалы, какъ сказавъ, что у него достало ума видѣть въ благосостояніи римскихъ гражданъ лучшій залогъ прочности своего владычества. Съ молодыхъ лѣтъ Цезарь, хотя окруженный разнаго рода опасностями, занималъ видное мѣсто въ свѣтѣ. Всѣ дивились, какъ Сулла не умертвилъ его въ юности, не раздавилъ цыпленка, пока онъ еще былъ въ скорлупѣ; но Сулла пощадилъ его, и онъ быстро развился. Семнадцати лѣтъ онъ сдѣлался жрецомъ Юпитера и уже былъ тогда женатъ. Онъ рано началъ пробовать свои ораторскія способности и посреди всякаго рода опасностей держалъ сторону народа. Онъ служилъ отечеству на Востокѣ — вѣроятно, въ Виѳиніи—,спасаясь такимъ образомъ отъ погибели, угрожавшей ему въ Римѣ. Затѣмъ онъ сдѣлался квесторомъ, а потомъ эдиломъ, единодушно поддерживаемый всей Маріевой партіей, потому что эта партія горячо стояла за человѣка, въ которомъ видѣла своего будущаго вождя. «Неутомимый мучитель аристократовъ» [1]), стойко выдерживалъ нападенія аристократической партіи, которая усердно, но безуспѣшно старалась его уничтожить. Молодой кутила, повѣса—какъ назвалъ его однажды Сулла—не преминулъ однако обучиться всему, что ему было необходимо знать, какъ будущему вождю партіи, какъ полководцу великаго

---

[1]) Слова Меривэля.

войска. Тридцати семи лѣтъ Цезарь сталъ верховнымъ жрецомъ (Pontifex Maximus), главою всего римскаго священства; онъ занялъ такимъ образомъ самое почетное мѣсто въ городѣ, наперекоръ самому жаркому противодѣйствію аристократовъ, выставившихъ своего кандидата, Катула, честнѣйшаго, лучшаго человѣка всей этой партіи. На слѣдующій годъ Цезарь сдѣлался преторомъ, хотя и тутъ люди, опасавшіеся его, всячески этому противодѣйствовали. Пробывъ двѣнадцать мѣсяцевъ въ этой должности, онъ вступилъ въ управленіе Испаніей, выпавшей ему по жребію какъ пропретору, и согласно римскимъ порядкамъ отправился туда вопреки сенатскому декрету, повелѣвавшему ему остаться въ Римѣ. Въ Испаніи начались военные успѣхи Цезаря, его популярность въ войскѣ, и онъ вернулся въ Римъ съ правомъ на тріумфъ. Но въ лѣстницѣ государственныхъ должностей оставалась еще одна ступенька, отдѣлявшая Цезаря отъ того положенія, которое онъ стремился занять. Чтобы сдѣлаться начальникомъ многихъ легіоновъ, онъ долженъ былъ прежде сдѣлаться консуломъ, а чтобы искать консулата въ законныхъ формахъ, онъ долженъ былъ отказаться отъ тріумфа. Онъ могъ праздновать тріумфъ не иначе, какъ въ должности начальника военныхъ силъ республики, а какъ военачальникъ, какъ императоръ, онъ не смѣлъ явиться въ городъ. Онъ пожертвовалъ тріумфомъ, добивался консульства, какъ дѣлали всѣ другіе,

и тѣмъ подалъ поводъ согражданамъ сказать о себѣ, что онъ предпочелъ служеніе имъ своимъ личнымъ почестямъ. Сорока одного года онъ сдѣлался консуломъ. Во время борьбы за консульство между враждебными партіями заключенъ былъ тотъ тріумвиратъ, о которомъ такъ много слышали послѣдующіе вѣка и, вѣроятно, почти вовсе не слышали римляне того времени. Помпей, политическое дитя Суллы, надежда патриціевъ, къ партіи которыхъ онъ принадлежалъ, воротился тѣмъ временемъ въ Римъ послѣ побѣдъ, одержанныхъ имъ на Востокѣ. Онъ отпраздновалъ тріумфъ и попробовалъ почить на лаврахъ, распустивъ свое войско и намѣреваясь стать частнымъ человѣкомъ. Но времена были слишкомъ бурны для такой добропорядочной жизни, и Помпей навлекъ на себя презрѣніе своей партіи. Онъ ошибся, считая себя способнымъ отказаться отъ власти, и не могъ помириться съ утратой ея. Быть можетъ, онъ надѣялся управлять Римомъ силою своего вліянія, безъ помощи легіоновъ. Цезарь соблазнилъ его; они двое и Крассъ, богатство котораго имъ было нужно, заключили первый тріумвиратъ. Союзники предполагали общими силами овладѣть и Римомъ, и римскими провинціями. Но Цезарь, несомнѣнно, уже тогда рѣшилъ, что все это будетъ принадлежать ему одному.

Въ теченіе слѣдующихъ затѣмъ годовъ, проведенныхъ Цезаремъ въ борьбѣ съ галлами, Помпей оста-

вался въ Римѣ, будучи уже недругомъ Цезаря. Мимолетная, неискренняя дружба порвалась со смертью Юліи, дочери Цезаря, на которой женился Помпей, не смотря на то, что былъ пятью годами старше ея отца.

Но Помпей не былъ еще открытымъ соперникомъ Цезаря, подготовлявшаго въ Галльской войнѣ тѣ легіоны, которыми собирался покорить себѣ царство. Впослѣдствіи, когда Цезарь перешелъ Рубиконъ, между нимъ и Помпеемъ началась открытая вражда. Они были естественные враги.—Въ зрѣломъ возрастѣ Помпей, какъ мы сказали, женился на дочери Цезаря, а вторая жена Цезаря была изъ фамиліи Помпеевъ [1]). Но въ

[1]) Это была та самая жена, которая измѣнила Цезарю съ Клодіемъ. Цезарь развелся съ нею, объявивъ, что жена Цезаря должна быть выше всякихъ подозрѣній. Онъ не хотѣлъ жить съ невѣрной женою, но рядомъ съ тѣмъ не хотѣлъ въ эту минуту явиться въ числѣ обвинителей Клодія, который принадлежалъ къ одной съ нимъ партіи и котораго погубило бы обвиненіе, поддерживаемое Цезаремъ. Вторженіе этого демагога въ домъ Цезаря для ухаживанья за его женою во время мистерій въ честь Доброй Богини (Bona Dea) возбудило процессъ въ Римѣ. Оскорбленіе было жестокое и открытое. Клодій, кошемаръ патриціевъ, былъ любимцемъ черни. Онъ былъ наконецъ привлеченъ къ суду и оправданъ подкупленными судьями. Оскорбленному супругу стоило сказать слово, и смертный приговоръ былъ бы произнесенъ; но Цезарь не хотѣлъ сказать этого слова. Онъ могъ наказать жену, но боялся потерять свое вліяніе на народную партію, настаивая на наказаніи соблазнителя.

юности, когда каждый изъ нихъ крѣпко держался политики своей партіи, Помпей женился на невѣсткѣ Суллы, а Цезарь на дочери Цинны, который вмѣстѣ съ Маріемъ предводительствовалъ народной партіей. При такихъ связяхъ, заключенныхъ въ молодые годы, Помпей и Цезарь не могли не быть врагами. Соединеніе этихъ двухъ людей съ третьимъ лицомъ въ тріумвиратѣ могло быть только лицемѣрною сдѣлкою, на которую каждый пошелъ лишь для того, чтобы выиграть время. Итакъ, Цезарь сдѣлался консуломъ. Въ этой должности онъ поднималъ на смѣхъ сенатъ и своего аристократическаго товарища по консулату, ничтожнаго Бибула, съ которымъ мы встрѣтимся въ Комментаріи о междоусобной войнѣ. Цезарь, въ сущности, управлялъ одинъ и почти неограниченно. Сенатъ принужденъ былъ исполнять всѣ его требованія, а Помпей во всякомъ случаѣ былъ на этотъ годъ его союзникомъ. Мы уже знаемъ, что консуламъ и преторамъ, отслужившимъ свою годичную службу въ городѣ, ввѣрялось управленіе большими римскими провинціями, причемъ они получали титулъ пропреторовъ и проконсуловъ. Послѣ претуры Цезарь отправился на годъ въ назначенную ему провинцію, южную Испанію; онъ воротился оттуда побѣдителемъ, но не справлялъ

тріумфа. Послѣ консулата ему достались соединенныя провинціи Иллирія и Цизальпинская Галлія, и притомъ не на годъ, а на пять лѣтъ; къ нимъ прибавили еще Галлію Трансальпинскую, и такимъ образомъ Цезарю подчинена была страна, извѣстная теперь подъ именемъ сѣверной Италіи, на востокѣ Иллирія, а на западѣ, по ту сторону Альпъ, римская провинція, основанная на югѣ теперешней Франціи. Эта послѣдняя, ограниченная съ сѣвера Женевскимъ озеромъ и Швейцарскими Альпами, на югѣ доходила до Средиземнаго моря, а на западѣ до перешейка, соединяющаго Испанію съ материкомъ Европы. Трансальпинская Галлія уже принадлежала Риму, и на Цезарѣ лежала обязанность оборонять и ее, и самый Римъ отъ страшныхъ нашествій галловъ. Чтобы выполнить эту задачу, ему необходимо было соединить свои легіоны въ Галліи Цизальпинской, теперешней сѣверной Италіи.

Не видно, чтобы при отправленіи Цезаря въ провинцію имѣлось въ виду покореніе всей Галліи римскому владычеству. До тѣхъ поръ Римъ боялся галловъ и подвергался ихъ нападеніямъ.

Въ былыя времена галлы пробрались въ самый городъ и взяли съ него богатый выкупъ. Потомъ они заняли сѣверную Италію, которая вслѣдствіе этого при завоеваніи ея римлянами получила названіе Цисальпинской Галліи.

Затѣмъ въ продолженіе ста лѣтъ постепенно образовалась и разрослась на югѣ Франціи римская провинція, зерномъ которой была Марсель; Массилія была основана греческими купцами и постоянно пользовалась поддержкой и союзомъ Рима. Къ чему ведутъ подобные союзы, извѣстно всякому, мало-мальски знакомому съ исторіею.

Греческая колонія обратилась въ римскій городъ, окруженный римскими владѣніями. Цезарь, какъ намѣстникъ Трансальпинской Галліи, долженъ былъ оберегать эти владѣнія отъ дикихъ галловъ. Въ первомъ своемъ Комментаріи онъ разсказываетъ о томъ, какъ онъ выполнилъ эту задачу.

Въ четвертый годъ его управленія, въ консульство Помпея и Красса, товарищей Цезаря по тріумвирату, срокъ власти Цезаря былъ продолженъ еще на пять лѣтъ. Но онъ не выжилъ десяти лѣтъ въ своей провинціи. Дочь его Юлія скончалась, и съ этою смертью порвалась послѣдняя связь, соединявшая его съ великимъ соперникомъ. Сенатъ настаивалъ на отозваніи Цезаря, Помпей поддерживалъ это требованіе въ двусмысленныхъ выраженіяхъ. У Цезаря потребовали часть арміи. Повинуясь сенату, онъ отправилъ ее въ Италію; ее тотчасъ отдали подъ начальство Помпея. Тогда Цезарь нашелъ, что Италія удобнѣе для выполненія его плановъ, что Цисальпинская Галлія нуждается въ его присутствіи и что ему недурно было бы быть поближе къ Рубикону.

Второй Комментарій въ трехъ книгахъ, «De bello civili», повѣствуетъ о междоусобной войнѣ, о судьбѣ и дѣятельности Цезаря въ слѣдующіе затѣмъ два года (49 и 48 г. до Р. Х.) Продолженіе его военной дѣятельности разсказано въ трехъ слѣдующихъ Комментаріяхъ,—писанныхъ уже не Цезаремъ. Они не войдутъ въ этотъ томикъ, и мы упомянемъ о нихъ лишь вкратцѣ. Затѣмъ насталъ годъ власти, годъ славы,—который Цезарь съумѣлъ употребить съ пользою. А тамъ пришелъ конецъ,—и разъигралась сцена хорошо всѣмъ извѣстная, когда Цезарь упалъ подъ ударами друзей и враговъ къ подножью Помпеевой колонны въ Капитоліи.

Намъ остается сдѣлать краткую характеристику сочиненій Цезаря, такъ какъ наша главная цѣль дать о нихъ нѣкоторое понятіе тѣмъ, кому не случалось читать ихъ. Жизнь самого Цезаря не умѣстится въ этомъ маленькомъ томикѣ, потому что она вмѣстѣ съ тѣмъ исторія всего тогдашняго міра. Слово, которымъ Цезарь назвалъ свое сочиненіе, означало, по его понятію, «Записки», «Мемуары».

Слово это такъ сроднилось въ нашемъ представленіи съ именемъ Цезаря, что, произнося его, мы какъ бы говоримъ о Цезарѣ.—Еслибы не Цезарь, то «Комментаріемъ» назывались бы скорѣе примѣчанія критика къ тому или другому сочиненію, чѣмъ самое сочиненіе. «Комментаріи» Цезаря—это записки, составленныя имъ

самимъ, въ которыхъ описываются разные его походы. При этомъ онъ говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ, говоритъ такъ, какъ могъ бы говорить сопровождавшій его писарь или секретарь. Это обстоятельство наводитъ на мысль, не писарь, не секретарь ли писалъ, въ самомъ дѣлѣ, эти записки.

Въ пользу этого предположенія можно привести одинъ весьма сильный аргументъ. Масса дѣлъ, какъ военныхъ, такъ и политическихъ, которыми былъ заваленъ Цезарь, и безъ литературныхъ занятій была не подъ силу человѣческому уму. Едвали кто-либо когда-либо такъ усиленно работалъ: ученіе о раздѣленіи труда не находило еще тогда приложенія въ крупныхъ дѣлахъ. Цезарь не былъ только полководцемъ: онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и инженеромъ, и астрономомъ, и ораторомъ, и поэтомъ, и жрецомъ, который по долгу службы необходимо долженъ былъ изучить сложную, запутанную систему римскаго богослуженія, хотя самъ, какъ извѣстно, не вѣрилъ въ Олимпійскихъ боговъ.

Какъ политическій дѣятель, Цезарь стоялъ постоянно въ оппозиціи, но, не смотря на то, ни на минуту не оставлялъ политической арены, не вкусилъ ни минуты отдыха въ уединеніи частной жизни. Англія изобилуетъ государственными людми, писавшими книги. Она имѣла двухъ министровъ, переводившихъ Гомера, министра романиста, министра, который извѣстенъ какъ историкъ, драматургъ и біографъ. Но они не дѣйствовали

одновременно и на полѣ брани, и въ Палатѣ Депутатовъ, и всѣ наслаждались отъ времени до времени тѣмъ отдыхомъ отъ дѣлъ, который выпадаетъ на долю политическихъ дѣятелей, стоящихъ въ оппозиціи. Съ начала Галльскихъ войнъ Цезарь во всѣ годы, кромѣ послѣдняго года своей жизни, сражался самъ на полѣ битвы. Успѣхъ возможенъ былъ только при личномъ его участіи въ сраженіи. Читатель увидитъ, что, за исключеніемъ осады Марселя, ничего важнаго не было сдѣлано для Цезаря въ его отсутствіе. Ему пришлось создавать армію и предводительствовать ею. Ему пришлось набирать легіонъ за легіономъ, по мѣрѣ надобности, привлекать къ себѣ войско силою своего характера, славою своего имени. Онъ долженъ былъ самъ, такъ сказать своими руками, дѣлить между солдатами сверхъестестественно-громадную добычу, подстрекавшую ихъ къ сверхъестественной отвагѣ, къ сверхъестественному труду. Онъ принималъ на себя отвѣтственность за каждый поступокъ каждаго солдата; въ то же время было необходимо дѣйствовать на враговъ, а еще болѣе на друзей, находившихся въ Римѣ,—чтобы не перепутать и не испортить своихъ политическихъ дѣлъ.

Обремененный такими заботами, могъ ли Цезарь писать свои Комментаріи? Есть основаніе предполагать, что съ помощью секретарей онъ собралъ воедино большое количество замѣтокъ, извѣстныхъ подъ именемъ «Цезаревыхъ Эфемеридъ»,—набросковъ, сдѣланныхъ мимоходомъ, изо дня въ день.

Не изъ этихъ ли замѣтокъ ученый, ловкій секретарь составилъ Комментаріи, носящіе имя Цезаря? Эти замѣтки сдѣлались предметомъ ожесточенныхъ схоластическихъ препирательствъ между издателями и критиками. Одинъ ученый нѣмецъ, горячо доказывая, что Цезарь никогда не писалъ Эфемеридъ, допускаетъ однако, что кто-нибудь записывалъ длину пути, пройденнаго войскомъ, высоту горъ, размѣры рѣкъ, число плѣнныхъ и рабовъ [1]). «Даже я», говорилъ онъ, «даже я не могу повѣрить, чтобы Цезарь былъ способенъ, просто, запомнить все это.» Затѣмъ онъ доказываетъ, что подобнаго рода замѣтки могъ дѣлать всякій писарь и что невѣроятно, чтобы Цезарь нашелъ время самъ заниматься ими. Негодованіе и воинственный азартъ нѣмецкаго ученаго, конечно, комичны, но доводы его не лишены убѣдительности. Вѣроятно, замѣтки были собраны секретарями Цезаря, подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ; но Комментаріи, очевидно, писаны имъ самимъ. Они, повидимому, скоро сдѣлались извѣстны между учеными римлянами того времени. И Цицеронъ, ученѣйшій и тончайшій критикъ той эпохи, говоря о нихъ, ни мало не сомнѣвается въ авторѣ. Тогда уже было извѣстно, что

---

[1]) Ниппердейнъ.

первыя семь книгъ о Галльской войнѣ принадлежатъ Цезарю, а восьмая кому-то другому. Все это намъ кажется достаточно доказательнымъ. Но есть и достовѣрность внутренняя. Цезарь пишетъ въ третьемъ лицѣ и весьма внимательно выдерживаетъ эту форму разсказа. Но, при всемъ вниманіи, онъ раза три, четыре забывается и говоритъ въ первомъ лицѣ.—Другое лицо, говоря о Цезарѣ, не проговорилось бы такимъ образомъ. Въ тонѣ разсказа есть нѣкоторыя мелкія черты, указывающія на Цезаря, какъ на автора. Никакой писарь не сталъ бы такъ говорить о «молодомъ» Брутѣ, о «молодомъ» Крассѣ. Цезарь разсказываетъ, какъ сначала гордился, получивъ легіонъ, благодаря дружбѣ Помпея, а потомъ пришелъ въ негодованіе, когда Сенатъ потребовалъ у него возвращенія этого легіона и еще другаго, когда Помпей употребилъ ихъ противъ него,—обо всемъ этомъ онъ говоритъ въ такихъ выраженіяхъ, которыхъ было бы достаточно для доказательства подлинности каждаго Комментарія, еслибы такое доказательство понадобилось. Намъ довольно единодушнаго приговора современниковъ Цезаря.

Вѣроятно, Комментаріи была написаны въ томъ же порядкѣ, въ какомъ происходили войны, и каждый былъ изданъ въ свое время отдѣльно. Иначе трудно было бы понять, какимъ образомъ Цезарь могъ начать свой второй Комментарій прежде, чѣмъ окончилъ пер-

вый. Повидимому, треволненія междоусобной войны помѣшали ему описать послѣдніе два похода въ Галліи, изъ которыхъ онъ составилъ бы, вѣроятно, двѣ книги. Онъ поручилъ это своему другу Гирцію, который умѣстилъ событія двухъ лѣтъ въ одной книгѣ.

Отзывы Цезаря о людяхъ, которые прежде были его друзьями, а потомъ стали врагами, доказываютъ также, что первый Комментарій былъ уже оконченъ и изданъ въ свѣтъ прежде, чѣмъ написанъ былъ второй. Такъ Лабіенъ, вѣрный помощникъ Цезаря въ Галльской войнѣ, перешелъ въ противоположный лагерь и въ междоусобной войнѣ служилъ Помпею. Цезарь не преминулъ бы намекнуть объ измѣнѣ Лабіена въ первомъ Комментаріи, еслибы Лабіенъ оставилъ его и перешелъ къ Помпею, когда этотъ первый Комментарій еще не былъ изданъ въ свѣтъ и находился въ рукахъ автора.

Лучшій критикъ той эпохи призналъ стиль Цезаря превосходнѣйшимъ въ своемъ родѣ.

Цезарь, очевидно, не гонится за литературной славой, но старается познакомить читателя со своими дѣяніями въ ясномъ, сжатомъ, отчетливомъ разсказѣ, достаточно хорошо изложенномъ, чтобъ заинтересовать.

Цицеронъ отзывается о Комментаріяхъ слѣдующимъ образомъ: «Valde quidam, inquam, probandos; nudi enim sunt, recti, et venusti, omni ornatu orationis, tan-

quam veste, detracto». Это мѣсто легко понять, но не такъ легко перевести: «Я нахожу ихъ истинно прекрасными, потому что они просты, правдивы, занимательны; съ нихъ совлечены всякія ораторскія украшенія, какъ совлекается одежда». Цицеронъ писалъ эти слова еще при жизни Цезаря, какъ видно изъ контекста. И Цицеронъ вовсе не хочетъ этимъ сказать, что сочиненія Цезаря сухи или *необработаны*: слово «venusti» доказываетъ противное. Тотъ же Цицеронъ замѣчаетъ, что Цезарь болѣе, чѣмъ кто-либо изъ ораторовъ, выбиралъ въ своихъ рѣчахъ выраженія. А если онъ такъ говорилъ, то навѣрно такъ и писалъ, потому что всѣ лучшія рѣчи римлянъ сочинялись письменно. Монтень говоритъ о Цезарѣ: «Я читаю этого писателя съ бо́льшимъ уваженіемъ, чѣмъ какое-либо другое человѣческое твореніе; то, пораженный его величіемъ, его кипучей дѣятельностью, я любуюсь въ нихъ человѣкомъ; то восхищаюсь чистотою и неподражаемой оконченностью стиля; въ этомъ отношеніи онъ превосходитъ не только другихъ историковъ, по признанію Цицерона, но, быть можетъ, и самого Цицерона». Цицеронъ, впрочемъ, нигдѣ не признаетъ сказаннаго, и, ссылаясь на него, Монтень ошибся. Цезарь вообще былъ героемъ Монтеня, который всегда говоритъ о немъ съ восторгомъ.

Мы любимъ выражаться пространно, не скупясь на слова, и рѣдко даемъ себѣ трудъ писать сжато. По-

этому мы не сразу понимаемъ Цезаря. Даже вчитавшись въ него, попривыкнувъ къ нему, его нельзя читать очень быстро. Три, четыре прилагательныхъ или, вѣрнѣе, причастій, соединенныхъ съ существительнымъ въ предложеніе, представляютъ нерѣдко множество данныхъ, для выраженія которыхъ намъ бы понадобилось три, четыре отдѣльныхъ предложенія. Чтобы перевести Цезаря, надо употребить втрое больше словъ, чѣмъ употреблялъ онъ. Это можно, впрочемъ, сказать о многихъ, если не обо всѣхъ латинскихъ писателяхъ. Насколько римлянинъ любилъ говорить сжато, настолько мы любимъ расплываться. Хотя у Цезаря каждое слово значитъ много, но предложеніе его содержитъ иногда много словъ, и читатель скоро приходитъ къ убѣжденію, что невыгодно читать черезъ слово и что при быстромъ чтеніи онъ много потеряетъ.

Въ разсказѣ Цезаря всего болѣе поражаетъ жестокость римлянъ; — самъ Цезарь отличался ею въ высшей степени и нигдѣ не выказываетъ къ ней отвращенія. А вѣдь между современниками онъ заслужилъ славу милосердаго и сохранилъ эту славу до нашихъ дней. Разбирая характеръ Цезаря и не сравнивая его при этомъ съ современниками, невозможно не признать его страшно-жестокимъ. — Онъ не убилъ никого изъ кровожадности, но и не пощадилъ никого изъ состраданія.

Онъ дѣйствовалъ лишь по разсчету; когда политическія соображенія требовали кровопролитія, онъ могъ, ни минуты не колеблясь, безъ малѣйшей тѣни жалости, отдать приказаніе объ уничтоженіи множества людей, безъ различія пола и возраста, не щадя даже невинныхъ и безпомощныхъ созданій. Одно лишь можетъ служить ему оправданіемъ: онъ былъ римлянинъ, а римляне были равнодушны къ кровопролитіямъ. Самоубійство было у нихъ весьма обыкновеннымъ средствомъ уйти отъ неизбѣжной бѣды, и понятно, что люди, ни въ грошъ не ставившіе своей жизни, не дорожили чужою. Изъ множества лицъ, съ которыми читатель познакомится на страницахъ этой книжки, только одно или два умерли въ своихъ постеляхъ. Крупнѣйшіе изъ нихъ, Помпей и Цезарь, были убиты. Эдуй [1]) Думнориксъ — убитъ по приказанію Цезаря. Великодушнѣйшій изъ галловъ, Верцингеториксъ, оставленъ былъ въ живыхъ на нѣсколько лѣтъ, чтобы смерть его скрасила тріумфъ Цезаря. Германецъ Аріовистъ спасся отъ руки Цезаря, но вскорѣ мы узнаемъ объ его смерти, за которую жестоко отомстили германцы. Онъ несомнѣнно былъ убитъ римской рукою. Мы не знаемъ, что сталось съ гонимымъ Амбіориксомъ, но братъ его, король Кативолкъ отравился.

[1]) Эдуи—гальскій народъ, жившій между Луарой и Саоной. *Переводч.*

Крассъ, соучастникъ Цезаря и Помпея въ первомъ тріумвиратѣ, былъ убитъ пареянами. Молодой Крассъ, сынъ его, легатъ Цезаря въ галльскихъ войнахъ, былъ убитъ своими же воинами, чтобы онъ не попался въ руки пареянъ; голова его была отрублена и послана отцу. Лабіенъ палъ при Мундѣ, во время послѣдней гражданской войны. Квинтъ Цицеронъ, помощникъ Цезаря, его великій братъ, ораторъ, а также и сынъ послѣдняго, погибли въ проскрипціяхъ, сопровождавшихъ второй тріумвиратъ. Титурій и Котта были убиты Амбіориксомъ вмѣстѣ со своимъ войскомъ. Афраній былъ убитъ солдатами Цезаря по послѣднемъ сраженіи, происходившемъ въ Африкѣ. Петрей изрубленъ былъ въ куски королемъ Юбой. Варронъ, правда, дожилъ до глубокой старости и написалъ много книгъ. Домицій, защищавшій Марсель по порученію Помпея, былъ убитъ, когда бѣжалъ послѣ фарсальской битвѣ. Требоній, осаждавшій Марсель съ суши, былъ убитъ въ Смирнѣ зятемъ Цицерона. Съ Децима Брута, осаждавшаго Марсель съ моря, какой-то Камиллъ снялъ голову, чтобъ послать ее въ подарокъ Антонію. Куріонъ, попытавшійся удержать Африку за Цезаремъ, бросился въ ряды враговъ и тамъ погибъ. Побѣдившій его король Юба приказалъ своему рабу убить себя. Антоній Варъ, удержавшій провинцію за Помпеемъ, палъ впослѣдствіи при Мундѣ. Маркъ Антоній, знаменитый помощникъ Цезаря въ фарсальскихъ

войнахъ, закололся. Кассія Лонгина, другаго помощника Цезаря, утопили. Сципіонъ, товарищъ великаго Помпея при Фарсалѣ, наложилъ на себя руки въ Африкѣ. Бибулъ, его главный адмиралъ, зачахъ. Молодой Птоломей, у котораго Помпей надѣялся найти убѣжище, утонулъ въ Нилѣ. Судьба его сестры, Клеопатры, извѣстна всѣмъ. Азіятецъ Фарнакъ, врагъ Цезаря, палъ въ битвѣ. Катонъ зарѣзался въ Утикѣ. Старшій сынъ Помпея, Кней, былъ взятъ въ плѣнъ раненымъ и умерщвленъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, былъ убитъ и младшій, Секстъ, однимъ изъ воиновъ Антонія. Знаменитые заговорщики Брутъ и Кассій оба кончили самоубійствомъ. Но о нихъ очень мало говорится въ Комментаріяхъ; мало говорится и объ Августѣ Цезарѣ, которому какъ-то удалось выплыть живымъ изъ моря крови, среди которой возвышался занятый имъ престолъ. Найдется не болѣе двухъ, трехъ лицъ, погибшихъ на полѣ битвы, открыто сражаясь съ врагами.

Все это имена болѣе или менѣе замѣчательныхъ людей, преимущественно военныхъ, которые съ открытыми глазами, зная, что̀ ихъ ожидаетъ, шли навстрѣчу опасности, для достиженія извѣстныхъ цѣлей. Этотъ каталогъ писанъ кровью; онъ страшно полонъ и заключаетъ въ себѣ всѣхъ, кто упоминается въ этой книжкѣ; онъ ужасенъ и, вмѣстѣ, какъ-будто комиченъ.

Но когда доходишь до истребленія городовъ, до опустошенія странъ, произведеннаго съ цѣлью уморить голодомъ жителей, — до стариковъ, дѣтей и младенцевъ, брошенныхъ на произволъ судьбы, предоставленныхъ голодной смерти, до истязанія тысячей людей, до сожженія городовъ, о которомъ разсказывается въ двухъ словахъ, до тысячей утопленниковъ, о которыхъ говорится какъ о поколѣвшемъ семействѣ крысъ,— всякая тѣнь комичнаго пропадаетъ, и сердце обливается кровью.

Тогда-то намъ всего болѣе припоминается, что христіанство преобразило міръ, что хотя и послѣ пришествія Христова дѣлалось не мало ужасовъ, но человѣчество все-таки много измѣнилось со временъ Цезаря.

ГЛАВА II.

Первая книга о Галльской войнѣ.—Цезарь изгоняетъ изъ Галліи сначала швейцарцевъ, потомъ германцевъ, 58 г. до Р. Х.

Въ предъидущей главѣ уже было замѣчено, что Цезарь, повидимому, не получалъ приказанія покорить Галлію, когда принималъ на себя военное начальство надъ тремя провинціями. Въ Римѣ все-еще боялись галловъ, и обязанностью Цезаря было наблюдать, чтобы они не перебрались черезъ Альпы на римскую территорію. Онъ долженъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ защищать отъ нападеній ту часть Галліи, которая уже была обращена въ римскую провинцію, и предупреждать возстанія провинціаловъ, которые гораздо болѣе симпатизировали прежнимъ собратамъ, чѣмъ новымъ повелителямъ. Однако опытъ показываетъ намъ, что большія, завоевательныя державы, подъ предлогомъ защиты того, чѣмъ онѣ уже владѣютъ, распространяютъ свои владѣнія дальше, дальше и наконецъ овладѣваютъ всѣмъ.

Такъ разрослись англійскія владѣнія въ Индіи, испанскія въ Америкѣ. Такъ Пруссія на нашихъ глазахъ изъ чувства самосохраненія захватила Нассау, Ганноверъ, Гольштейнъ и Гессенъ. Такъ, въ баснѣ, волкъ потребовалъ себѣ всю рѣку, чтобы оборониться отъ завоевателя - ягненка. Гуманный читатель, безъ сомнѣнія, проклинаетъ хищнаго, всепоглощающаго, жаднаго волка. Но читатель-философъ хорошо понимаетъ, что это единственный путь, которымъ цивилизація проникаетъ въ отдаленныя страны. Хищный волкъ несетъ съ собою энергію и знаніе.

Мы не знаемъ, каковы были относительно Галліи стремленія самого Цезаря, когда онъ сталъ проконсуломъ. Безъ сомнѣнія, въ его головѣ уже созрѣлъ такой планъ, успѣхъ котораго былъ несравненно важнѣе, чѣмъ пріобрѣтеніе для республики лишней провинціи, хотя бы и такой обширной, какъ Галлія.

Цезарь вдоволь насмотрѣлся на политическую жизнь Рима и ясно понималъ, что дѣйствительная власть въ этомъ городѣ можетъ принадлежать лишь вождю легіоновъ. И Марій, и Сулла господствовали въ Римѣ при помощи войскъ, которыя они набрали какъ республиканскіе военачальники. Помпей на Востокѣ пріучилъ свое войско къ побѣдамъ; всѣ ожидали, что онъ воспользуется имъ для утвержденія своей власти на родинѣ. Но онъ оказался великодушнымъ по мнѣнію однихъ, нерѣшительнымъ и неблагоразумнымъ по мнѣ-

нію другихъ и по возвращеніи съ Востока въ Италію распустилъ свои легіоны.

Послѣдствіемъ этого явилось, что когда Цезарь стремился впередъ, на пути къ могуществу и славѣ, Помпей вынужденъ былъ искать хотя нѣкотораго вліянія въ тайномъ союзѣ со своимъ естественнымъ врагомъ и Крассомъ. Видя все это, понимая причины успѣховъ и неудачъ Марія и Суллы, видя послѣдствія великодушія Помпея, — Цезарь рѣшился создать себѣ хорошо дисциплинированное войско. Школой для этого войска должна была непремѣнно послужить какая-нибудь война,—все равно, какая именно. Поэтому, какъ-только представился поводъ къ войнѣ, онъ былъ готовъ на нее. Не успѣлъ онъ стать проконсуломъ, какъ преступная овца пришла напиться изъ его рѣки.

Разсказывая намъ, какимъ образомъ онъ покорялъ одну овцу за другою, на протяженіи всей страны, которую онъ называетъ Галліей, Цезарь почти ничего не говоритъ о себѣ самомъ. Онъ упоминаетъ лишь въ нѣскольких словахъ о своихъ политическихъ соображеніяхъ, о своихъ замыслахъ и даже о своихъ дѣйствіяхъ въ Итали въ продолженіе зимнихъ мѣсяцевъ, которые онъ большею частію проводилъ на южномъ склонѣ Альпъ, оставляя войска на зимнихъ квартирахъ, подъ начальствомъ своихъ помощниковъ. Его исторія есть не что иное, какъ исторія походовъ; тамъ и сямъ онъ

говоритъ о величіи Республики, но нигдѣ не дѣлаетъ длинныхъ отступленій, чтобы представить читателю мотивы, на основаніи которыхъ онъ дѣйствовалъ.

Въ этихъ семи книгахъ о семилѣтней борьбѣ въ Галліи только разъ, одинъ только разъ, онъ представляетъ мотивъ чисто личный. Истребивъ четвертую часть переселявшихся швейцарцевъ—совершивъ этотъ первый военный подвигъ въ Галліи,—онъ говоритъ, что отомстилъ этимъ за обиду, нанесенную столько же ему, сколько Республикѣ, такъ какъ дѣдъ его тестя въ одной изъ прежнихъ войнъ былъ убитъ тѣмъ самымъ племенемъ, которому онъ теперь нанесъ такое страшное пораженіе.

Слѣдуетъ также замѣтить, что Цезарь только нечаянно говоритъ въ первомъ лицѣ, да и то въ обстоятельствахъ неважныхъ, въ которыхъ онъ игралъ роль второстепенную и случайную. Онъ нигдѣ не говоритъ «я», а вездѣ «Цезарь», какъ будто Цезарь, писавшій Комментаріи, не тотъ Цезарь, о которомъ онъ писалъ. Нерѣдко онъ хвалитъ самого себя. Но при этомъ въ тонѣ его не слышится гордости, какъ нигдѣ не слышится самоуниженія. Онъ не производитъ впечатлѣнія хвастуна, хотя разсказываетъ о своихъ подвигахъ, какъ и о подвигахъ своихъ полководцевъ и центуріоновъ. Безъ малѣйшаго скромничанья онъ сообщаетъ намъ отъ времени до времени о томъ, какъ въ Римѣ, по полученіи извѣстій о благополучномъ окончаніи той или

другой кампании, по декрету сената двадцать дней продолжалась «суппликація», т. е. празднество и благодарственное моленіе за одержанныя побѣды.

О своихъ домашнихъ затрудненіяхъ — о политическихъ трудностяхъ, съ которыми ему приходилось бороться,—онъ упорно молчитъ. А они, вѣрно, подчасъ сильно его тревожили. Мы знаемъ изъ другихъ источниковъ, что во время Галльскихъ войнъ его очень сильно осуждали въ Римѣ за то, что онъ поступалъ враждебно и крайне жестоко съ племенами, считавшимися римскими союзниками. Мы узнаемъ, что разъ даже было предложено выдать его врагу въ наказаніе за то, что онъ коварно измѣнилъ этому самому врагу. Еслибы Сенатъ склонился на это предложеніе и состоялся бы законъ, то выполнить его не было бы никакой возможности.

Гораздо легче было устроить двадцатидневную «суппликацію», чѣмъ остановить успѣхи Цезаря, послѣ того, какъ легіоны уже успѣли узнать его.

Не много говоритъ Цезарь и о стратегическихъ трудностяхъ; мѣстами онъ даетъ читателю замѣтить, что ему приходится плохо,—когда, напримѣръ, корабли его готовы разбиться въ дребезги о британскіе берега или когда галлы, угнетенные, подавленные его желѣзною рукою, поднимаются вдругъ какъ одинъ человѣкъ, подъ предводительствомъ Верцингеторикса.

Но его любимый пріемъ: разсказывать о томъ, что

онъ намѣревался сдѣлать, какъ приступилъ къ дѣлу и какъ дѣло увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, и разсказать какъ можно короче, не теряя словъ.

Пусть интересующіеся военной исторіей прочтутъ сначала семь книгъ Цезаря о Галльской войнѣ, а потомъ первые четыре тома Кинглека о Крымской кампаніи. Они познакомятся такимъ образомъ съ двумя лучшими образцами историческаго изложенія, изъ которыхъ первый поразитъ ихъ сжатостью, лаконизмомъ, другой болтливостью.—Но оба разсказа одинаково ясны, оба изложены съ одинаковою ловкостью, заставляющею насъ видѣть въ авторахъ великихъ мастеровъ.

Хваля другихъ—своихъ помощниковъ, своихъ воиновъ, а иногда враговъ—Цезарь нерѣдко увлекается, хотя и похвала выражается у него парою словъ, а иногда просто эпитетомъ, вставленнымъ съ этою цѣлью въ предложеніе, имѣющее совсѣмъ постороннее значеніе.

Онъ очень скупъ на порицанія, такъ скупъ, что иногда кажется, не смотрѣлъ ли онъ на нѣкоторыя человѣческія несовершенства, напримѣръ на недостатокъ честности, храбрости или осторожности, какъ на весьма естественныя и потому извинительныя проявленія человѣческой природы. Онъ можетъ говорить о совершенномъ истребленіи легіона вслѣдствіе тупоумія или, быть можетъ, даже трусости одного изъ своихъ подчиненныхъ, не попрекнувъ несчастнаго ни единымъ сло-

вомъ. Онъ можетъ разсказывать о томъ, какъ племя, находившееся подъ покровительствомъ Рима, нѣсколько разъ ему измѣняло, — и не выражать при этомъ ни малѣйшаго негодованія на такое вѣроломство. А затѣмъ онъ объясняетъ, какъ это племя было не то чтобъ прощено, — но принято опять въ союзники, потому-что онъ нашелъ удобнымъ такъ поступить.—Съ другой стороны, рука его пишетъ, не дрогнувъ, повидимому, какъ онъ обрекалъ на раззореніе городъ, съ женщинами и дѣтьми, въ немъ находившимися, чтобы другіе города знали, что̀ ихъ ожидаетъ въ случаѣ упорнаго сопротивленія, и поспѣшили стать подручниками богоподобнаго героя, во власть котораго Провидѣніе отдало ихъ жизнь и имущество.

Цезарь, какъ видно, не терялъ никогда вѣры въ себя и въ свои силы. Онъ слишкомъ простъ въ своихъ литературныхъ пріемахъ, слишкомъ проникнутъ чувствомъ собственнаго достоинства, чтобы увѣрять насъ, что онъ никогда не былъ побѣжденъ. Но самая эта простота какъ-будто внушаетъ увѣренность, что походъ, въ которомъ онъ принимаетъ личное участіе, не можетъ не имѣть благопріятнаго исхода. Какъ-будто само собою разумѣется, что побѣда всюду сопровождаетъ его и что даже напрасно разсуждать о бо̀льшей или меньшей вѣроятности успѣха. Онъ никого не страшился и потому внушалъ всѣмъ почтительный страхъ. Когда легіоны не слушались его призыва къ оружію,

онъ обращался къ нимъ прямо съ рѣчью и однимъ словомъ приводилъ вновь къ повиновенію. Луканъ, хорошо понимавшій Цезаря, говоритъ, что «онъ заслуживалъ, чтобы его трепетали, потому что самъ ничего не боялся», «meruitque timeri Nil metuens». Онъ пишетъ о себѣ какъ нѣкій богъ, увѣренный въ исполненіи своихъ божественныхъ предначертаній и потому никогда не сомнѣвающійся въ себѣ. Цезаря никогда не покидаетъ эта божественная простота, дѣлающая его «veni, vidi, vici» естественнымъ выраженіемъ его мнѣнія о своемъ образѣ дѣйствій. То же чувствуется и въ многочисленныхъ, но краткихъ извѣстіяхъ о присужденныхъ имъ наказаніяхъ. Города пустѣли по мановенію его руки, но онъ не даетъ себѣ даже труда сказать, что онъ когда-либо пошевелилъ ею. Онъ разсказываетъ про какого-то Акко, оказавшаго ему неповиновеніе, что онъ наказалъ его «more majorum, graviore sententiâ pronunciatâ» (послѣ того, какъ былъ произнесенъ болѣе строгій приговоръ), точно будто этотъ приговоръ былъ произнесенъ какимъ-то особымъ судомъ, тогда какъ его произнесъ одинъ Цезарь. А изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что наказаніе «more majorum» состояло въ томъ, что преступника раздѣвали до̀-нага, привязывали къ доскѣ и засѣкали до смерти. Затѣмъ, сказавъ въ двухъ словахъ, что онъ сдѣлалъ страну слишкомъ жаркою для пребыванія бѣглыхъ соучастниковъ замученнаго начальника, онъ

переходитъ въ Италію величественнымъ шагомъ существа, слишкомъ высокаго, чтобъ останавливаться на этихъ мелочныхъ, но непріятныхъ подробностяхъ. И мы дѣйствительно чувствуемъ, что онъ слишкомъ высокъ.

Какъ мы уже сказали, великому волку - проконсулу не долго пришлось дожидаться овцы, пришедшей напиться къ его рѣкѣ; гельветы, или швейцарцы, какъ мы ихъ называемъ, жившіе на берегахъ Женевскаго озера и въ горахъ и долинахъ къ сѣверу отъ этого озера, разсудили, что страна, ими населенная, неплодородна и бѣдна и что они могли бы значительно улучшить свое положеніе, покинувъ горы и перебравшись въ Галлію, гдѣ они надѣялись захватить самыя плодородныя земли, вытѣснивъ населявшія ихъ племена. Удобнѣйшій путь имъ лежалъ вдоль Роны: тотъ самый путь, который теперь ведетъ черезъ Женеву во Францію. Но, идя этимъ путемъ, швейцарцы вынуждены бы были задѣть уголокъ римской провинціи. Въ этомъ случаѣ овца сильно взмутила воду. Когда Цезарю сообщили, что эти швейцарцы собирались «facere iter per Provinciam nostram», «совершить путешествіе черезъ нашу провинцію»,—онъ быстро переправился черезъ Альпы въ Галлію и явился въ Женеву съ наивозможнѣйшей быстротою.

Онъ начинаетъ первую книгу географическимъ обзоромъ Галліи, который едва-ли очень точенъ и вѣренъ, но ясно передаетъ то, что авторъ хотѣлъ сказать объ этомъ предметѣ. Подъ именемъ Галліи онъ разумѣетъ все пространство отъ устьевъ Рейна до Пиринеевъ, ограниченное съ востока Роной, Швейцарскими Альпами и Римской Провинціей. Все это пространство онъ дѣлитъ на три части, говоря, что бельгійскія племена жили къ сѣверу отъ Сены и Марны, аквитанскія на югъ отъ Гаронны, а галлы или кельты въ серединѣ между ними.

Описавъ такимъ образомъ мѣсто своихъ дѣйствій, онъ прямо переходитъ къ преступному намѣренію швейцарскихъ переселенцевъ пройти черезъ «нашу провинцію».

Въ Трансальпинской Галліи былъ всего одинъ легіонъ. Поэтому, когда швейцарскіе послы просятъ позволенія пройти черезъ римскія владѣнія, обѣщая не причинять жителямъ вреда, Цезарь не даетъ рѣшительнаго отвѣта. Онъ не можетъ сказать теперь ничего положительнаго, онъ долженъ сперва подумать объ этомъ. Пусть придутъ опять въ такой-то день (т. е., когда у него будетъ наготовѣ побольше войска). Тогда онъ, конечно, отказываетъ. Швейцарцы дѣлаютъ-было легкую попытку пройти, но скоро отстаютъ отъ неисполнимаго плана. Однако они находятъ другой выходъ изъ своихъ горъ: черезъ владѣнія племени секвановъ, которые разрѣшаютъ имъ проходъ. Но Цезарь знаетъ, какъ эти овцы будутъ досаждать

римскимъ волкамъ, если имъ удастся обойти ихъ и очутиться въ тылу его провинціи, той самой римской провинціи, которая сохранила имя Прованса во Франціи до тѣхъ поръ, пока Франція не перестала дѣлиться на провинціи. Къ тому-же союзники римской республики, эдуи (Aedui), просятъ его остановить этихъ дикихъ швейцарскихъ путешественниковъ. Онъ всегда радъ помогать эдуямъ, не смотря на то, что они дрянной, вѣтренный народъ,—но въ особенности радъ представившейся войнѣ. Поэтому онъ нападаетъ съ тылу на швейцарцевъ, когда уже три четверти всего народа перешли рѣку Араръ (Саону), а четверть отстала. Это отсталое племя—несчастные, всѣ были одного племени, изъ одного горнаго кантона—было настигнуто и разбито на-голову; по этому случаю Цезарь поздравляетъ себя съ тѣмъ, что отомстилъ убійцамъ дѣда своего тестя.

Ничто въ исторіи не можетъ быть интереснѣе этой попытки гельветовъ къ переселенію, о которой Цезарь разсказываетъ, не выражая ни малѣйшаго удивленія. Цѣлый народъ съ женами и дѣтьми рѣшился искать новаго отечества, потому что дома стало тѣсно: земли мало, народу много, народу смѣлаго, предпріимчиваго. Мы постоянно встрѣчаемся въ исторіи съ переселеніями народовъ: читаемъ о норманнахъ (сѣверныхъ людяхъ), занимающихъ южныя равнины, о датчанахъ и ютахъ, переселяющихся въ Британнію, о

жителяхъ Скандинавіи, спускающихся на югъ и переправляющихся черезъ Рейнъ, и т. п. Мы знаемъ, что такимъ образомъ заселился міръ. Но мы обыкновенно представляемъ себѣ при этомъ горсть воиновъ, отправляющихся въ путь, оставляющихъ на родинѣ семьи и друзей, къ которымъ они могутъ вернуться, если захотятъ. Для швейцарскихъ переселенцевъ возврата не было. Они уничтожили все, чего не могли захватить съ собою, сожгли дома, сожгли даже хлѣбъ (на поляхъ), чтобы не было возможности вернуться на старыя мѣста. Они прошли уже много верстъ, достигли уже Отёна (Autun) — по крайней мѣрѣ три четверти ихъ достигли уже этого пункта; но тутъ Цезарь вызываетъ ихъ на битву и разбиваетъ на горѣ. Римляне еще не завоевали себѣ въ этихъ мѣстахъ той репутаціи непобѣдимости, которую пріобрѣли впослѣдствіи, и швейцарцы чуть-чуть не одолѣли. Цезарь признается, а такія признанія онъ дѣлаетъ раза два, не болѣе, что сраженіе было продолжительное и исходъ его долгое время казался сомнительнымъ. Но наконецъ бѣдные гельветы разбиты на-голову. Цезарь, однако, не удовлетворяется ихъ простымъ бѣгствомъ. Онъ заставляетъ ихъ вернуться на старыя пепелища— въ обгорѣлые дома, на опустѣвшія поля—,чтобы тамъ не водворились германцы и не стали докучать римлянамъ. И эти несчастные воротились,—тѣ изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, которые не погибли въ схваткѣ.

Стараясь быть по-возможности точнымъ, Цезарь говоритъ, что 368,000 душъ выступили въ путь, а 110,000—слѣдовательно, менѣе трети—вернулись назадъ. Изъ погибшихъ многіе были принесены въ жертву тѣни Цезарева родственника.

Тутъ галлы смекнули, что Цезарь великій человѣкъ; онъ разсказываетъ, что по окончаніи войны съ гельветами почти всѣ галльскія племена поспѣшили прислать къ нему пословъ съ поздравленіями. Одно изъ этихъ племенъ, эдуи, обратилось къ нему съ просьбою оказать имъ великую милость.

Съ этими эдуами мы встрѣчаемся часто; они очень антипатичны тѣмъ, что постоянно дѣйствуютъ противъ своихъ собратій, галловъ, пока не предполагаютъ, что Цезарь дѣйствительно находится въ большемъ затрудненіи;—тогда они внезапно обращаются противъ него.

Два племени—эдуи, имя которыхъ исчезло во Франціи, и арверны, съ которыми мы встрѣчаемся еще въ Овернѣ, долгое время боролись другъ съ другомъ за преобладаніе; наконецъ арверны и союзники ихъ, секваны, призвали на помощь изъ-за Рейна нѣкоторыя германскія племена. Плохо тогда пришлось эдуямъ. И вотъ, одинъ изъ ихъ королей, Дивитіакъ, взываетъ о помощи къ Цезарю. Не будетъ ли Цезарь такъ добръ, изгнать этихъ ужасныхъ германцевъ, возвратить отъ нихъ заложниковъ, освободить эдуевъ отъ тяжелаго

гнета и, вообще, возстановить порядокъ? И дѣйствительно: не одни эдуи страдали отъ этихъ германцевъ и ихъ короля Аріовиста; еще хуже приходилось секванамъ, призвавшимъ ихъ. Аріовистъ дѣйствительно сталъ бичемъ восточной Галліи. Пусть Цезарь его выгонитъ. Цезарь соглашается, а мы не можемъ не вспомнить по этому поводу другой басни: лошадь попросила человѣка помочь ей въ борьбѣ съ оленемъ; человѣкъ вскочилъ на лошадь, и ужь больше не слѣзалъ съ нея. Цезарь не медля вскочилъ на лошадь и, крѣпко усѣвшись въ сѣдлѣ, не намѣревался вовсе слѣзать.

Цезарь объясняетъ намъ причины, по которымъ онъ согласился исполнить эту просьбу. Римскій сенатъ часто называлъ эдуевъ «друзьями» и «братьями». Нельзя было позволить германцамъ угнетать племя, удостоенное такого почета. Къ тому-же эти разбойники-германцы войдутъ во вкусъ переходить черезъ Рейнъ и наконецъ проберутся въ провинцію и даже въ самую Италію, если ихъ не остановить заблаговременно. Самъ Аріовистъ былъ такъ дерзокъ, что его надо было сразу осадить. И вотъ Цезарь посылаетъ пословъ къ Аріовисту, приглашая варвара на свиданіе. Тотъ не хочетъ явиться. Еслибы онъ пожелалъ видѣть римлянина, то пошелъ бы къ римлянину: если римлянинъ желаетъ видѣть его, то пусть самъ и идетъ къ нему. Таковъ отвѣтъ Аріо-

виста. Они обмѣниваются послами, и часто доводы варвара являются по силѣ логики болѣе убѣдительными, чѣмъ доводы Цезаря, въ чемъ Цезарь и отдаетъ ему справедливость со своей обычной божественной простотой. Аріовистъ напоминаетъ Цезарю, что римляне имѣли обыкновеніе управлять покоренными ими племенами посвоему и онъ, Аріовистъ, въ это не вмѣшивался; теперь германцы намѣрены пользоваться точно такъ же своими правами. Онъ прибавляетъ, что готовъ жить въ дружбѣ съ римлянами; но пусть Цезарь соблаговолитъ припомнить, что германцы народъ непобѣдимый на войнѣ, искусный въ управленіи оружіемъ; а какъ суровы они, онъ можетъ судить по тому, что вотъ уже четырнадцать лѣтъ, какъ они не спали подъ кровлей. Между тѣмъ другіе галльскія племена жаловались и умоляли о помощи. Тревиры, обитатели мѣстности, гдѣ нынѣ стоитъ Триръ, терпѣли отъ нападеній желтовласыхъ свевовъ, которые, кажется, занимали почти всю ту часть нынѣшней Рейнской Пруссіи, которая находится на лѣвомъ берегу Рейна. Свевы эти обнаруживали такое же стремленіе на западъ, какое съ тѣхъ поръ обнаруживали пруссаки. Другой народъ, гаруды, пришедшій съ Дуная, также безпокоилъ бѣдныхъ эдуевъ. Глядя на все это, Цезарь сообразилъ, что если онъ будетъ мѣшкать, то сѣверные и южные германцы соединятъ свои силы. Онъ запасся провіантомъ и бросился на Аріовиста.

Подобно Наполеону, Цезарь въ своихъ походахъ бралъ необыкновенною быстротой движеній. Онъ не читаетъ намъ наставленій на эту тэму, не удостаиваетъ насъ разсужденій о пользѣ проворства на войнѣ, но постоянно говоритъ, что повелъ всю свою армію «magnis itineribus», необычайно быстрыми маршами, что шелъ день и ночь и употреблялъ всѣ старанія, «magno opere», не жалѣя силъ, чтобы обогнать врага. На этотъ разъ Аріовистъ старался достичь одного секванскаго города Везонція, теперь извѣстнаго намъ подъ измѣнившимся именемъ Безансона. Этотъ городъ былъ расположенъ на холмѣ, представлявшемъ естественную крѣпость и окруженномъ рѣкою. Нѣтъ ничего полезнѣе на войнѣ, какъ обладаніе подобнымъ природнымъ укрѣпленіемъ, говоритъ Цезарь. Поэтому онъ спѣшитъ, поспѣваетъ раньше Аріовиста и занимаетъ городъ. Читатель уже начинаетъ чувствовать, что Цезарь предназначенъ къ божественному счастью. Читатель какъ-будто знаетъ это заранѣе, и самое худшее, чего онъ можетъ ожидать, это видѣть Цезаря на-волосъ отъ бѣды. Но римляне еще не имѣли въ него такой вѣры. Въ Везонціи ему говорятъ, что люди его страшно боятся германцевъ. И это, несомнѣнно, было такъ. Римляне, обученные военному искусству, одержавшіе рядъ побѣдъ на Востокѣ, вышколенные пуническими войнами и борьбою съ разными сосѣдними народами, — тѣмъ

не менѣе все еще боялись галловъ, и даже очень боялись. Со временъ Бренна они постоянно съ трепетомъ ожидали ихъ прихода въ Италію. А германцы были хуже галловъ. Слова Аріовиста, что его люди никогда не ночевали подъ кровлею, не были пустымъ хвастовствомъ. Это былъ страшный, косматый, желтоволосый народъ. Блескъ ихъ глазъ былъ невыносимъ для итальянца. Римлянами овладѣлъ такой ужасъ, что они «иногда не могли удержаться отъ слезъ»: «neque interdum lacrimas tenere poterant». Когда вспомнишь, каковы стали эти люди, поживъ немного съ Цезаремъ, ихъ плаксивый страхъ передъ германцами становится смѣшнымъ. Не слѣдуетъ, впрочемъ, забывать, что тогдашніе, какъ и теперешніе, итальянцы выражали свои ощущенія болѣе живыми движеніями и жестами, чѣмъ считаютъ это приличнымъ въ сѣверныхъ краяхъ. Намъ даже трудно представить себѣ солдатъ, плачущихъ отъ страха. Центуріоны объявили Цезарю, что солдатами овладѣлъ такой ужасъ, что они вѣроятно откажутся, по призыву въ сраженіе, взять оружіе въ руки; вслѣдствіе этого Цезарь обращается ко всѣмъ своимъ офицерамъ, съ рѣчью, преисполненной хвастовства, презрѣнія,—преисполненной, безъ сомнѣнія, всякаго рода лжи, къ которой онъ лишь настолько примѣшалъ правды, насколько это казалось ему нужнымъ и цѣлесообразнымъ. Мы знаемъ, что Цезарь обладалъ въ

высшей степени даромъ убѣдительности. Изъ устъ его, какъ изъ устъ Нестора, могли исходить рѣчи то «слаще меда»—то острѣе стали. Какъ бы то ни было, если другіе не захотятъ идти за нимъ, говорилъ Цезарь, онъ увѣренъ, что десятый легіонъ останется ему вѣренъ. Если нужно будетъ, онъ пойдетъ впередъ съ однимъ этимъ легіономъ, легіономъ истинныхъ воиновъ, оставивъ всѣхъ другихъ. Хотя онъ еще недавно занимаетъ свое мѣсто, но у него уже есть избранный отрядъ, гвардія, любимый полкъ,—десятый легіонъ. Цезарь съумѣлъ воспользоваться его превосходствомъ и храбростью, чтобы его примѣромъ развить тѣ же качества въ другихъ.

Тогда Аріовистъ присылаетъ пословъ съ объявленіемъ, что теперь онъ желаетъ свиданія съ Цезаремъ. Пусть они оба выѣдутъ на такую-то равнину, въ сопровожденіи своихъ конныхъ тѣлохранителей. Аріовистъ сообразилъ, что пѣхотинцы могутъ оказаться опасными, такъ какъ зналъ, что пѣхота Цезаря состояла изъ римлянъ, а конница изъ галловъ. Цезарь соглашается на предложеніе, но беретъ съ собою воиновъ изъ своего десятаго легіона, посаженныхъ верхомъ на коняхъ менѣе надежныхъ союзниковъ. Подробность этого свиданія и доводы, которые, какъ намъ разсказываютъ, приводились съ обѣихъ сторонъ, необыкновенно любопытны. Мы не должны забывать, что Цезарь передаетъ намъ и свои мысли, и мысли

противника; но мы чувствуемъ, что онъ старается разсказывать безпристрастно и вѣрно; на требованія Цезаря Аріовистъ имѣлъ сказать весьма немного; но зато онъ имѣлъ сказать многое о своихъ собственныхъ подвигахъ. Свиданіе, однако, было прервано нападеніемъ германцевъ на конную свиту Цезаря, и Цезарь удалился, успѣвъ, впрочемъ, развить передъ Аріовистомъ свою величественную идею о покровительствѣ, которое Римъ обязанъ оказывать своимъ союзникамъ. Аріовистъ предложилъ другое свиданіе; это предложеніе Цезарь отклонилъ, пославъ, однако, къ нему нѣсколькихъ пословъ. Аріовистъ заковываетъ этихъ пословъ въ цѣпи; тогда не остается ничего больше, какъ воевать.

Объемъ этого сочиненія не позволяетъ намъ вдаваться въ подробности происходившихъ сраженій; да они и не представляютъ особаго интереса. Цезарь описываетъ, какъ конница и пѣхота у германцевъ дѣйствовали вмѣстѣ, ловко помогая другъ другу. Воины Цезаря сражались хорошо, и германцы, не смотря на свои блестящіе глаза, сильнымъ натискомъ отброшены назадъ къ Рейну. Аріовисту удалось переправиться черезъ рѣку и спастись, но двѣ дочери его и двѣ жены остались на полѣ битвы. Обѣ жены и одна изъ дочерей преданы смерти. Другая дочь взята въ плѣнъ. Въ числѣ пословъ, которыхъ Цезарь послалъ къ вождю германцевъ, былъ одинъ изъ близкихъ друзей

его. Онъ былъ вмѣстѣ съ товарищами закованъ въ цѣпи. Во время бѣгства германцевъ римляне освободили его. Это обстоятельство обрадовало Цезаря не менѣе, чѣмъ самая побѣда: одинъ изъ честнѣйшихъ людей галльской провинціи, его близкій другъ и гость, былъ спасенъ отъ рукъ враговъ и возвращенъ ему. Судьба удвоила этотъ даръ свой тѣмъ, что плѣнникъ нисколько не пострадалъ въ заключеніи. Онъ самъ разсказывалъ, что уже три раза въ его присутствіи кидали жребій, сжечь ли его теперь же живымъ, или сохранить до другаго времени. Такъ повѣствуетъ Цезарь объ этомъ событіи. Намъ нравится его увлеченіе, и мы радуемся извѣстію, что и другой посолъ возвращенъ.

Желтоволосые свевы, услышавъ обо всемъ этомъ, бросили свое намѣреніе перебраться черезъ низовье Рейна и поспѣшили назадъ, въ свою страну, не безъ печальныхъ приключеній на пути. Имя Цезаря уже такъ прославилось, что союзныя съ нимъ племена отважились даже первыя задѣть свевовъ. Тогда онъ сообщаетъ намъ, выраженіями въ родѣ «Veni, vidi, vici», что, покончивъ въ теченіе одного лѣта двѣ войны, онъ тѣмъ самымъ получилъ возможность помѣстить свое войско на зимнія квартиры раньше даже, чѣмъ это было нужно, а самъ могъ перейти черезъ Альпы въ другую свою Галлію — «ad conventus agendos», — чтобы открыть нѣчто въ родѣ

сессій или ассизовъ по дѣламъ провинціальнаго управленія, но въ особенности для того, чтобы набрать побольше солдатъ.

ГЛАВА III.

Вторая книга о Галльской войнѣ. Цезарь покоряетъ бельгійскія племена. 57 г. д. Р. Х.

Человѣкъ осѣдлалъ лошадь; но у лошади было такъ много враговъ, въ борьбѣ съ которыми человѣкъ могъ пригодиться, что она не спѣшила сбросить его. Не будетъ ли Цезарь такъ добръ, покорить бельгійскія племена? Цезарь не замедлилъ найти къ этому поводы. Белги, будто-бы, замышляютъ напасть на него. Они думаютъ, что такъ какъ Галлія покорена или «усмирена», по выраженію Цезаря, то римскій побѣдитель навѣрное дастъ имъ почувствовать свою храбрость, а потому лучше быть на-131готовѣ. Цезарь высказываетъ предположеніе, что, вѣроятно, имъ будетъ весьма непріятно, если римское войско останется всю зиму въ такомъ близкомъ отъ нихъ сосѣдствѣ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ бельгійскія овцы начинаютъ сильно мутить воду, и волкъ вынужденъ принять свои мѣры. Онъ набираетъ еще два легіона и, какъ только земля произвела кормъ, необходимый

для увеличившагося числа его людей и лошадей, спѣшитъ напасть на бельгійскія племена, жившія въ сѣверной Галліи. Одно изъ этихъ племенъ, ремы (Remi), тотчасъ же прислало къ нему замолвить за себя словечко, сказать, что они не грѣшныя овцы, какъ другія, и не мутили воды. Всѣ другіе белги, а съ ними часть германцевъ, въ заговорѣ противъ Цезаря. Даже ближайшіе ихъ сосѣди, суэссіоны, преступны; но они, ремы, наотрѣзъ отказались даже понюхать рѣку, которую считаютъ неотъемлемою собственностью добраго волка. Пусть волкъ облагодѣтельствуетъ ихъ, овладѣвъ ими и всѣми животами ихъ, позволивъ имъ быть самыми вѣрными, покорными его друзьями. Эти ремы внушаютъ намъ такое же отвращеніе, какъ эдуи; но ихъ мудрая изобрѣтательность спасла ихъ отъ бѣдствій и конечной гибели, которымъ подверглись остальныя бельгійскія племена. У всѣхъ почти этихъ такъназываемыхъ бельгійскихъ племенъ мы встрѣчаемся съ позднѣйшими, хорошо намъ знакомыми названіями мѣстностей. Реймсъ находится въ прежней странѣ ремовъ, Суассонъ—въ странѣ суэссіоновъ. Бове напоминаетъ белловаковъ, Аміэнь—амбіановъ, Аррасъ—атребатовъ, Триръ—тревировъ, какъ уже было указано выше. Silva Arduenna, безъ сомнѣнія, не что иное, какъ Арденнскій лѣсъ.

Война началась съ того, что другіе белги напали на извращенныхъ ремовъ, державшихъ сторону римлянъ. У ремовъ былъ городъ Бибраксъ, теперь извѣстный или, вѣрнѣе сказать, неизвѣстный подъ именемъ Біевра. Въ этомъ городѣ ремы были осаждены своими соплеменниками. Бибраксъ уже едва держался, и можно себѣ представить, какова была бы въ случаѣ взятія его судьба обитателей. Они послали къ Цезарю, стоявшему лишь за 12 верстъ отъ нихъ. Если Цезарь не поможетъ, то они не въ состояніи выносить долѣе своего тяжелаго положенія; Цезарь, отославъ ихъ съ поклономъ, конечно подалъ помощь, и несчастные белги, осаждавшіе городъ, пришли въ страшное замѣшательство. Они рѣшились вернуться домой, каждый въ свою страну, съ тѣмъ, чтобы оттуда поспѣшить на помощь къ тому племени, на которое вздумаетъ напасть Цезарь. «Такимъ образомъ», говоритъ Цезарь, оканчивая описаніе этого небольшаго дѣла, «не подвергаясь ни малѣйшей опасности, наши истребили столько враговъ, сколько было возможно перебить въ одинъ день». Рѣзня окончилась лишь съ закатомъ солнца: такъ приказалъ Цезарь.

Нѣтъ никакого другаго доказательства, что белги дѣйствительно замышляли напасть на римскую провинцію, кромѣ свидѣтельства Цезаря. Но какова бы ни была ихъ виновность или невиновность, онъ рѣшился продолжать войну до совершеннаго ихъ покоренія. На другой же день онъ напалъ на суэссіоновъ и дошелъ до ихъ города Новіодунума—Нойона. Увидѣвъ его во-

енныя силы — жители Нойона не рѣшились защищаться и вступили въ переговоры о сдачѣ. Такъ же поступили белловаки. По настоянію своихъ друзей, ремовъ, Цезарь пощадилъ первый изъ этихъ городовъ, по просьбѣ эдуевъ—второй. Но онъ отобралъ у жителей все оружіе и заставилъ дать себѣ заложниковъ. У белловаковъ, какъ у народа могущественнаго, онъ взялъ шестьсотъ заложниковъ. Мы удивляемся, читая исторію Цезаревыхъ походовъ, что̀ онъ дѣлалъ со всѣми этими заложниками и какъ онъ удерживалъ ихъ при себѣ.—Но само собою разумѣлось, что они будутъ убиты, какъ скоро городъ, племя или государство, давшее ихъ, окажетъ малѣйшее неповиновеніе или сопротивленіе великому завоевателю.

Потомъ пришла очередь амбіанъ, и предки нынѣшнихъ аміэнцевъ скоро подчинились. За ними, далѣе къ сѣверу, въ нынѣшней Фландріи, находились земли нервіевъ. Объ этихъ нервіяхъ Цезарь слышалъ пречудесныя вещи. По разсказамъ путешественниковъ, бывавшихъ въ ихъ странѣ, они не терпѣли у себя купцовъ, представляя въ этомъ отношеніи прямую противоположность нынѣшнимъ бельгійцамъ; они не пили вина, не позволяли себѣ никакой роскоши, чтобъ не утратить военной доблести. Нервіи не прислали Цезарю пословъ и рѣшились постоять за себя. Они вѣрили лишь въ силу пѣхоты; кавалеріи не было у нихъ и въ заводѣ. А противъ конницы враговъ они обыкновенно защищались крѣпкими, частыми плетнями, представлявшими настоящее подобіе стѣны.

Цезарь двинулся противъ нервіевъ съ восемью легіонами. Онъ говоритъ, что шелъ обыкновеннымъ своимъ способомъ «consuetudine sua». Но сосѣди представили нервіямъ это движеніе въ совершенно превратномъ видѣ и привели ихъ тѣмъ въ великое смущеніе. Цезарь двинулъ на нервіевъ прежде всего свою кавалерію, потомъ шесть легіоновъ пѣхоты; за ними весь коммиссаріатъ, багажъ, возы съ осаднымъ паркомъ, а уже послѣ всего этого два легіона новобранцевъ. Кстати будетъ здѣсь пояснить, что въ то время легіонъ номинально состоялъ изъ шести тысячъ тяжеловооруженныхъ воиновъ. Въ каждомъ легіонѣ было по десяти когортъ; въ каждой когортѣ по шести центурій (сотенъ),—слѣдовательно, всего шестьсотъ человѣкъ. Какъ и въ нашихъ полкахъ, комплектъ, вѣроятно, часто былъ не полонъ. Восемь легіоновъ, такимъ образомъ, должны бы были составить войско въ 48,000 пѣхотинцевъ. Но Цезарь нигдѣ точно не опредѣляетъ числа людей, находившихся подъ его командою.

По собственному признанію, Цезарь былъ вовлеченъ въ битву, не зная даже, гдѣ онъ находится. Цезарь, говоритъ онъ, принужденъ былъ дѣлать все самъ, сдѣлать множество распоряженій одновременно; онъ долженъ былъ поднять боевое знамя, дать сигналъ трубою, чтобы отозвать воиновъ отъ работы и собрать

тѣхъ, которые, ища матеріаловъ для насыпи, отошли далеко; привести войско въ движеніе, ободрить его, дать ему лозунгъ. Въ этомъ случаѣ все его краснорѣчіе ограничилось напоминаніемъ о прежней, старинной римской доблести. Непріятель былъ такъ близко, такъ сильно наступалъ, что солдаты едва-едва успѣли надѣть шлемы и снять покрышки со щитовъ. Замѣшательство было такъ велико, что они не успѣли размѣститься рядами; имъ пришлось сражаться, какъ они стояли, подъ ближайшими значками. Обстановка была весьма неблагопріятна для римлянъ. Въ особенности мѣшали имъ толстые плетни, черезъ которые ничего не было видно. Не было никакой возможности сражаться въ порядкѣ, и счастье безпрестанно переходило отъ одной стороны къ другой. Цезарь, повидимому, застигнутъ былъ совсѣмъ врасплохъ. Минутами казалось, что вотъ-вотъ нервіи возьмутъ верхъ. Воины девятаго и десятаго легіона смяли и сбили одно племя въ рѣку, а потомъ имъ пришлось опять съ нимъ биться и выгнать его изъ рѣки. Одиннадцатый и восьмой легіонъ, обративъ въ бѣгство другое племя, попались на самомъ берегу въ просакъ. Двѣнадцатый и седьмой легіонъ бились преусердно, неподалеку отъ римскаго лагеря, какъ вдругъ Бодогнатъ, начальникъ нервіевъ, проникъ въ самую средину его. Положеніе римлянъ было такъ затруднительно, что тревиры, бывшіе въ этомъ дѣлѣ ихъ союзниками, убѣжали во-свояси, хотя ихъ кон-

ница слыла въ Галліи самой храбрѣйшей, и объявили что римляне разбиты. Но на выручку явился самъ Цезарь и на этотъ разъ поправилъ все дѣло только личнымъ своимъ мужествомъ. Увидавъ крайнее, почти безвыходное положеніе своихъ воиновъ, «rem esse in angusto», онъ взялъ у перваго солдата щитъ—самъ онъ пришелъ безъ щита—и ринулся въ бой. Увидавъ его, зная, что они дѣйствуютъ на его глазахъ, солдаты принялись драться съ удвоеннымъ мужествомъ и отбросили враговъ.

Читатель, вѣроятно, желалъ бы знать, насколько все это дѣйствительно было такъ. Можно только сказать, что когда читаешь, кажется, что все это правда. Въ наше время почти непонятно, какимъ образомъ въ такую минуту одинъ храбрый человѣкъ могъ сдѣлать несравненно больше другаго храбраго человѣка; не понятно, какимъ образомъ вся огромная армія знала Цезаря въ лицо; не понятно, какимъ образомъ Цезарь зналъ по имени всѣхъ центуріоновъ, а онъ говоритъ, что называлъ каждаго изъ нихъ. Между тѣмъ, при чтеніи — разсказъ кажется весьма правдоподобнымъ. Читатель чувствуетъ, что Цезарь никогда не унизится до хвастовства, но что рядомъ съ тѣмъ и скромность—добродѣтель неизвѣстная древнему міру—не помѣшаетъ ему говорить о себѣ правду. Такъ точно Минерва могла бы разсказывать намъ о своемъ сошествіи въ троянскій станъ. Нервіи держались стойко, но, тѣмъ

не менѣе, были обращены въ бѣгство. Народъ этотъ былъ почти истребленъ, такъ что имя его едва уцѣлѣло, говоритъ въ этомъ мѣстѣ Цезарь, хотя дальше мы опять встрѣчаемся съ нервіями, какъ съ народомъ далеко не уничтоженнымъ и не безсильнымъ. Когда изъ шестисотъ старѣйшинъ осталось всего три, а изъ шестидесяти-тысячнаго войска пятьсотъ человѣкъ,— Цезарь простеръ къ уцѣлѣвшимъ свою милосердую руку. Онъ позволилъ имъ вернуться въ свои жилища, запретивъ сосѣдямъ трогать ихъ. Несомнѣнно, что Цезарь чуть-чуть не потерпѣлъ пораженія въ этой стычкѣ; вѣроятно, онъ извлекъ изъ нея весьма поучительный урокъ для будущихъ своихъ походовъ.

До наступленія осени надо было покончить еще съ однимъ народомъ, — съ адуатуками, которые помогали нервіямъ. Адуатуки жили въ теперешнемъ Немурскомъ округѣ и имѣли свой городъ [1]). Сначала они попробовали сражаться подъ стѣнами этого города, но Цезарь пустилъ въ ходъ свои страшныя приспособленія, дававшія ему возможность добраться до нихъ черезъ стѣны; онъ построилъ башни, которыя издали насмѣ-

[1]) Эти народы были потомками тѣхъ кимвровъ, которые за полстолѣтія передъ тѣмъ такъ напугали Римъ. Кимвры, по свидѣтельству историковъ, выселились изъ своей родины и шесть разъ побѣждали римскія войска, овладѣвъ «нашей провинціей», угрожая нападеніемъ Италіи и Риму. Республика была въ большой опасности, но

шили-было адуатуковъ, но съ высоты которыхъ римляне осыпали враговъ стрѣлами и камнями. Противъ этого немыслимо было защищаться, и адуатуки выслали пословъ съ просьбою о пощадѣ. «Цезарь и римляне», говорили они, «обладаютъ нечеловѣческою силою.» Они выразили готовность отдать все въ руки побѣдителя, умоляя лишь о томъ, чтобы онъ оставилъ имъ оружіе, необходимое для борьбы съ врагами. Что станется съ ними безъ оружія?

Цезарь отвѣчалъ на это, что они не заслуживаютъ никакой милости. Какія заслуги можетъ имѣть племя, враждующее съ Цезаремъ? Но, по милосердію своему, онъ, пожалуй, помилуетъ ихъ, если они сдадутся прежде, чѣмъ таранъ дотронется до ихъ стѣнъ. А говоря объ оружіи, они, вѣроятно, шутятъ съ нимъ. Оружіе они, само собою разумѣется, должны выдать. Онъ же сдѣлаетъ для нихъ то же, что сдѣлалъ для ремовъ, т. е. строго-на-строго закажетъ сосѣдямъ обижать ихъ. — Адуатуки согласились и побросали оружіе въ ровъ, окружавшій извнѣ стѣны города, но побросали не всё. Часть, около трети, они вѣроломно оставили у себя.—Когда Цезарь вошелъ въ городъ, то жители, удержавшіе ору-

ее спасъ храбрый, ловкій, быстрый Марій. Покидая свои земли, кимвры оставили въ ней часть народа съ тѣмъ имуществомъ, котораго не могли взять съ собою; адуатуки были дѣтьми и внуками этихъ оставшихся дома кимвровъ. Цезарь, безъ сомнѣнія, зналъ и помнилъ все это.

жіе, а также нѣкоторые изъ безоружныхъ, попытались бѣжать изъ города. Произошла свалка, въ которой было убито нѣсколько тысячъ человѣкъ. Многіе были силою возвращены назадъ въ городъ и проданы въ рабство. Любопытно было бы узнать, кто ихъ купилъ и за какую цѣну ходилъ въ то время человѣкъ въ городѣ адуатуковъ?

Вслѣдъ затѣмъ Цезарь получилъ отъ своего помощника, молодаго Красса, сына своего товарища по тріумвирату, пріятное извѣстіе, что всѣ бельгійскія государства, отъ Шельды до Бискайскаго залива, покорились римскому владычеству. Германцы также прислали Цезарю пословъ, изъ-за Рейна; они были глубоко убѣждены, что всякая борьба съ нимъ—безполезна; послѣднія сраженія произвели на всѣхъ варваровъ потрясающее впечатлѣніе. Но Цезарь торопился и не могъ тогда выслушать пословъ. Онъ хотѣлъ скорѣе поспѣшить въ Италію и приказалъ имъ явиться на слѣдующее лѣто.

Какъ скоро въ Римъ долетѣла вѣсть о всѣхъ этихъ событіяхъ, тамъ устроили торжественное благодарственное моленіе, продолжавшееся пятнадцать дней.

ГЛАВА IV.

Третья книга о Галльской войнѣ. — Цезарь покоряетъ западныя галльскія племена.—56 г. до Р. Х.

Первыя пять строчекъ третьей книги доказываютъ, что Цезарь умѣлъ не только завоевывать, но и извлекать пользу изъ сдѣланныхъ завоеваній. Отправляясь по окончаніи похода въ Италію, онъ отрядилъ нѣкоего Гальбу, потомокъ котораго сдѣлался императоромъ послѣ Нерона, съ двѣнадцатымъ легіономъ къ верховьямъ Роны, гдѣ и приказалъ ему расположиться на зимнія квартиры, чтобы сдѣлать путь черезъ Альпы въ Италію болѣе безопаснымъ и удобнымъ для проѣзжихъ купцовъ. Повидимому, купцы эти проходили черезъ большой Сенъ-Бернардскій проходъ, а Гальба расположился со своимъ легіономъ невдалекѣ отъ теперешняго Мартиньи. Но вскорѣ на лагерь его напали жители Ронской долины, недовольные, вѣроятно, тѣмъ, что римляне не давали имъ брать съ провозимыхъ товаровъ слишкомъ большія пошлины;—римляне чуть не погибли всѣ отъ яростнаго присту-

па. Доведенные до крайности, уже лишенные оружія и съѣстныхъ припасовъ, они рѣшились, наконецъ, пробиться сквозь толпу враговъ, и сдѣлали это такъ успѣшно, что избили болѣе десяти тысячъ человѣкъ и обратили въ бѣгство двадцать тысячъ швейцарцевъ. Тѣмъ не менѣе Гальба счелъ за лучшее оставить эту негостепріимную страну, въ которой зимою невозможно было прокормить армію, спустился на югъ и вдоль озера и Роны прошелъ въ Римскую Провинцію. Онъ расположился зимовать въ землѣ аллоброговъ, входившей въ составъ этой Провинціи и находившейся къ югу отъ нынѣшняго Ліона. Цезарь не говоритъ, насколько это было пріятно аллоброгамъ; но мы узнаемъ отъ него, что они тогда были очень надежны, хотя въ былыя времена возбуждали не мало опасеній. Впрочемъ, положеніе ихъ было таково, что они не могли измѣнить римлянамъ. Мы не знаемъ, какъ вели себя въ такихъ случаяхъ легаты Цезаря: платили-ли они за свои харчи, покупали-ли хлѣбъ по рыночнымъ цѣнамъ. Вѣроятно, Цезарь устраивался такъ, что содержаніе войска падало на мѣстность, въ которой оно стояло.

Принимая въ соображеніе число людей, съ которыми Цезарь отправлялся въ страны, неизвѣстныя ни ему, ни войску, и ту повидимому безпечную смѣлость, съ которой онъ пускался въ трудный путь,—нельзя не отдать ему справедливости, что онъ самъ очень

мало говоритъ о трудностяхъ, съ которыми ему приходилось бороться. Ему, вѣроятно, постоянно приходилось заботиться о поддержаніи войска, вдвое превышавшаго численностью англійскую крымскую армію,—быть можетъ, равнявшагося соединеннымъ силамъ англичанъ и французовъ въ Крымской кампаніи; при этомъ онъ не могъ перевозить того, что̀ ему было нужно, на корабляхъ. Дорога отъ Балаклавы до высотъ Севастополя, конечно, была очень плоха, но зато коротка. Дорога, ведшая отъ подножія Альпъ черезъ Римскую Провинцію въ тѣ страны, о которыхъ мы говорили въ предъидущей главѣ, конечно, двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ не могла быть очень хороша и вмѣстѣ съ тѣмъ была очень длинна; Цезарь дѣлалъ по сту миль на каждую изъ тѣхъ миль, которыя были такъ страшны англичанамъ въ Крыму. И, не смотря на то, онъ возилъ съ собою весьма немногое, сверхъ оружія и военныхъ снарядовъ, изъ которыхъ наиболѣе тяжелые, безъ сомнѣнія, дѣлалъ на мѣстѣ. Каждому солдату въ день полагалась порція хлѣба, кромѣ денежной платы. Намъ извѣстно, что до временъ Цезаря легіонару платили сто ассовъ въ мѣсяцъ (ассъ — нѣсколько менѣе трехъ копѣекъ) и что Цезарь удвоилъ эту плату. Надо полагать, что денежный вопросъ тревожилъ его сравнительно не много, но зато доставать ежедневно хлѣбъ и фуражъ на такое громадное количество людей и лошадей было

очень трудно. Онъ часто говоритъ объ этихъ затрудненіяхъ, но никогда въ тонѣ его не слышится того отчаянія, въ какое приходили тѣ же англичане въ Крыму по поводу жаренія своего кофе. Мы видимъ иногда, что онъ ждетъ, пока кормъ выростетъ; встрѣчаемся въ его сочиненіяхъ съ общими соображеніями «de re frumentaria»,—съ важнымъ вопросомъ о съѣстныхъ припасахъ. Но почти нигдѣ не говорится о трудностяхъ, подавляющихъ человѣка; о дурныхъ же дорогахъ не упоминается ни единымъ словомъ.—Цезарь имѣлъ одно большое преимущество передъ лордомъ Рагланомъ: онъ былъ своимъ собственнымъ военнымъ корреспондентомъ. Люди его, правда, не пили кофе; но если имъ иногда и пекли худой хлѣбъ, если они иногда и роптали на это, то все-таки при Цезарѣ не было присяжнаго собирателя всякихъ жалобъ, спѣшившаго сообщить публикѣ о страданіяхъ арміи. Итакъ, Гальба благополучно выпутался изъ бѣды, и Цезарь надѣялся, что Галлія теперь, дѣйствительно, какъ онъ выражался, «усмирена» или, по крайней мѣрѣ, завоевана. Бельги были покорены, германцы выгнаны, молодцы-швейцарцы изрублены въ куски въ Ронской долинѣ, и Цезарь нашелъ возможнымъ навѣдаться и въ другую свою провинцію, Иллирію. Вдругъ его извѣщаютъ, что въ Галліи вспыхнула новая война! Молодой Крассъ, озабоченный прокормленіемъ седьмаго легіона, которому приказано было зимовать въ Аквитаніи, поставленъ былъ въ необходимость послать за хлѣбомъ въ сосѣднія страны. Толковый молодой полководецъ, конечно, заручился заложниками прежде, чѣмъ отправилъ своихъ людей къ чужому, дикому народу. Но, не смотря на это, послы были задержаны и преданы заключенію венетами, народомъ, жившимъ по берегу моря въ древней Бретани, въ тѣхъ мѣстахъ Морбигана, куда теперь ѣздятъ смотрѣть на друидическія постройки Карнака и Локмаріакера [1]). Названіе *пословъ* было придано людямъ Красса лишь впослѣдствіи: упоминая о нихъ въ первый разъ, Цезарь называетъ ихъ военными префектами и трибунами. Могущественные на морѣ, венеты не нашли нужнымъ снабжать Красса хлѣбомъ. — Услышавъ, что послы—священныя особы пословъ—задержаны, Цезарь пришелъ въ негодованіе и поспѣшилъ въ Галлію, не успѣвъ, вѣроятно, ничего сдѣлать въ Иллиріи.

Онъ былъ глубоко возмущенъ поступкомъ венетовъ и рѣшился дать имъ почувствовать свой гнѣвъ. Говоря объ этомъ, онъ замѣчаетъ, между прочимъ, что и сами галлы хорошо понимали, какое великое преступленіе совершили, подвергнувъ заключенію пословъ, «legatos», особы которыхъ считаются у всѣхъ

---

[1]) Имя венетовъ слышится и до сихъ поръ въ названіи главнаго города франц. департамента Морбиганъ: Ваннъ (Vannes).

народовъ священными и неприкосновенными. Все это напоминаетъ намъ печатныя предписанія, разосланныя въ былыя времена испанскимъ правительствомъ индѣйцамъ, жившимъ на континентѣ Америки, въ нынѣшней Венецуэлѣ и Новой Гранадѣ. Въ этихъ предписаніяхъ народу, не имѣвшему понятія ни объ испанскомъ языкѣ, ни о книгопечатаніи, объяснялось, что туземцы должны слушаться повелѣній весьма далекаго отъ нихъ короля, облеченнаго высшею властью еще болѣе далекимъ папою, который, въ свою очередь, былъ утвержденъ въ своемъ достоинствѣ еще болѣе далекимъ Богомъ. Печальная сторона исторіи—это несправедливое отношеніе волка къ ягненку, — отношеніе, съ которымъ слѣдуетъ примириться во имя того, что безъ него ягненокъ никогда бы не поднялся выше своего овечьяго быта и міровоззрѣнія! Но негодованіе Цезаря было искренне [1]). Послуша-

[1]) Онъ несомнѣнно выражалъ свои дѣйствительныя чувства, — быть можетъ, впрочемъ, не совсѣмъ разумныя. Всѣмъ извѣстно, какою священною считалась личность римскаго гражданина; всѣмъ, вѣроятно, памятно патріотическое заявленіе Цицерона: «связать римскаго гражданина — преступленіе, побить его—великій грѣхъ». Та же мысль выражается и въ словахъ, вложенныхъ Гораціемъ въ уста Регула, утверждающаго, что вѣчный позоръ долженъ тяготѣть надъ тѣмъ негоднымъ солдатомъ, который, со связанными руками, покорно выноситъ удары, боясь смерти.

емъ его самого. Въ десятой главѣ третьей книги онъ говоритъ: «Веденіе войны представляло большія трудности, о которыхъ уже было говорено выше». (Онъ разумѣетъ морскую силу тѣхъ племенъ, которыя хотѣлъ покорить). «Но, съ другой стороны, многое побуждало Цезаря начать военныя дѣйствія: задержаніемъ пословъ Красса нанесено оскорбленіе народу римскому; бунтъ произошелъ вслѣдъ за выраженіемъ покорности и послѣ дачи заложниковъ». Передъ тѣмъ, однако, ничего не говорится объ изъявленіи покорности; мы видимъ только, что случайно Крассъ беретъ заложниковъ. «Множество племенъ приняло участіе въ союзѣ противъ римлянъ; Цезарь опасался, что если онъ посмотритъ на это сквозь пальцы, то и другія племена задумаютъ возстаніе. Притомъ же, галлы отъ природы весьма склонны къ перемѣнамъ и съ жадностью хватаются за первый поводъ къ войнѣ. Дорожить вольностью и независимостью и стараться о сверженіи рабства—свойственно каждому человѣку.» А потому Цезарь обратилъ все свое вниманіе на предупрежденіе союза многихъ племенъ и для того «распредѣлилъ свое войско по ихъ землямъ, чтобы удержать ихъ въ повиновеніи». Распоряжаясь въ Галліи какъ на шахматной доскѣ, онъ поскорѣе послалъ войско удержать въ повиновеніи тревировъ. Читатель помнитъ, какъ далеко отстоитъ Триръ отъ окраинъ Бретани. Въ одно и то же время надо было и зорко

смотрѣть за бельгами, чтобы они, возставъ, не вздумали помочь врагамъ, и помѣшать германцамъ перейти Рейнъ. Обо всемъ этомъ долженъ былъ позаботиться Лабіенъ, самый довѣренный помощникъ Цезаря въ галльскихъ войнахъ. Крассу приказано было вернуться въ Аквитанію и удержать въ повиновеніи югъ. Титурій Сабинъ, котораго ожидала въ будущемъ печальная кончина, посланъ былъ съ тремя легіонами—восемнадцатью тысячами воиновъ—противъ венетовъ и сосѣднихъ съ ними племенъ сѣверной Бретани и Нормандіи. «Молодому» Дециму Бруту, будущему римскому заговорщику, ввѣренъ былъ флотъ для истребленія гораздо менѣе опасныхъ и гораздо болѣе отдаленныхъ заговорщиковъ. Цезарь вездѣ говоритъ о Брутѣ съ нѣжностью, какъ о юношѣ, и читателю невольно припоминается, что этотъ самый юноша впослѣдствіи былъ въ числѣ убійцъ Цезаря, заодно со своимъ болѣе значительнымъ тескою. Самъ Цезарь остался на мѣстѣ, во главѣ своего легіона. Обо всѣхъ этихъ распоряженіяхъ Цезарь говоритъ весьма кратко, употребляя менѣе словъ, чѣмъ употребляемъ мы на передачу этихъ его словъ. Читатель чувствуетъ, что имѣетъ дѣло съ могучимъ человѣкомъ, зоркій глазъ котораго обнималъ громадныя пространства и о которомъ дюжинный непріятель навѣрное сказалъ-бы: «Это не человѣкъ, а богъ».

Далѣе Цезарь разсказываетъ, какое огромное дѣйствіе произвело его присутствіе на берегу, хотя сраженіе съ венетами происходило на морѣ, подъ начальствомъ молодаго Брута. Описавъ движенія и маневры кораблей, Цезарь говоритъ: «Такимъ образомъ дѣло зависѣло отъ личнаго мужества, а имъ наши воины превосходили непріятелей, тѣмъ болѣе, что битва происходила на виду у Цезаря и всего нашего войска и ни одинъ сколько-нибудь замѣчательный подвигъ не могъ не быть замѣченъ и отличенъ: наше войско занимало всѣ прилегающіе къ морю холмы и высоты, съ которыхъ видно было все, что на немъ происходило».

Само собою разумѣется, что Цезарь одолѣлъ венетовъ и другія приморскія племена, даже на морѣ, ихъ собственной стихіи. Они отдались въ руки Цезаря со всѣми имуществами. Желая внушить этимъ варварамъ на будущее время большее уваженіе къ особамъ пословъ, «Цезарь рѣшился наказать ихъ за обиду строже обыкновеннаго»: «gravius vindicandum statuit». На этомъ основаніи онъ умертвилъ весь сенатъ, а остальныхъ жителей продалъ въ рабство. Его зернистый лаконизмъ, безапелляціонное величіе, съ которымъ онъ произнесъ приговоръ и сообщилъ его намъ, коробитъ, но одновременно и восхищаетъ. «А потому предавъ смертной казни весь сенатъ, онъ продалъ остальныхъ, съ вѣнками на головѣ». Вѣнками обыкновенно украшались головы плѣнныхъ, назначенныхъ къ продажѣ. Такъ и видишь величественное, небрежное мановеніе руки Цезаря. Да, это рѣшительно богъ!

Въ этотъ походъ посчастливилось и полководцамъ Цезаря.—Галльскій начальникъ Виридовиксъ былъ захваченъ врасплохъ и разбитъ со всѣмъ своимъ войскомъ въ Нормандіи, гдѣ-то близъ Авранша или Ст. Ло. Послѣ долгой борьбы Аквитанія покорилась Крассу и выдала оружіе.

Тутъ Цезарь припомнилъ, что морины и менапіи еще ни разу не склонили передъ нимъ головы. Булонь и Кале находятся въ бывшей странѣ мориновъ; менапіи же жили дальше, при устьяхъ Шельды и Рейна, въ нынѣшнихъ Нидерландахъ; этотъ народъ, послѣ стычки съ врагомъ, скрывался въ свои лѣса и болота; повидимому, онъ не имѣлъ ни городовъ, ни жилищъ, которыя можно-бы было осадить или разрушить. Лѣто уже подходило въ то время къ концу, а разстояніе между Ванномъ въ Бретани и Бредою или Антверпеномъ (если можно употребить эти позднѣйшія географическія названія) очень значительно, особенно если принять въ соображеніе тогдашнее состояніе этихъ странъ и величину Цезаревой арміи. Но оставалось поработать еще недѣльки двѣ, и тогда, можно было надѣяться, вся Галлія будетъ «усмирена». Дѣйствительно, дѣло стояло лишь за этимъ непокорнымъ сѣвернымъ уголкомъ: «Omni Galliâ pacatâ, Morini Menapiique supererant» (По усмиреніи всей Галліи, оставались непокоренными лишь морины и менапіи). Цезарь, вѣроятно, уже соображалъ, что отъ мориновъ было

рукой подать до того дикаго острова, лежавшаго на краю свѣта, на которомъ жили британцы. Цезарь воспользовался послѣдними лѣтними недѣлями и напалъ на мориновъ. Когда они попрятались въ лѣса, онъ началъ рубить эти лѣса. Но непріятель отступалъ дальше и дальше въ чащу. Наступило скверное, осеннее время; римское войско дрогло въ кожаныхъ палатахъ. Можно себѣ живо представить итальянцевъ, застигнутыхъ зимою во Фландріи, тогда еще не осушенной каналами, не имѣвшихъ ни крова, ни стѣнъ и принужденныхъ вырубать длинные непроходимые лѣса! Еслибы, вмѣсто «Комментаріевъ», главнокомандующій писалъ и издавалъ газету, то намъ-бы, вѣроятно, пришлось много читать о страшныхъ страданіяхъ, выпавшихъ на долю арміи. Комментаріи же гласятъ только, что Цезарь въ этомъ году оставилъ свое предпріятіе. Онъ только сжегъ всѣ деревни, опустошилъ поля и увелъ войско въ болѣе пріятную мѣстность, на югъ отъ Сены. Тамъ онъ и помѣстилъ армію на зимнія квартиры, не на радость туземцамъ.

ГЛАВА V.

Четвертая книга о Галльской войнѣ.—Цезарь переходитъ Рейнъ, поражаетъ германцевъ и отправляется въ Британнію. — 55 г. до Р. X.

На слѣдующій годъ нѣсколько германскихъ племенъ, между прочими узипеты, вторглись въ Галлію, перейдя Рейнъ недалеко отъ морскаго берега, какъ говоритъ Цезарь. Далѣе онъ повѣствуетъ, что снова прогналъ ихъ за Рейнъ, сразившись съ ними при сліяніи Мааса съ Рейномъ. Въ виду того, какъ трудно было Цезарю собирать точныя свѣдѣнія, нельзя не признать, что онъ имѣлъ очень вѣрныя географическія понятія о теченіи Рейна вплоть до моря и о соединеніи Рейна съ Маасомъ посредствомъ Ваала. Мѣсто, на которое онъ указываетъ какъ на мѣсто, гдѣ германцы были загнаны въ рѣку, совпадаетъ, кажется, съ Боммелемъ (въ Голландіи), гдѣ Ваалъ и Маас соединяютъ свои воды близъ острова Боммеля, на которомъ стоитъ или стоялъ фортъ Св. Андрея [1]).

[1]) Цезарь говоритъ, что загналъ германцевъ въ Рейнъ, гдѣ «Моза» (Mosa) сливается съ Рейномъ. — Вездѣ подъ Мозою онъ разумѣетъ, очевидно, Маасъ. Но большинство англійскихъ ученыхъ, внимательно изучавшихъ топографію Цезаревыхъ походовъ, склоняется къ тому мнѣнію, что онъ разумѣлъ мѣсто слиянія Рейна съ *Мозелемъ*, отъ котораго получилъ свое названіе Кобленцъ (Confluentia — сліяніе). Наполеонъ, который не можетъ считаться авторитетомъ въ касающемся до *Цезаря вообще*, но пользуется авторитетомъ въ вопросахъ топографическихъ, держится мнѣнія, что дѣло происходило въ Голландіи. Читатели, интересующіеся спорнымъ вопросомъ, могутъ выбирать любое мнѣніе; для большинства же читателей оба отвѣта, вѣроятно, безразличны.

Германцы были вынуждены перейти Рейнъ и уйти въ Галлію, потому-что ихъ тѣснило съ востока сильное германское-же племя свевовъ. Это было странное племя. Свевы, попеременно, чередуясь, пахали одинъ годъ, а другой воевали, занимаясь, впрочемъ, вообще, больше скотоводствомъ, чѣмъ земледѣліемъ; земля у нихъ была общая, и отдѣльныхъ участковъ никто не имѣлъ. Съ дѣтства каждый свевъ жилъ, какъ ему хотѣлось, не зная никакой обязанности и принужденія. Всѣ они были высоки ростомъ, коренасты, въ холодъ и въ жаръ ходили въ легкихъ звѣриныхъ шкурахъ и круглый годъ купались въ рѣкахъ. Съ купцами свевы водились лишь тогда, когда имъ приходилось сбывать военную добычу. Лошадей они, вообще, не любили и, если случалось, ѣздили вер-

хомъ безъ сѣдель, презирая нуждавшихся въ этой затѣѣ. Вина свевы не пили вовсе, и не терпѣли они у себя подъ бокомъ никакихъ сосѣдей. Извѣстіе о томъ, что свевы заставили другія германскія племена двинуться въ Галлію, возбудило въ Цезарѣ большія опасенія. Онъ зналъ, какъ ненадежны галлы, какъ вѣтрены и склонны заводить шашни и волноваться. Германцы, вытѣсненные изъ своей земли, намѣревались занять страну менапіевъ, съ которыми Цезарь, какъ видно въ послѣдней книгѣ, еще не успѣлъ свести счетовъ; и трудно было сказать впередъ, какія безпокойства могли бы причинить ему эти незваные гости, еслибы онъ далъ имъ усѣсться по сю сторону Рейна. Поэтому онъ поспѣшилъ на помощь къ бѣднымъ менапіямъ.

Дѣло, какъ водится, не обошлось безъ посольствъ; германцы признались, что были вытѣснены со своихъ земель соплеменниками, свевами,— которые, безспорно, сильнѣе ихъ,—но вмѣстѣ съ тѣмъ объявили, что одни свевы, и только свевы, выше ихъ въ военномъ искусствѣ. Со свевами не въ силахъ бороться, говорили они, даже безсмертные боги. Но и сами они также германцы и потому отнюдь не боятся римлянъ. Однако предложеніе, съ которымъ они обратились къ Цезарю, свидѣтельствуетъ о томъ, что они относились къ нему не безъ почтенія. Позволитъ ли онъ имъ остаться тамъ, гдѣ они находились, или не найдетъ

ли возможнымъ отвести имъ другія мѣста по сю сторону Рейна? Цезарь отвѣчалъ на это, что они могутъ, если хотятъ, селиться вмѣстѣ съ убіями,—другимъ германскимъ племенемъ, уже занявшимъ берега Рейна, приблизительно тѣ мѣста, гдѣ теперь находится Кёльнъ, или, можетъ быть, нѣсколько сѣвернѣе. Убіи уже были, повидимому, раньше вытѣснены на западъ, за Рейнъ, и утвердились тамъ, гдѣ позднѣе Карлъ Великій выстроилъ свой храмъ (нынѣ Aix la Chapelle). И теперь это край нѣмецкій, — вѣроятно, благодаря убіямъ, осѣвшимъ тамъ крѣпко. Убіи также враждовали со свевами, и Цезарь обѣщалъ защищать противъ нихъ заодно и убіевъ, и новыхъ пришельцевъ. Послѣдніе колебались, принять ли это предложеніе, или нѣтъ, и кончили тѣмъ, что напали на конницу Цезаря, и напали довольно успѣшно. При этомъ столкновеніи обѣ стороны поступили предательски,—сначала германцы, потомъ Цезарь. Это обстоятельство особенно памятно потому, что вызвало въ Римѣ сильныя нападки на Цезаря. Его римскіе враги предложили, чтобы за вѣроломство, обнаруженное имъ въ этомъ случаѣ, республика выдала его непріятелю. Но еслибы и состоялся такой декретъ, Цезаря не легко бы было выдать.

Какъ обыкновенно, германцы и на этотъ разъ были разбиты и загнаны въ рѣку въ тѣхъ низкихъ, тогда еще не осушенныхъ каналами мѣстностяхъ, гдѣ

соединяются Рейнъ, Маасъ и Ваалъ, а можетъ быть и южнѣе, около Кобленца. Читатель, вѣроятно, уже рѣшилъ этотъ вопросъ въ началѣ главы. Изъ словъ Цезаря можно заключить, что германцы потонули всѣ, съ женами и дѣтьми. Они пришли съ семействами и, увидѣвъ, что сраженіе принимаетъ худой для нихъ оборотъ, съ семействами же побѣжали къ рѣкѣ. Цезарь пустился за ними въ погоню, а они бросились въ воду, гдѣ и погибли, не будучи въ состояніи плыть отъ утомленія и страха. Ихъ насчитывали до ста восьмидесяти тысячъ. Римская же армія уцѣлѣла вся до единаго человѣка [1]).

Послѣ этого Цезарь задумалъ переправиться черезъ Рейнъ, не для расширенія римскихъ владѣній на счетъ такъ-называемой Германіи, но чтобы постращать германцевъ. Конница узипетовъ, къ великому счастью для нея, не участвовала въ сраженіи, потому что отправилась за рѣку для фуражировки; Цезарь послалъ къ сикамбрамъ, гдѣ эта конница нашла себѣ убѣжище, съ требованіемъ выдать ее. Сикамбры отказали. Германцы вообще, кажется, понимали, что въ Галліи Цезарь полный хозяинъ; за Рейномъ же они не хотѣли выносить его вмѣшательства. Всегдашней политикой Цезаря было—имѣть между врагами горсточку

[1]) «Hostium numerus capitum CDXXX millium fuisset», изъ чего можно заключить, что было 180,000 сражавшихся мужчинъ, не считая женщинъ и дѣтей.

союзниковъ, которая помогала бы ему покорять ихъ единоплеменниковъ. Такими друзьями были, какъ мы видѣли, эдуи въ центральной Галліи, ремы въ сѣверной. Германскими его союзниками были убіи, которые въ то время, кажется, уже занимали оба берега Рейна; эти-то убіи какъ-разъ въ то время просили Цезаря придти попугать ихъ враговъ. Цезарь рѣшился оказать имъ эту услугу. Считая ли ниже своего достоинства, или небезопаснымъ, переправляться черезъ рѣку на судахъ, онъ рѣшился построить мостъ.

Кто учился въ классической гимназіи, тотъ навѣрное помнитъ знаменитыя слова: «Tigna bina sesquipedalia», которыми Цезарь начинаетъ разсказъ о постройкѣ моста. Когда сообразишь ширину рѣки, быстроту ея теченія, затрудненія, съ которыми сопряжена была доставка матеріала и орудій въ странѣ дикой и отдаленной отъ тогдашняго цивилизованнаго міра,—то останавливаешься въ восторгѣ и изумленіи передъ умомъ и энергіей Цезаря. Онъ опустилъ въ воду толстыя бревна и вбилъ ихъ попарно на нѣкоторомъ разстояніи одну пару отъ другой, но не перпендикулярно, а наклонно противъ теченія воды. Мы бы и теперь не съумѣли исполнить дѣло такъ быстро, какъ Цезарь; намъ понадобились бы и рычаги, и паровыя машины, и кессоны, и инженеры. Цезарь говоритъ, что вбилъ сваи моста такимъ образомъ, что быстрота рѣки усиливала ихъ устойчивость. Черезъ десять дней мостъ былъ

готовъ и армія переправлена черезъ рѣку. Цезарь не говоритъ, сколькихъ трудовъ стоилъ этотъ мостъ, сколько людей погибло; работая надъ нимъ. И въ нѣсколько людей погибло; работая надъ нимъ. И въ но-вое время войска работали надъ сооруженіями разнаго рода; бывали случаи, что они не могли справиться съ такими работами. Всѣмъ, вѣроятно, памятна же-лѣзная дорога, привезенная изъ Англіи въ Балаклаву; нельзя также забывать тѣ громадныя силы, которыми располагаетъ современное человѣчество при помощи научныхъ открытій. Но ни въ какой войнѣ нашего времени люди не относились такъ легко къ предста-влявшимся трудностямъ, какъ относился Цезарь, кото-рый считаетъ излишнимъ даже упоминать о нихъ. Въ десять дней онъ успѣлъ выстроить мостъ и перепра-вить все свое войско, въ томъ числѣ кавалерію и ба-гажъ. Нѣтъ сомнѣнія, что все это обошлось не де-шево, что потонуло не мало народу. Но объ этомъ Цезарь умалчиваетъ.

Не успѣлъ онъ очутиться на правомъ берегу Рейна, какъ уже явились къ нему послы отъ многихъ германскихъ племенъ. Провѣдавъ о постройкѣ моста, сикамбры попрятались въ лѣса. Цезарь сжегъ ихъ деревни, скосилъ хлѣбъ на поляхъ и пошелъ въ землю убіевъ. Онъ успокоилъ, ободрилъ ихъ; вѣсть объ его приближеніи достигла наконецъ свевовъ. Они собрали всѣ силы для предстоящей борьбы; но Цезарь разсудилъ, что онъ вовсе не для борьбы съ ними переправилъ свое вой-ско и что уже сдѣлалъ довольно для чести и пользы республики. На этомъ основаніи послѣ восемнадцати-дневнаго пребыванія за Рейномъ онъ повелъ свое вой-ско назадъ, а мостъ разобралъ.

Оставалось еще нѣсколько недѣль до окончанія лѣта; Цезарь рѣшился воспользоваться ими, чтобы покорить Британнію. Онъ утверждаетъ, что никто въ то время не имѣлъ понятія объ этомъ островѣ,—хотя извѣстно было, что жители его помогали галламъ въ борьбѣ съ римлянами. Прежде, чѣмъ пуститься въ опасный путь, Цезарь послалъ на развѣдки надежнаго человѣка, который долженъ былъ осмотрѣть берега, изслѣдовать гавани. Посланный не рѣшился высадиться на берегъ и, воротясь, сообщилъ Цезарю о томъ, что могъ разглядѣть съ корабля. Между тѣмъ Цезарь снарядилъ большой флотъ и собралъ его близъ теперешняго Кале или Булони; сюда явились къ нему послы изъ прослышавшей уже объ его намѣреніяхъ Британніи, съ выраженіемъ готовности подчиниться римской республикѣ. Всѣ эти факты и презрительное отношеніе Цезаря къ британцамъ весьма оскорбительны для національной гордости англичанъ. Они могутъ, пожалуй, утѣшаться тѣмъ, что Цезарь былъ еще болѣе низкаго мнѣнія о предкахъ французскаго народа, о жителяхъ Кале и Булони. Жители эти, морины, явились просить прощенія за сопротивленіе, которое они осмѣлились прежде оказать Цезарю, предлагали ему лю-

бое число заложниковъ, оправдывались тѣмъ, что были вовлечены въ борьбу другими племенами. Цезарь отнесся къ нимъ довольно благосклонно, не желая, какъ онъ объясняетъ, «изъ-за такихъ пустяковъ» откладывать похода въ Британнію. Онъ рѣшился повѣрить моринамъ, взявъ у нихъ, впрочемъ, напередъ множество заложниковъ, и приготовился переплыть каналъ. Въ третью стражу ночи, около полуночи, онъ снялся съ якоря. Конница его была нѣсколько задержана противными вѣтрами, что нерѣдко случалось впослѣдствіи даже съ путешественниками, не имѣвшими лошадей. Около четырехъ часовъ утра Цезарь достигъ береговъ Британніи. Такъ какъ это происходило уже въ концѣ лѣта, то, по нашему счету времени, часамъ къ 9-ти утра Цезарь очутился подъ утесами Кента, гдѣ увидѣлъ на берегу вооруженную толпу туземцевъ, готовыхъ на бой. Онъ простоялъ на якорѣ, поджидая своихъ кораблей, часовъ до двухъ пополудни. Но конница его переправилась черезъ каналъ лишь четыре дня спустя. Сдѣлавъ всѣ нужныя распоряженія, выбравъ удобное время и удобное мѣсто, Цезарь пустилъ свои корабли къ берегу.

Онъ признается, что было ужасно трудно приставать. Нельзя не сочувствовать ему въ этомъ случаѣ, когда вспомнишь, какъ до сихъ поръ трудно высаживаться на берега Британніи, даже при помощи новоизобрѣтенныхъ снарядовъ и безъ сопротивленія со стороны жителей

Кента. Римскіе корабли были такъ велики, что не могли стоять на мелкихъ мѣстахъ; римляне принуждены были соскочить въ воду въ полномъ, тяжеломъ вооруженіи и бороться тамъ одновременно и съ волнами, и съ врагами. Британцы, свободные въ своихъ движеніяхъ, хорошо знакомые съ мѣстностью, не давали пристать, то стоя на берегу, то появляясь на мелкихъ мѣстахъ. «При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, наши—говоритъ Цезарь—сражались съ меньшею ловкостью, чѣмъ на сушѣ», что, впрочемъ, и не удивительно.

Корабли у Цезаря были двухъ родовъ: «naves longae», «длинные корабли» для перевозки солдатъ, и «naves onerariae» грузовые, для перевозки тяжестей. Длинные корабли были, повидимому, отличны отъ тѣхъ военныхъ судовъ, которыя обыкновенно употреблялись римлянами въ морскихъ сраженіяхъ, но все-таки легче и удобнѣе транспортныхъ. Этимъ-то длиннымъ судамъ Цезарь велѣлъ стать бортомъ къ берегу, чтобы воины могли осыпать бѣдныхъ туземцевъ камнями и стрѣлами. Тогда орленосецъ десятаго легіона обратился къ товарищамъ съ рѣчью: «Устремитесь впередъ, воскликнулъ онъ, если не хотите оставить вашего орла въ рукахъ враговъ; я, по крайней мѣрѣ, исполню свой долгъ отечеству и моему начальнику». Сказавъ это громкимъ голосомъ, онъ спрыгнулъ съ корабля и съ орломъ бросился въ средину непріятелей.

Видя и слыша это, все войско начало прыгать съ кораблей. Какъ водится, битва произошла прежаркая. «Pugnatum est ab utrisque acriter». Битвы у Цезаря всѣ на одинъ ладъ. И въ этомъ случаѣ Цезарь отдаетъ справедливость мужеству непріятеля, не желая умалить своей славы, умаляя опасность. Но въ концѣ концовъ британцы все-таки обращены въ бѣгство. «Для полной обычной удачи» Цезарю недоставало конницы, которая могла бы преслѣдовать бѣгущихъ и завоевать островъ. Принимая въ соображеніе, какъ недолго Цезарь оставался на этомъ островѣ, нельзя не признать его жалобу на недостатокъ счастья не-совсѣмъ основательною. И безъ конницы со стороны британцевъ была выражена покорность, на что Цезарь отвѣчалъ требованіемъ заложниковъ. Но нѣсколько дней спустя британцамъ просіялъ лучъ надежды. Поднялась сильная буря, корабли Цезаря дотого кидало на волнахъ, что онъ самъ не зналъ, какъ, въ случаѣ нужды, добраться назадъ до Галліи. Въ эту же ночь былъ чрезвычайно высокій приливъ. Цезарь сильно испугался его, не зная законовъ этого явленія. Все его предпріятіе было не болѣе, какъ опытомъ, пробою будущей высадки въ Британнію, а Цезарь недостаточно запасся хлѣбомъ. Надо было вернуться, всѣми правдами и неправдами. Видя его положеніе, бритты еще разъ попытались нанести ему пораженіе, и седьмой легіонъ, отправившійся въ поиски за хлѣбомъ, насилу выпу-

тался изъ бѣды. Нѣсколько кораблей, наиболѣе потерпѣвшихъ отъ бури, Цезарь сломалъ вовсе, чтобы обломками починить остальные. Быстрота, съ которой онъ исполнилъ это, изумительна: починка кораблей дѣло весьма копотливое, даже теперь, когда на это есть и доки, и всякія другія приспособленія. Пока римляне чинили корабли, британцы вторично напали на нихъ, но снова были отражены. Снова началось опустошеніе, раззореніе страны, снова пришли послы съ мирными предложеніями, снова Цезарь потребовалъ заложниковъ, на этотъ разъ въ двойномъ числѣ. Онъ приказалъ прислать ихъ къ себѣ въ Галлію, потому что не хотѣлъ ввѣрить ихъ непрочнымъ кораблямъ, а самъ со всею арміей вернулся въ страну мориновъ. Два транспортные судна отстали отъ другихъ и были отнесены вѣтромъ немного дальше по берегу, гдѣ и пристали. На этихъ двухъ судахъ было всего триста человѣкъ. Морины, въ странѣ которыхъ они высадились, подъ страхомъ смерти потребовали у нихъ выдачи оружія. Но Цезарь послалъ на выручку своихъ войско и, наказавъ мориновъ сожженіемъ жилищъ и опустошеніемъ полей, расположилъ свои легіоны на зимнюю стоянку.

Что, еслибы британцы истребили Цезаря и его войско, не оставивъ имъ ни одного корабля для возвращенія въ Галлію? А вѣдь они могли это сдѣлать. Каковы были бы тогда судьбы міра? Вмѣсто того, Це-

зарь могъ извѣстить Римъ обо всѣхъ своихъ побѣдахъ, и тамъ въ теченіе двадцати дней приносились богамъ благодарственныя моленія.

ГЛАВА VI.

Пятая книга о Галльской войнѣ.—Второй походъ Цезаря въ Британнію.—Возстаніе галловъ. 54 г. до Р. Х.

Возвратившись изъ Британскаго похода, Цезарь, по обыкновенію, переправился черезъ Альпы, чтобы осмотрѣть другія свои провинціи и заняться своими итальянскими дѣлами; но онъ твердо рѣшился вторично напасть на Британнію. Островъ этотъ нельзя было считать завоеваннымъ, и потому Цезарь оставилъ своимъ легатамъ самыя подробныя наставленія о постройкѣ новыхъ судовъ и исправленіи старыхъ, едва уцѣлѣвшихъ отъ бури. Онъ говоритъ, что послалъ въ Испанію за всѣмъ необходимымъ для снаряженія кораблей. Разсказывая о своихъ походахъ, Цезарь ни разу не упоминаетъ о денежныхъ затрудненіяхъ. Извѣстно, что ему предоставлены были большія суммы денегъ для содержанія легіоновъ; но онъ, не стѣсняясь, дѣйствовалъ въ странѣ враговъ такъ, что война сама себя окупала. Лично Цезарь при началѣ своей военной карьеры былъ въ огромныхъ долгахъ. Онъ занялъ у

перваго богача того времени, Красса, восемьсотъ тридцать талантовъ (болѣе 1,200,000 руб. сер.), чтобы быть въ состояніи вступить въ управленіе Испаніей. Когда кончились Испанскія войны, онъ вернулся въ Римъ съ богатѣйшими сокровищами, такъ что во время Галльскихъ войнъ могъ тратить большія суммы на подкупы въ Римѣ. По всѣмъ вѣроятіямъ онъ находилъ у варваровъ такіе же богатые клады, какіе лордъ Клайвъ находилъ въ Остъ-Индіи. Клайвъ удовлетворялся нѣкоторою частью этихъ сокровищъ; Цезарь, вѣроятно, бралъ все, что находилъ.

Распорядившись насчетъ кораблей, онъ уладилъ маленькое дѣльцо въ Иллиріи и собралъ слѣдовавшія съ нея подати. Онъ отводитъ своей зимней дѣятельности всего двѣнадцать строкъ, говоря, что, какъ только управился, поспѣшилъ къ войску и флоту. Его приказанія были исполнены въ точности; онъ нашелъ уже готовыми двадцать восемь большихъ кораблей и до шести сотъ меньшихъ, сдѣланныхъ по новому, данному имъ, образцу. Осыпавъ своихъ воиновъ похвалами за усердіе, Цезарь отправилъ флотъ въ портъ Ицій. Въ точности не извѣстно, какой именно пунктъ Цезарь обозначалъ этимъ именемъ; но, вѣроятно, гавань эта находилась между Кале и Булонью;—быть можетъ, то нынѣшній Виссанъ. Убѣдившись, что все готово для вторичнаго похода въ Британнію, Цезарь отправился съ четырьмя легіонами пѣхоты и съ восемьюстами

конницы (всего около 25,000 человѣкъ) въ земли тревировъ. Онъ хотѣлъ рѣшить возникшій тамъ между двумя начальниками споръ за власть и рѣшилъ его въ родѣ того, какъ обезьяна рѣшила споръ объ устрицѣ. Эта бездѣлица взяла у него не много времени, и черезъ полторы странички мы встрѣчаемся съ Цезаремъ опять въ Иціи, среди кораблей.

Онъ рѣшился взять въ Британнію пять римскихъ легіоновъ и двѣ тысячи конныхъ галловъ. Этой конницы у него набралось до четырехъ тысячъ, со всѣхъ концовъ Галліи; тутъ были и старѣйшины, и знатные мужи; всѣ они состояли при войскѣ въ качествѣ не только союзниковъ, но и заложниковъ, служившихъ ручательствомъ за то, что галльскія племена не возстанутъ, какъ только Цезарь повернется къ нимъ спиною. Половину этихъ галловъ Цезарь взялъ съ собою въ походъ, другую половину оставилъ, съ тремя легіонами подъ начальствомъ Лабіена, на сѣверномъ берегу Галліи, — чтобы доставлять дессанту провизію и обезпечить ему спокойное возвращеніе. Одинъ изъ галльскихъ вождей, эдуй Думнориксъ, который долженъ бы оставаться вѣрнѣйшимъ союзникомъ Цезаря, уже при отправленіи флота ушелъ со всею эдуанской конницей. Цезарь послалъ за нимъ погоню. Думнориксъ былъ убитъ, и не было больше никакихъ препятствій къ походу. Флотъ снялся съ якоря при закатѣ солнца и поплылъ при попутномъ юго-

западномъ вѣтрѣ. Около полудня показались берега Британніи, но на нихъ не видно было ни одного туземца. Цезарь подумалъ, что они бѣжали, испуганные огромнымъ числомъ кораблей. Онъ устроилъ лагерь на берегу и въ ту же ночь углубился на двѣнадцать миль внутрь страны[1]). Тутъ онъ наконецъ повстрѣчался съ британцами. Произошла схватка, послѣ которой Цезарь вернулся въ свой лагерь и укрѣпилъ его. Вдругъ поднялась буря и сильно била его корабли, не смотря на то, что, какъ ему казалось, онъ помѣстилъ ихъ въ удобномъ, спокойномъ мѣстѣ. Ихъ сорвало съ якоря и выбросило на берегъ. Сталкиваясь между собою, многіе разбились въ щепы. Цезарь вынужденъ былъ послать къ Лабіену приказъ построить еще кораблей; суда же, уцѣлѣвшія отъ бури, онъ велѣлъ вытащить на берегъ, къ лагерю. Десять сутокъ солдаты работали надъ этимъ день и ночь, со страшными усиліями. Когда корабли были на мѣстѣ, Цезарь снова двинулся вглубь страны, — искать врага. Оказалось, что нѣсколько британскихъ племенъ соединились противъ него подъ предводительствомъ Кассивелауна, владѣнія котораго находились въ теперешнемъ Мидльсексѣ или Гертфордширѣ. До этого времени британцы жили между собою не очень-то ладно; но противъ римлянъ они

[1]) Двѣнадцать англійскихъ миль составляютъ около 18 русскихъ верстъ. *Переводч.*

рѣшились дѣйствовать единодушно, подъ начальствомъ Кассивелауна.

Сообщивъ объ этомъ, Цезарь нѣсколько отступаетъ отъ своего повѣствованія, чтобы познакомить читателя съ состояніемъ тогдашней Британніи и характеромъ ея жителей. Это описаніе чрезвычайно любопытно. Внутренность страны была населена туземцами или, вѣрнѣе сказать, «аборигенами». Такъ, по крайней мѣрѣ, по словамъ Цезаря, гласило мѣстное преданіе. Приморскія же мѣста были заняты бельгійскими поселенцами, сохранившими тѣ племенныя названія, которыя они носили на континентѣ. Страна населена, вообще, густо; жилья, напоминающія галльскія, построены очень тѣсно одно подлѣ другаго. Британцы держатъ много скота и знакомы съ употребленіемъ денегъ, вмѣсто которыхъ иногда бываютъ въ обращеніи очень тяжелыя желѣзныя кольца. Въ срединѣ страны находятъ олово, а по берегамъ желѣзо, но въ незначительномъ количествѣ. Мѣдь привозится изъ другихъ странъ. Лѣсъ у британцевъ такой же, какъ и въ Галліи, только нѣтъ бука и лиственницы. Считается непозволеннымъ бить зайцевъ, цыплятъ и гусей, но этихъ животныхъ держатъ для забавы. Климатъ, вообще, мягче, чѣмъ въ Галліи. Островъ Британнія имѣетъ видъ треугольника. Одинъ уголъ его (Кентскій) обращенъ одною стороною къ востоку, другою къ югу. Южная сторона его простирается миль на 500 (Цезарь увеличилъ ее

на 150 миль). Затѣмъ онъ начинаетъ путаться въ своихъ географическихъ представленіяхъ: говоритъ, напримѣръ, что другая сторона треугольника (т. е. западная, обращенная къ Ирландіи) находится противъ Испаніи. Ирландія, опредѣляетъ онъ, на половину меньше Британніи и отстоитъ отъ нея на такое же разстояніе, какъ Галлія. Посреди канала, раздѣляющаго Ирландію и Британнію, лежитъ островъ Мона (Менъ). Есть еще и другіе острова, на которыхъ зимою въ теченіе тридцати сутокъ бываетъ ночь. Тутъ уже начинается баснословіе. Цезарь, передавая послѣднее свѣдѣніе, оговаривается, что не видалъ ничего подобнаго, а только слышалъ отъ другихъ, хотя самъ можетъ засвидѣтельствовать, что, по точному измѣренію, ночи въ Британніи короче, чѣмъ на континентѣ.—Это несомнѣнно такъ лѣтомъ, когда Цезарь посѣтилъ Британнію; зимою же на сѣверѣ ночи длиннѣе, чѣмъ въ Италіи. Западный берегъ, по показанію Цезаря, имѣетъ въ длину 700 миль (прибавлено 100 миль). Третья сторона (онъ разумѣетъ восточную) обращена къ сѣверу. Эту Цезарь считаетъ въ 800 миль длины, ошибаясь болѣе, чѣмъ на 200 миль. И все-таки удивительно, какъ близокъ былъ Цезарь къ правдѣ. Жителей Кента онъ признаетъ наиболѣе образованными изъ всѣхъ британцевъ, почти такими же образованными, какъ галлы. Жители внутреннихъ частей острова питаются мясомъ и молокомъ, не зная хлѣба,

и одѣваются въ звѣриныя шкуры. Всѣ британцы мажутся синильникомъ (вайда, раст.), что придаетъ имъ страшный видъ, и носятъ длинные волосы. Лица у нихъ гладко выбриты, кромѣ верхней губы. У десяти, двѣнадцати британцевъ одна общая жена.

Цезарь живо изображаетъ, какимъ образомъ британцы сражались на колесницахъ. Они были на это великіе мастера и употребляли обыкновенно слѣдующіе пріемы. Прежде всего они быстро мчались по полю сраженія, бросая дротики; шумъ колесъ и видъ ихъ коней сразу приводили непріятеля въ замѣшательство и разстраивали его ряды. Пробившись сквозь толпу конницы, британцы соскакивали и дрались пѣшими. Оставшіеся на колесницахъ возницы нѣсколько удалялись отъ мѣста сраженія и становились такъ, чтобы дать своимъ товарищамъ возможность спастись въ случаѣ превосходства врага. Такимъ образомъ они соединяли быстроту кавалеріи и стойкость пѣхоты. Постояннымъ упражненіемъ они достигли такой ловкости въ управленіи лошадьми, что умѣли всегда осадить и сдерживать ихъ, разгоряченныхъ, даже на самыхъ неудобныхъ, крутыхъ мѣстахъ и необычайно быстро поворачивать, даже самимъ пробѣгать по дышлу, становится на ярмо, соединяющее лошадей, и съ такою же быстротой опять вскакивать на колесницу. Все это поразительно [1]).

[1]) При передачѣ англійскаго подлинника мы не рѣши-

Между британцами и римлянами произошло нѣсколько кровавыхъ столкновеній, изъ которыхъ британцы вывели заключеніе, что имъ выгоднѣе вести партизанскую войну, избѣгая генеральныхъ сраженій. Подвигаясь понемногу впередъ, Цезарь наконецъ дошелъ до Темзы и съ великомъ трудомъ перевелъ свое войско черезъ эту рѣку. Переходъ можно было совершить лишь на одномъ мѣстѣ, да и то не особенно удобно. Цезарь не говоритъ, гдѣ именно былъ этотъ бродъ; по всѣмъ вѣроятіямъ, это было около нынѣшняго Сёнбюри. Люди его ушли такъ глубоко въ воду, что на поверхности виднѣлись однѣ лишь головы. Но и въ этомъ положеніи они такъ стремительно двигались на враговъ, что британцы, не рѣшаясь выжидать ихъ на берегу, бросились бѣжать. Вскорѣ затѣмъ они сдались безъ условій, дали заложниковъ и обязались платить дань. Кассивелаунъ, насильственно овладѣвшій престоломъ, имѣлъ много враговъ въ своемъ народѣ и потому счелъ за лучшее запереться въ городѣ, близъ теперешняго Ст. Албана. Цезарь, впрочемъ, поясняетъ,

лись опустить это мѣсто, мало интересное для русскихъ читателей, но, очевидно, прелестное для англичанина-спортсмэна. Далѣе Троллопъ опровергаетъ мнѣніе, будто оси британскихъ колесницъ были снабжены по концамъ косами и жены воиновъ прикрѣпляли эти косы такъ, чтобы оружіе можно было снимать съ осей подобно весламъ съ уключинъ. *Переводч.*

что бѣдные британцы называютъ городомъ, «oppidum», всякое мѣсто въ густомъ лѣсу, обнесенное валомъ и рвомъ. Цезарь, конечно, выгналъ ихъ изъ этой лѣсной крѣпости; послѣдовали новыя выраженія покорности, новые заложники, новое требованіе дани.

Цезарь отдалъ строгія, точныя приказанія, какъ будто ему стоило лишь сказать слово, чтобы его послушались. Нѣкій Мандубрацій долженъ былъ стать королемъ надъ тринобантами, вмѣсто Кассивелауна. Размѣръ дани, которую британцы ежегодно должны посылать въ Римъ, былъ опредѣленъ весьма точно. Цезарь въ особенности внушалъ Кассивелауну не обижать молодаго Мандубрація.—Затѣмъ римское войско возвратилось въ Галлію двумя отрядами. Корабли перевезли сначала половину арміи и вернулись за другою. Цезарь, какъ-бы съ благочестивымъ чувствомъ къ судьбѣ, говоритъ, что погибло много пустыхъ кораблей, но ни одинъ не погибъ съ воинами.

Такъ кончился второй и послѣдній походъ Цезаря въ Британнію. Онъ, конечно, не могъ похвалиться, что покорилъ ее, какъ покорилъ Галлію, хоть Квинтъ Цицеронъ и извѣщалъ брата о томъ, что Британнія «confecta», покончена.—Высадившись два раза съ войскомъ на бѣлыя скалы Альбіона, вернувшись оттуда оба раза довольно благополучно, Цезарь каждый разъ долженъ былъ сознавать, какого сильнаго союзника имѣли британцы въ каналѣ, отдѣлявшемъ ихъ отъ конти-

нента. Читатель видитъ изъ предшествующаго разсказа, какой страшной опасности дважды подверглись римское войско и самъ завоеватель. Цезарь, по всѣмъ вѣроятіямъ, напалъ на Британнію лишь для того, чтобы показать галламъ, какъ далеко простирается его власть, какъ велика его сила. Едвали онъ самъ считалъ возможнымъ утвердить римское господство въ этой дальней странѣ, за этимъ дальнимъ моремъ. Британцы помогали галламъ бороться противъ него, и онъ считалъ необходимымъ наказать ихъ за эту помощь. Неизвѣстно, исполнялись-ли британцами Цезаревы приказанія. Надо полагать, что наложенная на Британнію дань высылалась въ Римъ не особенно аккуратно. Въ концѣ концовъ слѣдуетъ признать, что, совершивъ два похода въ Британію, Цезарь все-таки не покорилъ ея.

Возвратившись въ Галлію уже въ концѣ лѣта, онъ вынужденъ былъ раздѣлить свою армію и распредѣлить по разнымъ мѣстностямъ Галліи: вслѣдствіе засухи тамъ былъ неурожай, и трудно было доставать съѣстные припасы. Прежде войско все зимовало вмѣстѣ. Эту зиму одинъ легіонъ расположился у одного племени, другой у другаго. Полтора легіона Цезарь поставилъ подъ начальствомъ легатовъ Луція Титурія Сабина и Луція Аврункулея Котты къ эбуронамъ, жившимъ на берегахъ Мааса. Это былъ сильный, храбрый народъ, нетерпѣливо сносившій римское иго. Упомянутымъ размѣщеніемъ

войска Цезарь надѣялся справиться съ недостаткомъ хлѣба; но онъ очень хорошо понималъ, какъ опасно было раздробленіе арміи, и поясняетъ намъ, что все-таки легіонъ отъ легіона отстоялъ не далѣе ста миль. Исключеніе представлялъ только легіонъ, расположившійся въ землѣ надежныхъ и спокойныхъ эссуевъ (близъ Аленсона). Не смотря на принятыя предосторожности, надъ Цезаремъ стряслась такая бѣда, какой онъ не испытывалъ на войнѣ ни прежде, ни послѣ.

Во время всѣхъ вышеописанныхъ походовъ галлы не теряли надежды высвободиться изъ-подъ власти и ига римлянъ; они были твердо намѣрены осуществить эту надежду при первой возможности. Цезарь былъ на ихъ глаза какою-то ядовитою гадиною, какимъ-то злымъ духомъ, пришедшимъ наказать ихъ за что-то, въ чемъ они сами не признавали себя виновными. Нѣкоторыя племена подчинились ему, но искреннихъ, вѣрныхъ союзниковъ у него между галлами не было. Еслибы галлы, вообще, могли любить его, то, конечно, болѣе всѣхъ должны бы были любить его эдуи. Но эдуй Думнориксъ, убѣжавшій со своей конницей, какъ-разъ когда былъ нуженъ Цезарю для британскаго похода, умирая, не переставалъ кричать, что онъ свободный человѣкъ, принадлежащій свободному племени. Онъ не хотѣлъ понять, что, вступивъ въ союзъ съ Цезаремъ, онъ былъ обязанъ повиноваться ему. Обо всемъ этомъ Цезарь говоритъ съ обычной божествен-

ной простотой, какъ будто не находя въ своихъ поступкахъ ничего небожественнаго. Въ немъ не было и тѣни раскаянія, когда онъ приказывалъ избивать людей и жечь ихъ жилища. На все это онъ смотрѣлъ какъ на пустяки, какъ на мелочи, пропадавшія въ цѣломъ громадномъ дѣлѣ. Онъ испытывалъ, быть можетъ, чувство хозяина, посылающаго свою овцу на убой. Особенно жестокимъ онъ представляется въ тѣхъ поступкахъ, которые совершалъ, «для примѣра другимъ», изъ политическихъ видовъ: чтобы галлы и даже итальянцы хорошо поняли, что съ нимъ шутить нельзя, что передъ нимъ надо преклониться. Но сердце обливается кровью, когда читаешь объ отчаянной, судорожной и, однако, напрасной борьбѣ галльскихъ племенъ за свободу и независимое національное существованіе. Эдуи не внушаютъ особенной симпатіи, но Думнориксъ, убитый римлянами, восклицающій въ послѣдній разъ, что онъ не вернется въ войско Цезаря, что онъ свободный человѣкъ, — не можетъ не вызывать сочувствія. Въ землѣ карнутовъ (гдѣ теперь Шартръ) Цезарь посадилъ своего подручника, какого-то Тасгецію. Какъ - только Цезарь переправился черезъ каналъ, Тасгецій былъ убитъ карнутами, не хотѣвшими имѣть королемъ Цезарева подручника. А когда армія раздѣлилась, храбрые эбуроны, управляемые своими двумя королями, Амбіориксомъ и Кативолкомъ, смекнули, что надо извлечь пользу изъ

затруднительнаго положенія римлянъ, и напали на ихъ лагерь, въ которомъ находились полтора легіона подъ начальствомъ Титурія и Котты.

Хитрый, коварный Амбіориксъ убѣдилъ римскихъ полководцевъ выслать къ нему пословъ и повелъ съ ними такую рѣчь. Онъ самъ любитъ Цезаря больше всего на свѣтѣ и многимъ ему обязанъ. Онъ самъ никогда не подниметъ руки на Цезаря, но за свой народъ не ручается; гдѣ же за нимъ усмотрѣть? А теперь вотъ что случилось: громадная толпа германцевъ перешла Рейнъ и быстро подвигается къ этому лагерю, чтобы уничтожить его; ихъ такъ много, что они легко и исполнятъ это. Не дурно бы было, если бы Титурій и Котта, со своими девяти- или десятитысячнымъ войскомъ, горсточкой людей въ сравненіи съ числомъ вторгшихся германцевъ, попытались соединиться съ какимъ-нибудь другимъ римскимъ войскомъ, напр. съ легіономъ, находящимся въ землѣ нервіевъ, подъ начальствомъ Квинта Цицерона, или съ легіономъ Лабіена, расположившимся дальше къ югу на границахъ земель ремовъ и тревировъ? Онъ, Амбіориксъ, съ своей стороны, готовъ оказать имъ всевозможное содѣйствіе, изъ уваженія и любви къ Цезарю. Онъ обезпечитъ имъ безопасный переходъ черезъ землю эбуроновъ. Пусть же Титурій и Котта хорошенько подумаютъ о своемъ спасеніи, пусть позволятъ ему помочь имъ, пока еще не поздно. Титурій

нашелъ, что слѣдуетъ воспользоваться совѣтомъ Амбіорикса. Но Котта и многіе центуріоны и трибуны были того мнѣнія, что безъ приказанія Цезаря не слѣдуетъ оставлять лагеря, и доказывали, что въ высшей степени нелѣпо слушаться во время войны совѣтовъ врага. Но Титурій стоялъ на своемъ, и Котта уступилъ ему послѣ долгихъ споровъ и пререканій. На другой день рано утромъ римляне выступили изъ лагеря, взявъ съ собой багажъ, и пошли спокойно, какъ будто проходя черезъ союзную землю,—вѣроятно, довѣряя дружескому расположенію Амбіорикса. Эбуроны, конечно, устроили засаду, римское войско было атаковано, и спереди, и сзади, и приведено въ сильнѣйшій безпорядокъ.

Полтора легіона съ двумя начальниками были истреблены почти въ-конецъ. Титурій выступилъ изъ рядовъ своего войска, прося пощады у Амбіорикса. Тотъ приказалъ ему выдать оружіе; Титурій подчинился унизительному требованію и сбросилъ доспѣхи. Амбіориксъ началъ длинную рѣчь, во время которой римскаго полководца окружили и убили. Котта погибъ въ сраженіи, и съ нимъ болѣе половины солдатъ. Остальные къ ночи вернулись въ покинутый лагерь, и тамъ, потерявъ надежду спастись, измученные стыдомъ и сознаніемъ своего безвыходнаго положенія, сами наложили на себя руки. Только двое-трое ускользнули во время битвы, чтобы принести печальную вѣсть Лабіену.

Вообще говоря, читающій Цезаря сочувствуетъ галламъ; но въ этомъ случаѣ нельзя не пожалѣть о томъ, что цѣлый римскій легіонъ погибъ по глупости полководца. Лучше, пусть-бы поплатился за нее самъ Титурій. Когда читаешь, какъ молодецъ орленосецъ Петросидій бросилъ орла въ ровъ и погибъ, сражаясь передъ лагеремъ, невольно желаешь, чтобы Амбіориксу не повезло. Но ни минуты не сомнѣваешься въ томъ, что Цезарь отплатитъ за это галламъ, и отплатитъ скоро.

Амбіориксъ и эбуроны не удовлетворились этимъ. Именно теперь, послѣ такого страшнаго несчастія, когда легіоны были разбросаны, можно было надѣяться разбить окончательно Цезаря. Надо было пользоваться случаемъ. — Квинтъ Цицеронъ зимовалъ съ легіономъ въ землѣ нервіевъ; туда-то двинулся Амбіориксъ. Нервіи были готовы; на лагерь Цицерона сдѣлано было нападеніе. И тутъ римлянамъ пришлось-было совсѣмъ плохо, такъ плохо, что Цицеронъ едва-едва отстаивалъ свой валъ. Въ лагерь сыпались раскаленные до-красна куски глины и стрѣлы, и онъ вспыхнулъ. Послы, отправленные къ Цезарю съ просьбой о помощи, были убиты на пути, и римляне начинали отчаяваться въ возможности спасенія. Безъ Цезаря они не чувствовали себя въ силахъ защищаться. Въ Цезарѣ была вся ихъ надежда, вся ихъ сила, вся ихъ отвага. Цицеронъ велъ себя какъ умный и энергич-

ный человѣкъ, но, не найди онъ раба-галла, который взялся доставить Цезарю письмо,—ему-бы не уцѣлѣть.

Къ этому бѣдственному времени относится маленькій эпизодъ о двухъ центуріонахъ, Пульфіи и Варенѣ, которые всегда старались перещеголять одинъ другаго храбростью. Пульфій съ отчаяннымъ мужествомъ бросился въ толпу враговъ. Варенъ ринулся за нимъ. Пульфій попался въ просакъ, Варенъ выручилъ его. Потомъ Варену пришлось плохо, Пульфій подоспѣлъ на помощь. Казалось, оба должны были погибнуть; но оба благополучно вернулись въ лагерь, и до сихъ поръ никто не знаетъ, который изъ двухъ стоитъ выше.

Цезарь, само собою разумѣется, поспѣшилъ на помощь къ своему легату, предупредивъ его о своемъ прибытіи письмомъ, привязаннымъ къ дротику. Но вѣсть спасенія не успѣла придти къ Цицерону во-время, чтобы успокоить его. Онъ догадался о приближеніи Цезаря лишь по заревѵ—спутнику римскихъ легіоновъ, опустошавшихъ и сожигавшихъ все на пути. Началась жаркая битва. Цезарь побѣдилъ, и Цицеронъ выпутался изъ весьма непріятнаго положенія. Лабіену, стоявшему у тревировъ, тоже пришлось тѣмъ временемъ плохо. Тревиры замышляли также напасть на него, какъ нервіи и эбуроны напали на легіоны, расположенные въ ихъ земляхъ. Но прежде, чѣмъ тревиры успѣли исполнить свое намѣреніе,

до нихъ долетѣла вѣсть о побѣдѣ Цезаря, распространившаяся вездѣ съ быстротою молніи. Тревиры предпочли оставить Лабіена въ покоѣ.

Изъ совершившихся фактовъ Цезарь могъ убѣдиться, что Галлія не только не «усмирена», какъ онъ полагалъ, но, напротивъ, постоянно готова возстать противъ него. Только въ теченіе этой зимы онъ убѣдился въ томъ, что галлы нетерпѣливо переносятъ его присутствіе и что еще много будетъ съ ними хлопотъ прежде, чѣмъ они перестанутъ считать себя свободными людьми, подданными независимыхъ государствъ. Ненависть къ Цезарю до такой степени овладѣла всѣми, что онъ рѣшился самъ перезимовать въ Галліи. Даже сообщивъ намъ о побѣдѣ, одержанной Лабіеномъ надъ Индуціомаромъ, начальникомъ тревировъ, онъ рѣшается прибавить только, что «послѣ этого Галлія немного поуспокоилась», стала болѣе походить на покоренную страну, чѣмъ прежде. Въ этомъ году срокъ проконсульства Цезаря былъ продолженъ на второе пятилѣтіе.

ГЛАВА VII.

Шестая книга о Галльской войнѣ. — Цезарь преслѣдуетъ Амбіорикса. — Параллель между галлами и германцами.

Походъ, описанный въ предъидущей главѣ, затянулся до средины зимы. Но Цезарь предпринялъ новый, не дождавшись весны. Галлы научились дѣйствовать дружно, общими силами, и потому его положеніе стало не на шутку затруднительнымъ. Десятитысячное римское войско было истреблено вконецъ, съ начальниками его, Титуріемъ Сабиномъ и Аврункулеемъ Коттою. Та же участь постигла бы, вѣроятно, и другое войско, подъ начальствомъ Квинта Цицерона, еслибы его не выручилъ Цезарь.

На третье войско, состоявшее подъ предводительствомъ Лабіена, также сдѣлано было нападеніе. Осенью вся Галлія была вооружена или собиралась вооружиться. Докладывая Сенату по окончаніи похода, что Галлія—*его* Галлія, какъ онъ хотѣлъ бы назвать ее— стала поспокойнѣе, Цезарь все-таки ясно понималъ, что для окончательнаго подчиненія ея предстоитъ еще

не мало хлопотъ. Въ Галліи было подъ его командою восемь легіоновъ, т. е. 48,000 пѣхотинцевъ, набранныхъ въ Италіи. Къ нимъ Цезарь присоединилъ большой отрядъ галльской конницы и легко-вооруженной пѣхоты. Осенью онъ потерялъ полтора легіона, не считая погибшихъ въ Британскомъ походѣ и подъ начальствомъ Цицерона въ лагерѣ, осажденномъ нервіями. Но Цезарь хотѣлъ показать галламъ, что при этихъ условіяхъ онъ можетъ начать дѣло съизнова, не только съ обновленными, но съ удвоенными силами. Онъ хотѣлъ поразить ихъ силою римскаго могущества; «онъ разсуждалъ, какъ важно и на будущее время внушить Галліи мнѣніе, что силы Италіи неистощимы, что римляне могутъ не только въ короткое время пополнить ущербъ, понесенный на войнѣ, но и выставитъ гораздо большія силы.» Онъ не только набралъ свѣжее войско, но взялъ на-время легіонъ, которымъ начальствовалъ Помпей подъ стѣнами Рима. Цезарь говоритъ, что Помпей уступилъ этотъ легіонъ «Республикѣ и Дружбѣ». Тріумвиратъ еще держался, и великій товарищъ Цезаря, вѣроятно, чувствовалъ, что нельзя было поступить иначе. Такимъ образомъ Цезарь не только возстановилъ погибшій легіонъ, но еще пополнилъ другіе легіоны и началъ военныя дѣйствія съ арміею, увеличенною на два легіона. Вѣроятно, на этотъ разъ подъ его командою было не менѣе восьмидесяти тысячъ человѣкъ.

Прежде всего Цезарь напалъ на нашихъ старыхъ знакомцевъ, нервіевъ, которые чуть не загубили зимою Цицерона, а теперь опять составляли заговоръ съ нѣсколькими германскими и сосѣдними бельгійскими племенами. Читатель припомнитъ, быть можетъ, сказанное объ этомъ племени во второй книгѣ, что оно было стерто съ лица земли. Такъ, вѣроятно, думалъ и самъ Цезарь послѣ страшной рѣзни. Однако нервіевъ осталось еще достаточно, чтобы напугать и чуть не истребить Цицерона съ цѣлымъ легіономъ. Отплативъ нервіямъ, Цезарь отправился въ Парижъ—Лютецію паризіевъ, о которой мы тутъ слышимъ впервые. При посредничествѣ эдуевъ и ремовъ Цезарь заключилъ миръ съ племенами центральной Галліи — сенонами и карнутами. Затѣмъ онъ рѣшилъ направить всѣ свои силы противъ Амбіорикса, смертельнаго врага римлянъ, истребившаго его войско, умертвившаго двухъ его полководцевъ. Не даромъ Цезарь, узнавъ объ этомъ, поклялся, что не будетъ стричь волосъ, брить бороды, пока не отомститъ за своихъ. Но прежде всего онъ считалъ нужнымъ раздѣлаться съ естественными союзниками своего главнаго врага. Менапіи, жившіе на южномъ берегу Мааса, близъ моря, съ которыми, какъ мы видѣли, Цезарь не успѣлъ покончить въ предъидущей войнѣ, упорствовали и не присылали пословъ съ мирными предложеніями. Цезарь сжигаетъ ихъ села, отбираетъ скотъ, обращаетъ въ рабство людей и, взявъ заложниковъ, обязываетъ менапіевъ не водиться съ Амбіориксомъ. Тѣмъ временемъ Лабіенъ нанесъ окончательное пораженіе сильнѣйшему сѣверо-восточному племени тревировъ, которыхъ вызвалъ на битву какъ-разъ передъ появленіемъ къ нимъ на помощь германцевъ, не давъ имъ соединиться. «Кого Господь хочетъ наказать, у того онъ отъиметъ разумъ»—говоритъ пословица. Несчастные германцы и галлы попадались въ каждую разставленную имъ ловушку. Цезарь приводитъ весьма замѣчательную рѣчь Лабіена, произнесенную въ этомъ случаѣ передъ собравшимся войскомъ. «Воины», говорилъ Лабіенъ, «вы дождались, чего хотѣли: настигли непріятеля при самыхъ невыгодныхъ для него условіяхъ мѣстности. Покажите подъ моимъ начальствомъ ту же доблесть, съ какою вы обыкновенно сражаетесь при Цезарѣ. Думайте, что онъ здѣсь присутствуетъ и всё видитъ». Цезарь несомнѣнно почиталъ себя богомъ, если могъ такъ писать о самомъ себѣ. — Онъ разсказываетъ объ этомъ такимъ тономъ, какъ будто Лабіенъ и его войско не могли смотрѣть на него иначе.

Поколотивъ тревировъ, Цезарь построилъ другой мостъ черезъ Рейнъ, нѣсколько выше того мѣста, гдѣ переправлялся впервые. Сдѣлалъ онъ это, какъ объясняетъ самъ, по двумъ причинамъ: вопервыхъ потому, что германцы оказывали помощь нервіямъ; вовторыхъ, для того, чтобы Амбіориксъ не могъ найти

убѣжища у свевовъ. По поводу этого вторичнаго перехода Цезарь счелъ не лишнимъ провести передъ глазами читателя параллель между нравами германцевъ и нравами галловъ.—У галловъ каждое племя, каждое поселеніе, даже каждая семья представляютъ двѣ враждебныя партіи, взаимно уровновѣшивающія другъ друга и не дающія одной взять верхъ надъ другой. Цезарь упоминаетъ объ этомъ именно при оговоренномъ случаѣ, потому что желаетъ нѣсколько вернуться назадъ и объяснить, какимъ образомъ онъ принялъ сторону эдуевъ и изъ-за нихъ впервые столкнулся съ германцами и прогналъ Аріовиста за Рейнъ. Въ восточной Галліи два племени долго боролись за преобладаніе: эдуи и секваны. Секваны позвали на помощь германцевъ, и эдуямъ пришлось плохо. Въ своемъ бѣдственномъ положеніи они обратились къ покровительству Рима, такъ какъ уже и прежде находились въ дружественныхъ отношеніяхъ къ республикѣ. Ихъ главный вождь, Дивитіакъ, нѣкоторое время жилъ въ Римѣ и свелъ знакомство со многими римлянами, между прочимъ съ Цицерономъ. Онъ былъ родной братъ того самаго Думнорикса, который былъ убитъ по приказанію Цезаря за то, что предъ вторымъ британскимъ походомъ убѣжалъ отъ него со всею эдуйской конницей. Въ самомъ Римѣ было весьма спорнымъ вопросомъ, какъ отнестись къ эдуямъ; наконецъ Цезарь, какъ мы видѣли, рѣшился принять

ихъ сторону. Мы видѣли также, какъ онъ прогналъ Аріовиста за Рейнъ, захвативъ его женъ и дочерей. Такимъ образомъ, говоритъ Цезарь, эдуи считались первыми друзьями Рима между галлами; второе мѣсто занимали ремы, которые съ такою готовностью помогли Цезарю противъ бельговъ.

У галловъ пользовались большимъ почетомъ, по свидѣтельству Цезаря, два сословія: друиды и всадники, изъ чего можно заключить, что аристократіи представлялось лишь два поприща: жречество и война. Простой же народъ, говоритъ Цезарь, находится въ состояніи, близкомъ къ рабству. Нерѣдко, обремененный долгами и податями, боясь сильнаго врага, простой человѣкъ отдается въ рабство, чтобъ имѣть покровителя. Друиды имѣли огромное политическое вліяніе и пускали его въ ходъ, отстраняя непослушныхъ отъ жертвоприношеній, т. е. въ нѣкоторомъ родѣ отлучая ихъ отъ церкви. Отлученный лишался всѣхъ правъ, стоялъ внѣ покровительства законовъ. Во главѣ друидовъ находился одинъ «великій друидъ», который послѣ смерти былъ замѣщаемъ другимъ, по выбору остальныхъ друидовъ. Впрочемъ, если одинъ изъ нихъ особенно чѣмъ-нибудь выдавался, то назначался прямо безъ выборовъ.—Главная святыня галловъ находилась въ странѣ карнутовъ, въ центрѣ Галліи. Обряды и таинства свои друиды заимствовали изъ Британніи, куда продолжали и при Цезарѣ обращаться за разрѣше-

ніемъ затруднительныхъ вопросовъ. Друиды не ходили на войну, не платили податей. Быть друидомъ считалось величайшимъ счастіемъ; но оно доставалось не легко. Требовалось, большею частью, не менѣе двадцати лѣтъ ученія, потому что все надо было заучивать наизусть. Письменнаго изложенія ихъ ученія и обрядовъ не было. Главною чертою этого ученія была вѣра въ переселеніе душъ; вѣря въ него, люди должны были вѣрить въ безсмертіе души и безъ страха идти на смерть, которая въ сущности была лишь переходомъ въ другую жизнь. Друиды были очень сильны въ астрономіи, географіи, естественныхъ наукахъ и, конечно, въ богословіи вообще.

Всадники, или знать, жили исключительно военною жизнью. Цезарь утверждаетъ, что пока онъ не осчастливилъ своимъ прибытіемъ Галлію, они были въ печальной необходимости ежегодно сражаться между собою. Галлы, говоритъ онъ, самый суевѣрный изъ всѣхъ народовъ, такой суевѣрный, что при всякой опасности, при всякомъ затрудненіи прибѣгаютъ къ человѣческимъ жертвамъ, чтобы умилостивить боговъ, и преимущественно сожигаютъ воровъ и убійцъ, такъ какъ эти оскверненныя жертвы всего угоднѣе богамъ. Если же такихъ не оказывается, то сожигаются и невинные.—Затѣмъ Цезарь утверждаетъ, что главное божество у галловъ—Меркурій, котораго они почитаютъ умнѣйшимъ изъ боговъ; покло-

няются они также Апполону, Марсу, Юпитеру и Минервѣ, приписывая имъ тѣ же свойства, какія признаютъ за этими богами всѣ другіе народы. Цезарь не объясняетъ, какимъ образомъ примѣшалась къ друидическому ученію греко-римская миѳологія, и, повидимому, нисколько этому не удивляется. Вѣроятно, онъ окрещиваетъ галльскихъ боговъ именами римскихъ, нисколько не желая тѣмъ сказать, что ихъ именно такъ называли галлы, у которыхъ были для нихъ свои имена. Трофеи своихъ побѣдъ галлы посвящали Марсу, и у нѣкоторыхъ племенъ были цѣлыя горы этой священной добычи.—Святотатство, съ цѣлью попользоваться ею, было явленіемъ чрезвычайно рѣдкимъ и наказывалось мучительною смертью. Сыновья къ отцамъ относились чрезвычайно почтительно. Пока сынъ не носилъ оружія, онъ не подходилъ къ отцу и не смѣлъ вмѣстѣ съ нимъ бывать въ обществѣ. Мужья откладывали обыкновенно изъ своего имущества сумму денегъ, равную той, которую взяли въ приданое за женами; образовавшійся такимъ образомъ капиталъ и набѣжавшіе на него барыши составляли нераздѣльную собственность супруговъ и по смерти доставались пережившему. Этому обычаю могутъ и теперь позавидовать женщины въ нѣкоторыхъ государствахъ, напр. хоть въ Англіи. Но за то у галловъ былъ другой обычай, уже вовсе не привлекательный. Мужъ имѣлъ право лишить жизни и жену, и дѣтей.

Если умиралъ высокопоставленный человѣкъ и былъ поводъ къ подозрѣнію въ неестественной смерти, то его женъ допрашивали подъ пыткой и въ случаѣ виновности замучивали до смерти. Изъ этого указанія Цезаря мы видимъ, что многоженство дозволялось въ Галліи. Похороны совершались съ большою пышностью. При этомъ вещи, дорогія покойному при жизни, сожигались. При Цезарѣ такимъ образомъ сожигали животныхъ, но въ прежнія времена жгли любимыхъ рабовъ и кліентовъ покойнаго. Въ наиболѣе благоустроенныхъ галльскихъ государствахъ запрещено было закономъ распространять и обсуждать слухи объ общественныхъ дѣлахъ. Каждый, услышавъ что-либо, долженъ былъ немедленно сообщить о томъ правительству: обсуждать государственныя дѣла можно было только на сеймѣ. Такъ Цезарь говоритъ объ обычаяхъ галловъ.

Германцы многимъ отличались отъ галловъ. У нихъ не было друидовъ; они не приносили жертвъ, покланялись лишь видимымъ предметамъ, которые были имъ полезны въ жизни, напр. солнцу, огню, лунѣ. Всё свое время германцы проводили на войнѣ или на охотѣ, мало занимаясь земледѣліемъ; питались молокомъ, сыромъ и мясомъ. Въ распредѣленіи земли у нихъ господствовало общинное начало, и каждый владѣлъ участкомъ не болѣе года. Этому обычаю германцы слѣдовали для того, чтобы не полюбить земледѣлія болѣе войны, чтобы не пристраститься къ большимъ поземельнымъ владѣніямъ и тѣмъ самымъ не дать богатымъ возможности притѣснять бѣдныхъ; чтобы, привыкнувъ къ удобствамъ жизни, не разучиться переносить жаръ и холодъ; чтобы не родилась въ нихъ любовь къ деньгамъ и желаніе господствовать другъ надъ другомъ. Всё это довольно здравыя экономическія понятія.

Германцы не терпѣли сосѣдства другихъ племенъ и, ради безопасности и свободы, любили жить среди незаселенныхъ, пустыхъ полей. Начальники ихъ на войнѣ неограниченно распоряжались жизнью остальныхъ воиновъ. Въ мирное же время у нихъ не было нарочно назначенныхъ начальниковъ, а въ каждомъ племени старѣйшина судилъ и рядилъ, какъ умѣлъ. Ограбить сосѣднюю страну считалось у германцевъ дѣломъ, достойнымъ всякаго уваженія. Такіе воровскіе набѣги дѣлались цѣлыми шайками, въ которыя каждый могъ вступить или не вступить по желанію; но горе тому, кто обѣщалъ присоединиться и не исполнилъ этого обѣщанія. Германцы были очень гостепріимны. Въ былыя времена галлы были гораздо сильнѣе германцевъ и легко могли бы завоевать ихъ землю. Даже теперь, прибавляетъ Цезарь, нѣкоторыя галльскія племена живутъ въ Германіи, принявъ нравы и обычаи германцевъ. Но близкое сосѣдство римской провинціи научило галловъ роскоши, и они утратили свою прежнюю военную доблесть. Интересно извлечь изъ

этихъ замѣтокъ кое-какія данныя для исторіи европейской цивилизаціи и для характеристики до-христіанскихъ нравственныхъ понятій и идеаловъ.

Вслѣдъ затѣмъ Цезарь описываетъ большой Герцинскій лѣсъ, начинающійся въ сѣверной Швейцаріи и доходящій вплоть до Дуная. Поперекъ его можно было пройти въ девять дней; но чтобы пройти его вдоль, мало было и шестидесяти. По всѣмъ вѣроятіямъ, Шварцвальдъ составляетъ часть его. Въ Герцинскомъ лѣсу водились многіе рѣдкіе и странные звѣри: однорогіе волы, лоси, похожіе на большихъ оленей, но съ ногами будто-бы безъ суставовъ и поэтому не сгибавшимися, такъ что животныя эти не могли ни лечь, ни, упавши, встать. Спали они, прислонившись къ деревьямъ; но деревья иногда подламывались подъ ними, лоси падали на землю и оказывались совершенно безпомощными. Бродилъ въ этомъ лѣсу и страшный буйволъ, ростомъ со слона, не щадившій ни людей, ни звѣрей. Такого буйвола убить очень трудно, а сдѣлать ручнымъ совершенно невозможно, хотя бы принявшись за это пока еще онъ совсѣмъ молодъ. Германцы отдѣлываютъ рога этого животнаго серебромъ и употребляютъ вмѣсто кубковъ.

И на этотъ разъ Цезарь не долго оставался въ Германіи. Онъ вернулся въ Галлію, разрушивъ часть своего моста, и снова пустился на поиски за Амбіориксомъ. Легатъ его, Базиль, чуть-чуть не словилъ не-

счастнаго бѣглеца, но Амбіориксъ ускользнулъ-таки, и Цезарь по этому поводу разсуждаетъ о превратностяхъ судьбы. Читатель помнитъ, вѣроятно, что Амбіориксъ раздѣлялъ свою власть надъ эбуронами съ другимъ королемъ, Кативолкомъ. Этотъ послѣдній, уже старый, глубоко скорбѣлъ о бѣдствіяхъ своего народа, проклялъ своего соправителя, виновника бѣдствій, а самъ отравился сокомъ такса, дерева, очень распространеннаго въ Галліи и Германіи.

Теперь досталось всѣмъ народамъ Бельгіи, галламъ и германцамъ, за то, что всѣ они помогали или собирались помогать, или могли современемъ помочь Амбіориксу и эбуронамъ. Цезарь раздѣлилъ свою армію, а самъ опять отправился въ погоню за своей жертвой по сырымъ, непріютнымъ низовьямъ Шельды и Мааса. Онъ долго колебался, рѣшая судьбу эбуроновъ. Съ одной стороны, онъ страстно желалъ стереть съ лица земли это негодное племя, надъ которымъ властвовалъ Амбіориксъ; съ другой стороны, онъ находилъ, что само племя не стóитъ тѣхъ силъ, которыя надо потратить на его истребленіе. Онъ приглашалъ на помощь сосѣднія галльскія племена, чтобы галлы, а не римляне, погибали въ негостепріимной странѣ. Однако онъ твердо рѣшилъ такъ или иначе извести племя, дерзнувшее нанести ему страшное оскорбленіе, истребивъ его армію съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ бы онъ и самъ былъ не прочь истребить

армію галловъ. «Pro tali facinore, stirps ac nomen civitatis tollatur» (за такое преступленіе надлежало уничтожить самое имя этого племени).

Раздѣляя свое войско, Цезарь поставилъ Квинта Цицерона съ однимъ легіономъ, съ багажемъ и военною добычею въ крѣпостцу, находившуюся какъ-разъ на томъ мѣстѣ, съ котораго Амбіориксъ хитростью сманилъ Титурія Сабина. Сикамбры, прослышавъ, что Цезарь обѣщалъ предоставить добро эбуроновъ въ добычу тому, кто его возьметъ, перешли Рейнъ, чтобы поживиться чужою собственностью. Но ихъ надоумили, что гораздо выгоднѣе напасть на лагерь Квинта Цицерона; они послѣдовали совѣту, выбравъ время, когда лучшая часть гарнизона разсѣялась по полямъ срѣзать колосья. И опять цѣлый легіонъ едва не погибъ на этомъ злополучномъ мѣстѣ. Но германцы не съумѣли воспользоваться выгодами своего положенія и вернулись за Рейнъ, захвативъ-таки кое-что изъ добычи. Цезарь снова внезапно, подобно какому-нибудь богу, явился среди своихъ. Но ему все-же не удалось захватить Амбіорикса, и онъ очень недоволенъ тѣмъ, что приходъ германцевъ, вмѣсто того, чтобы навредить Амбіориксу, напротивъ, оказалъ этому чудовищу большую услугу.

Онъ употреблялъ всякія уловки, всѣ усилія, чтобы поймать самого Амбіорикса, дорого оцѣнилъ его голову и не щадилъ своихъ людей, требуя отъ нихъ неимовѣрныхъ трудовъ. И все-таки Амбіориксъ ускользнулъ съ нѣсколькими вѣрными спутниками. Цезарь сорвалъ всю злость свою на эбуронахъ. Онъ сжегъ всѣ ихъ поселенія, всѣ дома. Онъ такъ опустошилъ ихъ землю, что по уходѣ его войска тамъ не могъ бы прокормиться ни одинъ человѣкъ. Вѣроятно, послѣ этого онъ позволилъ себѣ обриться. Всѣ увѣряли, что гдѣ-то только-что видѣли Амбіорикса; казалось, вотъ-вотъ онъ попадется; не тутъ-то было. Такъ Цезарю и не удалось поймать его. Съ наступленіемъ зимы Цезарь вернулся на югъ, въ Реймсъ—Дурокорторумъ; въ четырехъ словахъ онъ разсказываетъ о томъ, какъ тутъ на-смерть замучилъ нѣкоего Акко, возмутившаго въ центральной Галліи карнутовъ и сеноновъ, и какъ запретилъ давать воды и огня тѣмъ изъ заговорщиковъ, которые успѣли бѣжать. Поставивъ затѣмъ легіоны на зимнія квартиры, онъ отправился въ Италію, чтобы открыть въ Цизальпинской Галліи провинціальное собраніе и позаняться внутренними дѣлами республики, касавшимися его такъ близко.

ГЛАВА VIII.

Седьмая книга о Галльской войнѣ. — Возстаніе Верцингеторикса.—52 г. до Р. Х.

Приступая къ разсказу о седьмомъ своемъ походѣ, Цезарь въ первый и въ послѣдній разъ въ этихъ своихъ запискахъ упоминаетъ о событіяхъ, совершившихся въ Римѣ. Тамъ былъ убитъ Клодій. Извѣстно, что во время пребыванія Цезаря въ Галліи убитъ былъ на Востокѣ Крассъ, во главѣ своего войска; извѣстно также, что по смерти Клодія Помпей сдѣлался диктаторомъ съ титуломъ консула безъ товарища. Но Цезарь говоритъ только объ убійствѣ Клодія и прямо переходитъ къ тому, какъ галлы, полагая, что онъ теперь весь поглощенъ римскими дѣлами и что ему не до нихъ, задумали въ его отсутствіе стряхнуть съ себя римское иго.—Несомнѣнно, что римскія дѣла очень и очень интересовали Цезаря, особенно, если онъ—что очень вѣроятно—уже составилъ себѣ совершенно ясный планъ дѣйствій, съ цѣлью овладѣть высшею въ республикѣ властью. Извѣстнаго демагога Клодія не стало. Цезарь не могъ любить его, но не могъ и относиться къ нему враждебно. Погибъ и Крассъ, котораго Цезарь принялъ въ товарищество изъ-за его несмѣтнаго богатства. Третій изъ тріумвировъ, Помпей, остался въ живыхъ и былъ теперь единымъ консуломъ; а не дальше, какъ годъ тому назадъ, этотъ же самый Помпей такъ великодушно уступилъ свой легіонъ республикѣ... и дружбѣ. Цезарь, конечно, предвидѣлъ, что борьба между нимъ и Помпеемъ неизбѣжна. Всѣ республиканскія формы выворачивались на-изнанку. И Цезарь, и Помпей, и покойникъ Клодій, — всѣ понимали, что настала пора для новыхъ формъ, для новой власти. Но для созданія ея нужна была рука сильная, могучая; притомъ же и дѣло еще не созрѣло. Потративъ шесть лѣтъ на покореніе Галліи, Цезарь, конечно, не хотѣлъ лишиться той славы, того могущества, той поддержки, какія могла доставить ему эта огромная, покоренная имъ самимъ страна. Конечно, у него были важныя дѣла въ Римѣ, но еще болѣе насущною политическою необходимостью было, возвратившись въ Галлію, довершить начатое дѣло. Не успѣла пройти зима, какъ уже пришло извѣстіе, что галлы встаютъ, разсчитывая на то, что Цезарю невозможно будетъ оставить Италію.

Въ послѣдней книгѣ о Галльской войнѣ (т. е. послѣдней, писанной Цезаремъ), разсказывается исторія о великодушномъ арвернцѣ Верцингеториксѣ. Отецъ

его, Целтиллъ, хотѣлъ, какъ говорили, стать во главѣ всей Галліи и былъ за это убитъ своими соплеменниками. Верцингеториксъ—настоящій галльскій герой, съ которымъ мы однако впервые встрѣчаемся лишь въ седьмомъ походѣ Цезаря. Первыми возстали противъ римлянъ карнуты, главнымъ городомъ которыхъ былъ Генабумъ (Орлеанъ). Верцингеториксъ всячески уговаривалъ своихъ соплеменниковъ присоединиться къ возставшимъ, но за свои убѣжденія изгнанъ изъ ихъ города, Жерговіи. Арверны, или по крайней мѣрѣ ихъ старѣйшины, боялись римлянъ; но Верцингеториксъ ушелъ съ толпою смѣльчаковъ, послѣдовавшихъ за нимъ, и остался при своемъ намѣреніи. Къ нему стекались люди другихъ племенъ съ береговъ океана и съ мѣстности Парижа. Онъ сталъ во главѣ ихъ, издалъ на время войны строгіе законы и съ такою же строгостью приводилъ ихъ въ исполненіе. За тяжкое преступленіе онъ жегъ живьемъ и подвергалъ всевозможнымъ пыткамъ. За незначительныя проступки отрѣзалъ виновному уши, выкалывалъ одинъ глазъ и посылалъ домой, для примѣра другимъ. Угрожая такими наказаніями тѣмъ, кто не хотѣлъ къ нему присоединяться, подвергая пыткамъ тѣхъ, которые оказывались измѣнниками или равнодушными къ дѣлу, онъ успѣлъ собрать громадное войско. Цезарь услышалъ обо всемъ этомъ еще будучи въ Италіи. Уладивъ дѣла съ Помпеемъ, онъ поспѣшилъ въ Провинцію. Онъ

разсказываетъ, какъ трудно ему было добраться до своего войска, какъ приходилось во что бы то ни стало защищать самую Провинцію отъ нападенія, какъ тяжело было перебираться черезъ покрытыя снѣгомъ Севенны, въ такое время года, когда эти горы считались вовсе непроходимыми. Онъ былъ вынужденъ начать военныя дѣйствія до наступленія весны, потому что иначе его немногіе приверженцы въ Галліи, напр. эдуи, были бы уничтожены врагомъ. — Цезарь былъ въ затруднительномъ положеніи и признается, что не зналъ, какъ быть. Нечего дѣлать, надо было воевать, не смотря на то, что стояла еще зима.

Двигая свою армію съ необычайной быстротой, Цезарь взялъ три города въ центральной Галліи, между прочими Генабумъ (Орлеанъ), и такимъ образомъ запасся провизіей. При вѣсти объ этихъ неудачахъ Верцингеториксу пришло на умъ, что Цезарь такимъ образомъ и впредь будетъ кормить свое войско галльскимъ добромъ, и гальскій вождь рѣшился сжечь всѣ города, находившіеся въ этой мѣстности. Своему народу онъ сказалъ, что такъ нужно, что при теперешнемъ положеніи дѣлъ это единственный исходъ. Пусть они, видя свои пепелища, подумаютъ о томъ, насколько было бы хуже видѣть своихъ женъ и дѣтей рабами, а это непремѣнно будетъ такъ, если Цезарь одолѣетъ. Приказаніе было отдано, и двадцать городовъ, принадлежавшихъ одному племени, сравнены съ землею.

То же самое было сдѣлано и во владѣніяхъ другихъ племенъ. Но былъ въ Галліи одинъ городъ, славившійся красотой и великолѣпіемъ во всей окрестной странѣ. Этотъ городъ, увѣряли галлы, можно легко отстоять, и онъ будетъ имъ не помѣхою, а помощью. Неужто жечь Аварикъ (нынѣшній Буржъ)? Неужто невозможно спасти его? Верцингеториксъ настаивалъ на сожженіи Аварика, но уступилъ противнымъ доводамъ и, пока, пощадилъ его.

Цезарь рѣшилъ овладѣть Аварикомъ; но это было не легко. Скотъ отовсюду угнали; хлѣба нигдѣ не было; подлецы-эдуи сидѣли, сложа руки, а сосѣди ихъ, бойи, дрянной, бѣдный народишко, никуда не годились.

Днями войску рѣшительно нечего было ѣсть; «но, не смотря на это, ни разу между Цезаревыми воинами не слышно было ропота, который омрачилъ бы славу ихъ прежнихъ побѣдъ и былъ бы недостоинъ величія народа римскаго. Когда Цезарь предложилъ снять трудную, тяжкую осаду, воины сами просили продолжать ее. Они были готовы на все, лишь бы дѣло удалось». «А когда Цезарь, осматривая осадныя работы, подходилъ къ легіонамъ, къ каждому порознь, и говорилъ, что онъ снимаетъ осаду, если имъ тяжело сносить нужду въ продовольствіи, то всѣ просили Цезаря не дѣлать этого: въ теченіе многихъ лѣтъ они подъ его начальствомъ служили вѣрно и не навлекли на себя никакого порицанія; ни разу не отступали они ни отъ какого предпріятія, не приведя его къ концу», «исключая покоренія Британніи», — могли бы они оговориться —; «теперь же оставить осаду значитъ подвергнуть себя неминуемому порицанію; скорѣе они перенесутъ всевозможныя нужды и лишенія, чѣмъ откажутся отомстить за соглражданъ, погибшихъ въ Генабумѣ жертвою вѣроломства галловъ». Слова эти Цезарь влагаетъ въ уста своихъ воиновъ, и, читая разсказъ, вѣрится, что такой духъ дѣйствительно господствовалъ въ войскѣ. Оно научилось отзываться на военныя опасности иначе, чѣмъ слезами.

Тѣмъ временемъ произошла размолвка между Верцингеториксомъ и галлами. Видя близость римлянъ, галлы обвиняли своего вождя въ измѣнѣ, въ желаніи выдать ихъ Цезарю. Но Верцингеториксъ произнесъ рѣчь и въ доказательство печальнаго положенія римскаго войска вывелъ нѣсколькихъ римскихъ плѣнниковъ, утверждая, что это легіонаріи. Этимъ онъ успокоилъ бунтовщиковъ; но Цезарь, отстаивая честь своихъ легіонаріевъ, увѣряетъ, что люди, выведенные Верцингеториксомъ, были, просто, рабы.

Пока Цезарь осаждалъ Аварикъ, Верцингеториксъ стоялъ лагеремъ неподалеку отъ этого города. Цезарь коротко, ясно и точно описываетъ ходъ осады. Онъ опредѣляетъ размѣры стѣнъ, разсказываетъ о томъ, какъ ловко галлы умѣли подводить мины и контрми-

ны, какъ обливали римлянъ кипящими смолою и жиромъ; какъ они, наконецъ, перестали это дѣлать, потому что римляне убивали обливавшихъ и галлы, постоянно смѣняя мертвыхъ товарищей, ступали наконецъ по грудамъ труповъ, загораживавшихъ путь. Наконецъ они рѣшились покинуть городъ и пробраться, украдкой, ночью, въ лагерь Верцингеторикса; но жены упросили ихъ остаться, потому-что боялись Цезарева помилованія; наконецъ городъ былъ взятъ. Нельзя не проклинать Цезаря, читая его холодный отчетъ о результатахъ предпріятія. *Всѣ* жители были умерщвлены. Старики, женщины, дѣти,—всѣ погибли отъ рукъ римлянъ. Цезарь говоритъ, что изъ сорока тысячъ жителей около восьмисотъ успѣли спастись и добраться до Верцингеторикса. Нельзя вполнѣ довѣрять цифрамъ Цезаря, когда онъ говоритъ о численности галловъ; но нѣтъ сомнѣнія, что спаслись лишь весьма немногіе. Когда во время предъидущаго похода галлы затѣяли въ Генабумѣ (Орлеанѣ) возстаніе противъ Цезаря, нѣсколько жившихъ тамъ римскихъ купцовъ, преимущественно ростовщиковъ,—были убиты бунтовщиками. Цезарь приводитъ этотъ фактъ какъ достаточную причину поголовнаго истребленія женщинъ и дѣтей въ Аварикѣ! Правда, иначе нельзя было покорить Галлію, а ее неизбѣжно нужно было подчинить Риму; но въ данную минуту человѣкъ, способный на такія мѣры, возбуждаетъ отвращеніе. Вер-

цингеториксъ мужественно перенесъ страшный ударъ. Онъ припомнилъ галламъ, что послушайся они его совѣта, городъ былъ бы разрушенъ ими самими, и не было бы потрачено столько силъ на его защиту. Верцингеториксъ сказалъ, что теперь всѣ галльскія племена готовы съ нимъ соединиться, и принялся укрѣплять свой лагерь по образцу римскаго. До этой попытки галлы сражались либо изъ-за городскихъ стѣнъ, либо на открытыхъ мѣстахъ, защищаясь естественными крѣпостями, горами и лѣсами.

Въ это время случилось нѣчто у безпокойныхъ эдуевъ. Возникъ споръ о главномъ начальствѣ надъ ними между однимъ старикомъ и однимъ юношей, и за разрѣшеніемъ вопроса эдуи обратились къ Цезарю. Ему было вовсе не до того. Съ другой стороны, какъ онъ самъ объясняетъ, эдуевъ надо было держать въ почтительномъ повиновеніи. Поэтому онъ самолично явился въ одинъ изъ ихъ городовъ и рѣшилъ дѣло въ пользу молодаго человѣка. Но Цезарь никогда не дѣлалъ ничего даромъ и на этотъ разъ потребовалъ у эдуевъ десять тысячъ пѣхоты и всю ихъ конницу, для борьбы съ Верцингеториксомъ. Эдуямъ нельзя было не согласиться, но согласились они очень нехотя. Старшій изъ соперниковъ, устраненный отъ власти, стакнулся съ полководцемъ, и эдуанское войско отправилось на помощь... не къ Цезарю, а къ Верцингеториксу. Эдуи не въ первый разъ вѣроломно об-

манывали римлянъ, и Цезарь скоро прослышалъ объ этой новой измѣнѣ. Эти эдуи безпрестанно обманывали, всячески вредили его дѣлу; но онъ каждый разъ прощалъ ихъ или, по крайней мѣрѣ, дѣлалъ видъ, что прощаетъ. Въ его политическіе разсчеты входило показывать галламъ, до чего можетъ простираться великодушіе и милосердіе Цезаря. Намъ онъ былъ бы гораздо симпатичнѣе, еслибы поджегъ эдуевъ и пощадилъ Буржъ; но, сдѣлай онъ это, онъ не былъ бы Цезаремъ.

Не мало ему было хлопотъ съ союзниками, а еще больше заботъ съ врагами. Послѣ паденія Аварика Верцингеториксъ со своимъ войскомъ отправился на родину, въ нынѣшнюю страну Овернь, и расположился станомъ на высокой горѣ, извѣстной подъ именемъ Жерговіи. Кто бывалъ въ Клермонѣ, тотъ, вѣрно, видѣлъ эту гору. Верцингеториксъ раздѣлилъ свое войско на три отряда и для каждаго устроилъ отдѣльный лагерь. Тутъ же на горѣ стоялъ и городъ арверновъ. Верцингеториксъ расположилъ свое войско такъ, чтобы между нимъ и Цезаремъ была глубокая рѣка. Но Цезарь построилъ мостъ и очутился со своими легіонами у подошвы Жерговіи. Объемъ этого маленькаго сочиненія не дозволяетъ намъ вдаваться въ стратегическія подробности; но эта осада, быть можетъ, интереснѣе всѣхъ военныхъ дѣйствій, описанныхъ у Цезаря. Три галльскіе лагеря были взяты приступомъ.

Жительницы Жерговіи, полагая, что и городъ покоренъ, выглядывали изъ-за стѣнъ и просили у римлянъ пощады, умоляя не сдѣлать съ ними того же, что было сдѣлано съ женщинами Аварика. Нѣсколько римскихъ воиновъ взобрались уже на стѣны, и читатель заранѣе увѣренъ, что Цезарь и тутъ возьметъ верхъ. Но приступъ отбили, и Цезарь снялъ осаду. На этотъ разъ побѣда досталась Верцингеториксу, и Цезарь спѣшитъ оправдаться, объясняя, что легіоны его погибли отъ чрезмѣрной поспѣшности воиновъ, а не отъ какой-либо ошибки со стороны предводителя. И очень вѣроятно, что это было такъ. Цезаревы комментаріи какъ-то возбуждаютъ къ себѣ довѣріе даже въ тѣ минуты, когда къ самому Цезарю чувствуется омерзеніе. Онъ снова перекидываетъ мостъ черезъ рѣку (Аллiѐ), и удаляется въ землю своихъ ненадежныхъ союзниковъ, эдуевъ. По собственному его показанію, онъ потерялъ въ описанномъ дѣлѣ 700 рядовыхъ и 46 сотниковъ.

Кажется, въ это время Цезарю сильно грозила опасность быть уничтоженнымъ галлами. Онъ не объясняетъ, почему Верцингеториксъ не воспользовался своей побѣдою и не помѣшалъ римлянамъ отступить черезъ Аллiѐ.

Вѣроятно, онъ сдѣлалъ этотъ промахъ потому, что въ военномъ искусствѣ галлы не могли равняться съ римлянами. Цезарю пришлось напрячь всѣ силы для

спасенія своего войска. Не замедлили обратиться противъ него и эдуи. Вся его казна, провіантъ и багажъ были въ ихъ городѣ Новіодунумѣ (Неверѣ).— Союзники забрали все, уничтоживъ то, чего не могли унести, и войску Цезаря угрожала голодная смерть. На мѣстѣ все уже было съѣдено, а чрезъ Луару, отдѣлявшую Цезаря отъ странъ, гдѣ представлялась возможность запастись провизіей, не было ни моста, ни брода. Однако Цезарь перешелъ рѣку, къ великому изумленію эдуевъ, считавшихъ это невозможнымъ. Нашлось-таки мѣсто въ рѣкѣ, которое солдаты могли перейти вбродъ, хотя по-плечи въ водѣ.

Между тѣмъ Лабіенъ сразился съ галлами близъ Парижа. Съ нимъ было четыре легіона. Услыхавъ о неудачѣ, постигшей Цезаря при Жерговіи, онъ счелъ необходимымъ примкнуть къ нему. Повстрѣчавшись съ врагами, онъ выигралъ сраженіе, и Цезарь говоритъ объ этомъ съ такимъ восторгомъ, какъ-будто самъ былъ побѣдителемъ. Преодолѣвъ послѣднее препятствіе, Лабіенъ двинулся на югъ и соединился со своимъ «Императоромъ».

Но галлы были твердо намѣрены выгнать отъ себя Цезаря и съ этою цѣлью созвали сеймъ въ Бибрактѣ, главномъ городѣ эдуевъ. Впослѣдствіи этотъ городъ назывался Августодунумомъ, и имя это превратилось въ Отёнъ. На сеймѣ эдуи, которыми еще такъ недавно помыкали римляне, задирали носы, требуя, чтобы

имъ предоставлено было главное предводительство въ борьбѣ съ Римомъ, такъ какъ они первые возстали. По ихъ мнѣнію, во главѣ соединенныхъ галльскихъ силъ слѣдовало поставить эдуя. Никто, вѣдь, такъ много не сдѣлалъ для общаго дѣла, какъ эдуи, которые, вотъ, чуть ли не въ десятый разъ нападаютъ на своихъ друзей, римлянъ. Но единогласно былъ выбранъ Верцингеториксъ, а къ эдуанскимъ вождямъ всѣ отнеслись съ презрѣніемъ. Вскорѣ послѣ этого произошло и сраженіе между галлами и римлянами. Верцингеториксъ считалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы атаковать непріятеля, когда тотъ шелъ на югъ, въ Провинцію. Галльскій вождь смотрѣлъ на это движеніе какъ на отступленіе. Быть можетъ, это и въ самомъ дѣлѣ было такъ. Но галлы были разбиты и бѣжали, потерявъ въ битвѣ около трехъ тысячъ человѣкъ. Верцингеториксъ засѣлъ въ городѣ Алезіи, и Цезарь сталъ готовиться къ новой осадѣ.

Взятіе Алезіи есть послѣднее событіе, разсказанное Цезаремъ въ Комментаріи о Галльской войнѣ, и, можетъ быть, событіе самое трагическое. Никогда еще цивилизація не распространялась такими ужасными средствами, какія были употреблены во время этой осады. Верцингеториксъ со своимъ войскомъ загнанъ былъ въ городъ, и Цезарь окружилъ его окопами, укрѣпленіями, брустверами, рвами, чтобы ни одна душа не могла выйти изъ города. Пока продолжались осад-

ныя работы и еще была возможность ускользнуть, галльскій вождь послалъ нѣсколькихъ конныхъ гонцовъ кликнуть кличъ по всей Галліи, чтобы она поднялась на помощь Верцингеториксу. Всадники исполнили данное имъ порученіе; собралось большое, многолюдное собраніе, на которомъ опредѣлено было, сколько войска должно поставить каждое племя. Верцингериксъ умолялъ оказать помощь какъ можно скорѣе. Онъ разсчитывалъ, что въ городѣ должно хватить запасовъ на тридцать дней; можно было, пожалуй, протянуть еще дольше. Если же къ тому времени галлы не подоспѣютъ къ нему на выручку, то онъ погибнетъ съ восемьюдесятью тысячами горожанъ. Всадники выбрались благополучно изъ города, и осажденные рѣшились ждать впроголодь тридцать дней. Мудрено было бы даже и теперь исполнить въ тридцать дней данное порученіе. При тогдашнихъ же дорогахъ и средствахъ передвиженія это было немыслимо. Но Цезарь говоритъ, что галльскія племена всѣ выставили указанное число воиновъ, за исключеніемъ белловаковъ, жителей нынѣшняго Бовè, которые объявили, что будутъ воевать сами по себѣ, на свой страхъ; впрочемъ, потомъ они, изъ милости, дали двѣ тысячи. По словамъ Цезаря, даже лучшіе его друзья между галлами пристали къ общему народному движенію, — какъ напримѣръ нѣкто Коммій, который много помогъ Цезарю въ Британніи и котораго тотъ за вѣрную службу

посадилъ царствовать надъ атребатами. Этотъ-то Коммій и выпросилъ у белловаковъ двухтысячный отрядъ. Желаніе вернуть свою прежнюю свободу до такой степени овладѣло всѣми галлами, что ихъ не могли удержать ни воспоминанія объ оказанныхъ благодѣяніяхъ, ни давнишнія дружескія отношенія къ римлянамъ. Въ землѣ эдуевъ набралось до восьми тысячъ конницы и до двухсотъ сорока тысячъ пѣхоты. Алезія же находилась къ сѣверу отъ эдуевъ, въ землѣ лингоновъ. Все это огромное войско выбрало предводителей и отправилось въ Алезію, выручать Верцингеторикса.

Но уже было поздно. Прошло гораздо больше тридцати дней съ тѣхъ поръ, какъ Верцингериксъ послалъ просить помощи. Осажденные голодали и не имѣли никакихъ вѣстей о результатѣ своего посольства. Положеніе было отчаянное, и многіе уже поговаривали о сдачѣ. Другіе хотѣли пробиться сквозь ряды враговъ. Тогда выступилъ со своимъ предложеніемъ нѣкій Критогнатъ, и Цезарь приводитъ его подлинныя слова. Влагать ту или другую рѣчь прямо въ уста оратора весьма обыкновенный пріемъ греческихъ и римскихъ историковъ, причемъ они не стѣснялись присочинять и свои собственныя фразы, если того требовали обстоятельства. Цезарь рѣдко рѣшается такимъ образомъ рисковать исторической достовѣрностью; но на этотъ разъ и онъ пускаетъ въ ходъ обычное средство и приводитъ рѣчь Критогната отъ слова до сло-

ва. О тѣхъ подлецахъ, которые собирались сдаваться, Критогнатъ не хотѣлъ и говорить. Предложившимъ пробиться сквозь толпу враговъ—что, другими словами, значило идти на вѣрную смерть—онъ отвѣчалъ, что стойкость противъ страданія нравственно гораздо величественнѣе простой готовности умереть. Многіе люди сейчасъ готовы лечь и умереть, лишь бы не жить въ мученіяхъ. Но надо выждать. Зачѣмъ сомнѣваться въ своихъ соплеменникахъ? А пока онъ предлагаетъ слѣдующую мѣру: пусть люди годные, т. е. способные сражаться, съѣдятъ негодныхъ, т. е. неспособныхъ носить оружіе, и такимъ образомъ подкрѣпятъ свои силы до прихода избавителей. Начальники, управлявшіе Алезіей, не рѣшились послѣдовать этому совѣту, но рѣшились на другую мѣру, не менѣе безчеловѣчную. Они постановили на первый разъ выгнать изъ города стариковъ, женщинъ и больныхъ. Если это не поможетъ, тогда уже придется ѣсть другъ друга. Городъ принадлежалъ племени мандубіевъ, а не Верцингеториксу. Тѣмъ не менѣе этихъ мандубіевъ заставили выйти съ женами и дѣтьми.

Куда же было имъ дѣваться? Цезарь разсказываетъ, что между осадными линіями и городской стѣною было незанятое пространство, изъ котораго было только два выхода: въ лагерь Цезаря и въ городъ. Тутъ, между двумя арміями, пали передъ Цезаремъ на колѣна несчастные старики, женщины и дѣти, умоляя его при-

нять ихъ въ свой лагерь и затѣмъ позволить выйти на волю. Изгнанные своими же родными изъ домовъ своихъ, они просили милости и пощады у врага. Цезарь сдѣлалъ отрицательный знакъ рукою. Въ восьми словахъ онъ передаетъ намъ свое рѣшеніе: «At Caesar, depositis in vallo custodiis, recipi prohibebat» («Но Цезарь, поставивъ стражу на валу, запретилъ принимать ихъ»). И мы ничего больше не слышимъ о нихъ. Они, навѣрное, погибли!

Наконецъ все-таки соединенныя силы галловъ подошли на выручку Верцингеторикса; но можно ли еще спасти его? Галлы напали на римскій лагерь, и подъ стѣнами Алезіи завязалась кровавая битва. Цезарь принялъ всѣ мѣры, чтобы помѣшать осажденнымъ соединиться со вновь прибывшими галлами, разсыпавшимися по всей окрестной странѣ. Онъ разсказываетъ, какъ онъ самъ участвовалъ въ сраженіи и какъ всѣ узнавали его по цвѣту одежды. Читатель опять догадывается изъ его словъ, что галлы едва не одолѣли и что они должны бы были одолѣть. Но въ концѣ концовъ войско всѣхъ племенъ все-таки побѣжало во всю прыть. Погибло ихъ не мало, и римляне избили бы всѣхъ, еслибъ не устали наконецъ убивать. Но порядочная толпа уцѣлѣла и разбрелась на родину.

На другой день Верцингеториксъ сдался Цезарю. Онъ и люди его, запертые въ городѣ, были только зрителями происходившаго сраженія. Цезарь сидѣлъ

передъ лагеремъ, когда къ нему привели Верцингеторикса и другихъ галльскихъ начальниковъ. Плутархъ весьма краснорѣчиво изображаетъ появленіе галльскаго героя на красивомъ, ретивомъ конѣ, въ золоченомъ оружіи. Трудно представить себѣ, чтобы послѣ такой осады въ Алезіи нашлась лошадь для парадной церемоніи. Лошади Верцингеторикса, вѣроятно, уже за нѣсколько дней передъ тѣмъ были съѣдены. Эдуевъ Цезарь и на этотъ разъ простилъ. Но плѣнный Верцингеториксъ отправленъ былъ въ Римъ, томился шесть лѣтъ въ темницѣ, украсилъ своей особой тріумфъ великаго Цезаря и наконецъ, въ честь его, былъ убитъ. Побѣдивъ этого сильнаго врага, Цезарь поставилъ войско на зимнія квартиры и самъ рѣшился зимовать въ Галліи. «Когда въ Римѣ узнали о событіяхъ этой кампаніи, было назначено двадцати-дневное благодарственное молебствіе».

Этимъ оканчивается Комментарій Цезаря «О Галльской войнѣ». Военныя дѣйствія продолжались еще два года; о дѣйствіяхъ Цезаря въ теченіе этого времени Авлъ Гирцій составилъ, въ Цезаревомъ стилѣ, записки. Авторъ и не выдаетъ ихъ за сочиненіе Цезаря и предпосылаетъ имъ нѣчто въ родѣ извиненія въ томъ, что осмѣлился продолжать дѣло, начатое Цезаремъ. Наиболѣе замѣчательное событіе, описанное Гирціемъ, —это взятіе города Укселлодунума, расположеннаго въ югозападной Франціи (гдѣ именно, въ точности неизвѣстно). Цезарь взялъ городъ, перенявъ воду, и изуродовалъ жителей, дерзнувшихъ защищать свои очаги. «Цезарь, явивъ столько примѣровъ милосердія», говоритъ историкъ, «не опасался болѣе, чтобы его строгость приписали жестокости, а не предвидѣлъ успѣшнаго конца своихъ дѣйствій, если въ разныхъ мѣстахъ возникнутъ подобныя упорныя возстанія; и потому онъ счелъ за нужное примѣрнымъ наказаніемъ устрашить прочихъ.» Поэтому онъ отрубилъ всѣ руки, державшія оружіе въ Укселлодунумѣ, и пустилъ несчастныхъ увѣчныхъ по міру. Апологистъ прибавляетъ къ этому, что Цезарь даровалъ имъ жизнь, дабы наказаніе преступныхъ, защищавшихъ свою свободу, было видимо всему свѣту! Это былъ, быть можетъ, верхъ жестокости Цезаря, вдобавокъ еще приправленный пріобрѣтенною славою милосердаго, сострадательнаго человѣка!

Вслѣдъ затѣмъ Галлія была дѣйствительно покорена, и раздалась зловѣщая прелюдія подготовлявшейся гражданской войны. Въ Римѣ была сдѣлана попытка повредить Цезарю во время его отсутствія. Одинъ изъ консуловъ, 51 г. до Р. Х., вознамѣрился лишить Цезаря проконсульской власти до истеченія ея срока и запретить ему заочно искать консульства. У Цезаря потребовали двухъ легіоновъ, которые онъ и отдалъ, повинуясь безпрекословно. Приказъ, данный по этому случаю, гласилъ, правда, что требуется одинъ легіонъ

отъ Цезаря и одинъ отъ Помпея; но, какъ читатель помнитъ, одинъ изъ легіоновъ Помпея находился временно подъ начальствомъ Цезаря, и на дѣлѣ Цезарь лишился двухъ легіоновъ. Онъ уступилъ: онъ еще не совсѣмъ рѣшился перейти Рубиконъ.

ГЛАВА IX.

Первая книга о Гражданской войнѣ. — Цезарь переходитъ черезъ Рубиконъ.—Слѣдуетъ за Помпеемъ въ Брундузіумъ и побѣждаетъ въ Испаніи Афранія. 49 г. до Р. Х.

Мы приступаемъ теперь къ исторіи Гражданской войны, въ которой Цезарь боролся съ Помпеемъ за власть надъ Римомъ и Республикою. Предметомъ перваго Комментарія были галльскіе походы, въ которыхъ Цезарь покорялъ племена, если не враждебныя, то во всякомъ случаѣ чуждыя Риму, и являлся представителемъ и носителемъ римскаго могущества, римскихъ традицій, римскихъ идей. Римляне того времени полагали всю свою славу въ обладаніи всѣмъ извѣстнымъ тогда міромъ. По ихъ понятіямъ, міръ оканчивался за предѣлами римской республики, и расширить его можно было лишь присоединеніемъ въ римское подданство новыхъ такъ-называемыхъ варварскихъ племенъ. Поэтому, завоевывая Галлію, сражаясь съ германцами, нападая на Британнію, Цезарь осуществлялъ лишь желаніе всѣхъ добрыхъ римлянъ и трудился для

славы республики на западѣ такъ же, какъ Помпей потрудился для нея на востокѣ. Во второмъ Комментаріи Цезарь имѣетъ дѣло съ событіями, гораздо менѣе отрадными для читателей-римлянъ. Онъ разсказываетъ о побѣдахъ, одержанныхъ имъ во главѣ римскихъ легіоновъ надъ другими легіонами, также римскими,—о побѣдахъ, загубившихъ республиканскую свободу.

Въ оправданіе Цезаря можно, впрочемъ, сказать, что, въ сущности, римская свобода пала уже гораздо раньше него. Политическое могущество Рима повело къ быстрому обогащенію гражданъ, и спутниками этого обогащенія явились корыстолюбіе и всеобщая продажность. Голоса на выборахъ покупались и продавались, какъ товаръ; немногіе крупные олигархи той или другой партіи подѣлили между собою важнѣйшія и почетнѣйшія мѣста въ государствѣ и набивали себѣ карманы изъ общественной казны. Честный человѣкъ, съ чистою совѣстью и чистыми руками, оказывался совсѣмъ неподходящимъ для общественной жизни. Катонъ казался просто чудакомъ, и даже Цицеронъ, вилявшій во всѣхъ важныхъ вопросахъ, былъ слишкомъ честенъ для своего времени. Законы были выворочены на-изнанку, и самые народные трибуны обратились въ народныхъ тирановъ [1]). Быть можетъ,

[1]) Народные трибуны избирались ежегодно для защиты народа (первоначально плебеевъ) отъ притѣсненій республиканскихъ властей. Они сами были облечены большою властью и должны были пользоваться ею для огражденія свободы. Но, какъ и всѣ прочія должности, трибунатъ скоро превратился въ орудіе различныхъ партій.

нужно было единовластіе; такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ Цезарь. Эта мысль, вѣроятно, созрѣвала въ немъ во время галльскихъ походовъ; онъ рѣшилъ, что не можетъ не быть первымъ лицомъ въ государствѣ при новомъ порядкѣ дѣлъ,—и перешелъ Рубиконъ.

Второй Комментарій, вѣроятно, покажется читателю менѣе интереснымъ, чѣмъ первый. Въ немъ не встрѣчается ни смѣлыхъ приключеній, ни молодой, свѣжей жизни первобытныхъ племенъ; въ самомъ авторѣ не замѣтно прежняго здороваго, бодраго, радостнаго настроенія, вытекавшаго изъ глубокаго убѣжденія въ томъ, что, истребляя галловъ, онъ дѣйствуетъ безусловно хорошо. По нашимъ понятіямъ подвиги Цезаря въ Галліи запятнаны страшною жестокостью. Но ни Цезарь, ни римляне того времени не замѣчали этихъ пятенъ. Вѣдь Цезарь своимъ поведеніемъ въ Галліи заслужилъ репутацію сострадательнаго. Поэтому можно себѣ представить, какъ другіе римскіе завоеватели относились къ другимъ завоеваннымъ народамъ. Въ словахъ Цезаря нигдѣ не проглядываетъ упрека совѣсти, даже когда онъ разсказываетъ о наказаніяхъ, которымъ подвергалъ своихъ враговъ изъ политическихъ соображеній. Но когда онъ описываетъ гражданскую войну, чувство полнаго самодовольства умолка-

етъ: здѣсь онъ менѣе жестокъ. Онъ преспокойно, тысячами жегъ, топилъ, морилъ голодомъ, мучилъ и увѣчилъ несчастныхъ галловъ, дѣлая всѣ эти распоряженія съ меньшимъ сожалѣніемъ, чѣмъ съ какимъ мы приказываемъ истребить выводокъ щенятъ. Но римскихъ легіонаріевъ онъ даже въ честномъ бою не могъ убивать хладнокровно и самодовольно. Въ этомъ отношеніи онъ или былъ мягче, или обладалъ болѣе тонкимъ патріотическимъ чувствомъ, чѣмъ полководцы и воины, участвовавшіе въ усобицахъ позднѣйшаго времени. Этого смягчающаго чувства не было, напримѣръ, ни во времена Алой и Бѣлой Розы, ни во времена Кромвелля. Американскіе генералы также не отличались особенною сдержанностью. А Цезарь какъ-будто цѣнилъ каждаго римскаго легіонарія выше цѣлаго галльскаго племени.

И, не смотря на это, Цезарь перешелъ Рубиконъ. Мы всѣ очень много наслышались объ этомъ переходѣ черезъ Рубиконъ, а самъ Цезарь не говоритъ о немъ ни слова. Рубиконъ — маленькая, теперь вовсе почти неизвѣстная рѣчонка, впадающая въ Адріатическое море между Равенною и Ариминумомъ (Римини). Въ древности она отдѣляла провинцію, извѣстную подъ именемъ Цизальпинской Галліи, отъ территоріи собственно римской, непосредственно подчиненной римской магистратурѣ. Къ сѣверу отъ Рубикона Цезарь былъ, такъ-сказать, у себя дома: онъ былъ въ своей

провинціи, гдѣ всё было ему подвѣдомственно. Но, управляя римскою провинціей, онъ по закону не имѣлъ права ступить на собственно-римскую территорію; поэтому, перейдя Рубиконъ, онъ поступилъ противозаконно и прямо сталъ во враждебныя отношенія къ городскимъ властямъ. Но въ то время, кажется, этому переходу не придавали никакого особеннаго значенія; въ немъ не видѣли особеннаго выраженія намѣреній Цезаря или такого поступка, послѣ котораго ему не было возврата. Есть много анекдотовъ о томъ, какъ Цезарь долго колебался, стоя на берегу, прежде чѣмъ рѣшился ввергнуть міръ въ страшную междоусобную брань. Разсказывали, какъ Цезарю явился духъ и перевелъ его черезъ рѣку при звукахъ военной музыки, какъ самъ Цезарь, воскликнувъ «жребій брошенъ», ринулся впередъ и перешелъ фатальную рѣчонку. Но все это—басни, сочиненныя позднѣйшими римлянами. Всѣ, вѣроятно, догадались о намѣреніяхъ Цезаря, когда онъ подошелъ съ однимъ изъ своихъ легіоновъ къ границамъ римской территоріи. Но даже когда онъ находился уже на правомъ, т. е. римскомъ берегу рѣки, Помпей и его приверженцы продолжали обращаться къ нему съ мирными предложеніями.

Когда началась гражданская война, еще оставалось два съ половиною года до истеченія срока проконсульства Цезаря; но его побѣды и его сила возбудили въ Римѣ большія опасенія, и сенатъ рѣшился ото-

звать Цезаря. Помпей уже не былъ Цезарю другомъ; да Цезарь и не разсчитывалъ на эту дружбу. Помпей съигралъ свою игру довольно плохо, и самъ это сознавалъ. Смерть Красса разрушила тріумвиратъ, а смерть Юліи, дочери Цезаря, и общее положеніе дѣлъ въ Римѣ совершенно отдалили Помпея отъ Цезаря. Да и все ихъ сближеніе было какимъ-то противоестественнымъ союзомъ, устроеннымъ Цезаремъ съ цѣлью связать сопернику крылья. До этого сближенія слава Помпея была такъ велика, что и онъ казался какимъ-то богомъ. Еще мальчикомъ онъ предводительствовалъ войсками и одерживалъ блестящія побѣды; женщины ухаживали за нимъ, войско боготворило его. Сулла назвалъ Помпея Великимъ и въ знакъ уваженія обнажилъ передъ нимъ свою сѣдую голову. Помпей еще юношей праздновалъ свой первый тріумфъ и удостоился втораго, еще не достигнувъ зрѣлаго возраста. Онъ справилъ потомъ и третій тріумфъ и заслужилъ эти три тріумфа въ трехъ различныхъ частяхъ свѣта. Онъ былъ баловень счастья, ему везло во всемъ. Онъ очистилъ Средиземное море отъ страшныхъ пиратовъ и снабдилъ Римъ хлѣбомъ. Онъ возвратился съ Востока во главѣ побѣдоносныхъ легіоновъ и рѣшился распустить ихъ, чтобы вернуться къ жизни простаго гражданина. А затѣмъ, когда явилась необходимость спасти городъ отъ печальныхъ послѣдствій внутреннихъ раздоровъ, онъ былъ сдѣланъ консуломъ

одинъ, безъ товарища. Теперь легче понять характеръ Помпея, чѣмъ объяснить то мнѣніе, которое составили себѣ о немъ аристократія и народъ на основаніи его постоянныхъ успѣховъ. До послѣдней минуты во все время галльскихъ походовъ Цезаря—римляне не переставали видѣть на Помпеѣ какую-то печать Божества, въ силу которой глубоко и твердо вѣрили. Помпей былъ повелителенъ, но спокоенъ и сдержанъ; онъ не признавалъ никого равнымъ себѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ непритязателенъ; онъ былъ высокъ ростомъ, красивъ, щедръ, когда было выгодно быть щедрымъ, алченъ, когда нужны были деньги, неумолимо строгъ къ самому себѣ, безсердеченъ, двоедушенъ, жестокъ, интриганъ, честолюбецъ, храбрый воинъ,—словомъ, римлянинъ до мозга костей. Но у него былъ одинъ крупный недостатокъ, одна слабость: когда настала минута рѣшительной борьбы, онъ самъ не зналъ, чего хотѣлъ, и оказался близорукимъ. Событія, въ которыхъ ему пришлось играть роль, были такъ значительны, что онъ не переставалъ колебаться даже тогда, когда всякое колебаніе стало пагубнымъ. Цезарь предвидѣлъ все, и ни минуты не сомнѣвался. Разсказъ о томъ, какъ онъ стоялъ на мосту чрезъ Рубиконъ и боролся между чувствомъ послушанія власти и желаніемъ возстать противъ нея, очень милъ. Но этого колебанія и этой борьбы вовсе не было. Цезарь очень хорошо зналъ, что думалъ и чего хотѣлъ.

Цезарь начинаетъ свой Комментарій тономъ глубоко оскорбленнаго человѣка и перечисляетъ нанесенныя ему обиды: приверженцамъ его не давали сказать слова ни въ сенатѣ, ни въ городѣ; враги его, Сципіонъ, Катонъ и Лентулъ, окончательно получили перевѣсъ въ Римѣ и никому не позволяли поднять голоса въ защиту Цезаря. «Самъ Помпей, увлеченный врагами Цезаря, не хотѣлъ, чтобы кто-нибудь могъ равняться съ нимъ властью, и рѣшительно отвергъ дружбу Цезаря, приставъ къ ихъ прежнимъ общимъ врагамъ, непріязнь которыхъ Цезарь нажилъ, большею частью, во время своего сближенія съ Помпеемъ. Чувствуя низость своего поступка относительно двухъ легіоновъ, оставленныхъ имъ въ видахъ своего честолюбія, вмѣсто того, чтобы имъ идти въ Азію и Сирію,—Помпей всячески хотѣлъ войны». Исторія съ этими двумя легіонами особенно оскорбила Цезаря. Одинъ изъ нихъ былъ тотъ самый, который Помпей уступилъ Республикѣ и дружбѣ. Когда при началѣ борьбы двухъ соперниковъ сенатъ рѣшилъ ослабить обоихъ, лишивъ каждаго одного легіона, Помпей попросилъ Цезаря возвратить тотъ легіонъ, который онъ такъ любезно уступилъ ему на время. Цезарь, слишкомъ гордый, чтобъ отказаться отъ уплаты долговъ, отослалъ легіонъ къ бывшему своему другу, а вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно полученному предписанію, отослалъ другой легіонъ сенату. Предлогомъ для этого предписанія

служило то, будто легіоны эти нужны на Востокѣ. На самомъ же дѣлѣ они тотчасъ поступили подъ начальство Помпея, теперь врага Цезаря. Не удивительно, что Цезарь говоритъ объ этой исторіи съ легіонами, какъ о скандалѣ, какъ о гадкомъ дѣлѣ, и безпрестанно возращается къ ней съ горькою жалобою.

Въ январѣ мѣсяцѣ Цезарь находился въ Равеннѣ, на сѣверномъ берегу Рубикона, въ своей провинціи. Отсюда онъ пересылался съ сенатомъ; каждый предлагалъ свои условія. Сенатъ требовалъ, чтобы Цезарь разоружилъ свое войско, если не хочетъ считаться врагомъ Республики. Римъ волновался. Такъ говоритъ Цезарь, и не трудно себѣ представить, что Римъ, дѣйствительно, былъ въ большомъ волненіи. «По всей Италіи произведены наборы, заказано оружіе, муниципіямъ велѣно выставить деньги, драгоцѣнности берутся изъ храмовъ; при общемъ безпорядкѣ божественное смѣшано съ человѣческимъ». Цезарь перечислилъ своему войску всѣ нанесенныя ему обиды, всѣ нечестные поступки Помпея; онъ напомнилъ солдатамъ, какъ они подъ его предводительствомъ побѣждали въ Галліи, усмирили ее, навели страхъ на германцевъ, и просилъ защитить того, кто подвигъ ихъ на такія великія дѣла. Съ нимъ былъ въ эту минуту только одинъ легіонъ, но этотъ легіонъ выразилъ полную готовность повиноваться ему и народ-

нымъ трибунамъ, изъ которыхъ нѣкоторые, приверженные къ Цезарю, явились изъ Рима въ Равенну. Цезарь упоминаетъ о трибунахъ какъ будто съ цѣлью показать, что не разрывалъ вполнѣ съ Республикою и ея властями. Увѣрившись въ расположенiи войска, Цезарь отправился въ Ариминумъ, — слѣдовательно, перешелъ Рубиконъ.

Начались снова переговоры съ сенатомъ. Цезарь сожалѣлъ, что его подвергаютъ такимъ непрiятностямъ. Но онъ готовъ перенести все ради Республики: «omnia pati reipublicae causa». Пусть только Помпей отправится въ свою провинцiю, пусть разойдутся легiоны, расположенные въ Римѣ и его окрестностяхъ, пусть возстановятъ старыя, свободныя формы правленiя, пусть уляжется паническiй страхъ,—и тогда не трудно будетъ придти къ соглашенiю. Консулы и Помпей отвѣчали на это, что Помпей отправится въ Испанiю, какъ скоро Цезарь вернется въ Галлiю и распуститъ свое войско. Но ни Помпей, ни консулы со своими войсками не хотѣли ничего предпринимать, пока Цезарь не поручится за свой отъѣздъ. Каждая изъ сторонъ требовала, чтобы другая сторона прежде нея оставила свою позицiю, и переговоры не привели ни къ чему.

Горько жалуясь на несправедливость сената, Цезарь двинулъ часть своей немногочисленной армiи дальше на римскую территорiю. Маркъ Антонiй от-

правился съ пятью когортами въ Ареццо, а Цезарь занялъ три другiе города и помѣстилъ въ каждомъ по одной когортѣ. Удивительно, что Помпей тотчасъ же не напалъ на него и не заставилъ повернуть назадъ Можно предположить съ нѣкоторою вѣроятностью, что Помпей не особенно надѣялся на своихъ воиновъ, когда дѣло шло о борьбѣ съ Цезаремъ. Взятые у него легiоны, безъ сомнѣнiя, сожалѣли о своемъ прежнемъ начальникѣ не меньше, чѣмъ онъ о нихъ. Какъ бы тамъ ни было, — консульскiя войска, сами консулы, Помпей и часть сенаторовъ удалились на югъ въ Брундузiумъ (Бриндизи), намѣреваясь отплыть изъ того же самаго порта, изъ котораго и теперь отплываютъ на Востокъ. Во время этого отступленiя произошло первое кровавое столкновенiе междоусобной войны въ Корфинiумѣ, теперь уже не существующемъ городѣ, лежавшемъ въ Абруццахъ. Въ незначительной схваткѣ Цезарь побѣдилъ и овладѣлъ городомъ. Попавшихся тамъ Помпеевыхъ приверженцевъ онъ отпустилъ на волю, выслалъ изъ города, позволивъ имъ даже увезти съ собою деньги, которыя, какъ онъ думалъ, были ими взяты изъ общественной казны. По мѣрѣ того, какъ Цезарь подвигался на югъ, воины Помпея, бывшiе прежде его воинами, возвращались къ нему. Помпей и консулы продолжали отступать. Цезарь слѣдовалъ за ними по пятамъ. А давно ли, кажется, Помпей хвалился, что ему стоитъ ударить

ногою о землю въ Италіи, и отовсюду встанутъ покорные легіоны! Но Помпей зналъ, что подальше отъ Рима, въ провинціяхъ, въ Македоніи и Ахаіи, въ Азіи и Киликіи, въ Сициліи, Сардиніи, Африкѣ, Мавританіи и обѣихъ Испаніяхъ есть легіоны, не знающіе ни Цезаря, ни его подвиговъ. Быть можетъ, Помпей успѣшнѣе топнулъ бы не объ Итальянскую землю. Какъ бы то ни было, онъ послалъ послушныхъ консуловъ и преданныхъ сенаторовъ съ частью арміи въ Иллирійскій портъ Диррахіумъ (Дураццо) и самъ послѣдовалъ за ними, какъ только Цезарь оказался у него въ тылу. Цезарь сдѣлалъ попытку задержать его и его флотъ, но неуспѣшно. Такимъ образомъ Помпей покинулъ Римъ и Италію, и не привелось ему больше увидѣть ни царственнаго города, ни прекрасной родной страны.

Цезарь подробно излагаетъ причины, по которымъ онъ не преслѣдовалъ врага за моремъ и не рѣшился сразу покончить борьбу. У Помпея былъ флотъ, у Цезаря его не было; притомъ же Цезарь понималъ, что вся сила въ провинціяхъ. Помпей могъ уморить Римъ голодомъ, еслибы онъ, Цезарь, не обезпечилъ за собою хлѣбныхъ странъ, житницъ Рима, двухъ Галлій, Сардиніи, Сициліи и, по возможности, Африки. Ему необходимо было привлечь на свою сторону обѣ Испаніи, изъ которыхъ сѣверная была вполнѣ предана Помпею. Цезарь отправилъ легата съ однимъ легіо-

номъ въ Сардинію, другаго съ тремя легіонами въ Сицилію, а оттуда въ Африку. Всѣ эти провинціи достались въ управленіе приверженцамъ Помпея, но Цезарю удалось перетянуть ихъ на свою сторону. Добродѣтельный Катонъ былъ назначенъ намѣстникомъ въ Сицилію; но, не найдя въ ней необходимаго количества войска, онъ бѣжалъ, предоставивъ свою провинцію Цезаревымъ легатамъ и горько жалуясь на то, что Помпей его обманулъ.

Въ Испанію Цезарь рѣшился идти самъ. Но прежде всего онъ счелъ необходимымъ отправиться въ Римъ; разсказывая объ этомъ, Цезарь едвали съ полною откровенностью раскрываетъ намъ причину своихъ дѣйствій. Здѣсь надо читать между строчками. Онъ разсказываетъ, что собравъ сенатъ, какой можно было (Помпей забралъ съ собою многихъ сенаторовъ), онъ предложилъ этому жалкому сенату отправить пословъ къ Помпею. Сенатъ принялъ предложеніе, но не нашелъ охотника исполнить порученіе. Помпей уже объявилъ, что всѣ оставшіеся въ Римѣ —враги ему. Очень возможно, что въ Римѣ, дѣйствительно, какъ говорилъ Цезарь, былъ такой трибунъ, который противопоставлялъ всѣмъ дѣйствіямъ Цезаря свое veto; но едвали сопротивленіе это было очень энергично. Настоящею же цѣлью вступленія Цезаря въ Римъ было: овладѣть сокровищницей республики—sanctius aerarium—, которая находилась въ храмѣ Сатурна и предназначалась на

случай крайней государственной нужды. Не удивительно, что онъ взялъ эту казну; но удивительно, что онъ старался убѣдить читателя, будто онъ этого не сдѣлалъ. Онъ увѣряетъ, что придирчивый трибунъ не далъ ему сдѣлать того, для чего онъ собственно явился въ Римъ. Но несомнѣнно, что Цезарь взялъ деньги; несомнѣнно также, что онъ именно за этимъ и отправился въ Римъ.

По пути въ Испанію Цезарь завернулъ въ Марсель (по тогдашнему Массилію), самый бойкій торговый пунктъ на Средиземномъ морѣ. Онъ входилъ въ составъ Цизальпинской Галліи, но былъ, собственно говоря, поселеніемъ греческихъ купцовъ. Цезарю было необходимо овладѣть этимъ городомъ. На предложеніе сдаться городскія власти дали весьма курьезный отвѣтъ. Они утверждали, что глубоко уважаютъ и Цезаря, и Помпея, не понимаютъ всѣхъ этихъ римскихъ дѣлъ и отъ души сожалѣютъ о ссорѣ двухъ столь доблестныхъ мужей. Что же касается города, то они, пока, предпочитаютъ удерживать его за собою. Это рѣшеніе показалось Цезарю насмѣшкою; раздраженный ею, онъ приказалъ осаждать городъ и съ моря, и съ суши. Поручивъ это дѣло своимъ легатамъ, онъ самъ отправился въ Испанію.

Въ то время начальство надъ Испаніей было ввѣрено тремъ военачальникамъ партіи Помпея. Сѣверомъ и востокомъ Испаніи командовалъ Афраній, въ рукахъ

котораго были южные склоны Пиринеевъ. Петрей, стоявшій къ юго-западу отъ него, въ Лузитаніи, согласно сдѣланному между ними условію, при приближеніи Цезаря поспѣшилъ на помощь къ Афранію. Обѣ арміи, Помпеева и Цезарева, расположились въ укрѣпленныхъ лагеряхъ близъ Илерды (Лерида), на берегахъ рѣчки Сикориса, или Зегры, впадающей въ Эбро. Мѣстность была гористая, военныя дѣйствія обусловливались быстротою и размѣрами рѣки, а также неровностями почвы. Цезарь описываетъ эту кампанію очень подробно, и ясность придаетъ разсказу большой интересъ. Афраній и Петрей заперлись въ Илердѣ, вдоволь снабженной съѣстными припасами. Цезарь же терпѣлъ большую нужду, такъ какъ хлѣба и травы еще не выросли, а прошлогодніе запасы истощились. Положеніе его было дотого затруднительно, что въ Римъ дошли слухи о пораженіи Цезаря. По этимъ слухамъ многіе римляне, еще не рѣшившіе, къ кому пристать, отправились къ Помпею. Но Цезарь наконецъ задумалъ выжить Петрея и Афранія изъ Илерды. — Одну изъ рѣкъ, окружавшихъ городъ, онъ переплылъ съ войскомъ въ такъ-называемыхъ кораклахъ, съ которыми познакомился въ Британніи; другую рѣку онъ отвелъ отъ города; третью перешелъ вбродъ съ конницею; черезъ четвертую перебросилъ мостъ. Афраній и Петрей увидѣли необходимость оставить Илерду, переправиться черезъ Эбро и, идя дальше на югъ, добраться

до полудикихъ цельтибровъ, — или, употребляя позднѣйшіе термины, перейти изъ Аррагоніи въ Кастилію. Цезарь объясняетъ это стремленіе непріятеля на югъ тѣмъ, что варвары знали Помпея, а о немъ еще не имѣли понятія. Но не легко было Афранію перебраться черезъ Эбро вопреки сопротивленію врага. Цезарь отрѣзалъ помпеянцевъ отъ рѣки и сталъ донимать ихъ такимъ же страшнымъ орудіемъ, отъ какого едва не погибъ самъ: вмѣсто голода жаждою. Такимъ образомъ онъ оттѣснялъ ихъ дальше и дальше, на сѣверъ отъ Эбро, чтобъ загнать ихъ въ совершенно безводное мѣсто. Наконецъ непріятелю приходилось сдаться.

За послѣдніе дни этой борьбы такъ-называемые афранцы—такіе же римскіе легіонаріи, какъ и воины Цезаря,—начали якшаться со своими собратьями, находившимися въ лагерѣ Цезаря, и между двумя римскими арміями завязались довольно свободныя сношенія; они кончились тѣмъ, что воины Афранія рѣшились передаться Цезарю, выговаривая, впрочемъ, напередъ полную безопасность своимъ предводителямъ. Самъ Афраній былъ не прочь отъ сдѣлки; но товарищъ его, Петрей, въ которомъ было гораздо больше римскаго духу, не хотѣлъ и слышать о ней. Онъ тотчасъ же принялъ энергическія мѣры къ прекращенію всѣхъ подобныхъ переговоровъ, а потомъ заставилъ своихъ людей и даже людей Афранія дать клятву, что они не передадутся Цезарю. Всѣхъ Цезаревыхъ

воиновъ, находившихся въ его лагерѣ, онъ приказалъ умертвить и, вообще, воскресилъ въ войскѣ ослабѣвшее-было воинственное настроеніе. Но все это не измѣнило сущности дѣла. Афраніанцамъ пришлось такъ плохо безъ воды, что оба военачальника въ концѣ концовъ сдались и положили оружіе.

Положеніе враговъ Цезарь изображаетъ пятью словами, представляющими наглядный образчикъ его сжатаго слога и вмѣстѣ съ тѣмъ краткости латинской рѣчи вообще. «Premebantur Afraniani pabulatione, aquabantur aegre»: «Афраніанцы страдали отъ недостатка въ фуражѣ и съ трудомъ доставали воду». Эти десять словъ, какъ намъ кажется, довольно точно передаютъ мысль Цезаря, выраженную пятью словами; русскій, нѣмецъ, англичанинъ или французъ—наговорили бы вдвое больше, чтобы сказать то же самое.

Къ побѣжденнымъ соотечественникамъ Цезарь отнесся съ необыкновеннымъ великодушіемъ. Будь это галлы, онъ бы всѣхъ ихъ приказалъ продать въ рабство, истребивъ предварительно ихъ вождей, или отрубилъ бы имъ руки, или утопилъ бы, загнавъ въ рѣку. Но разбитые имъ враги были римляне, и онъ ограничивается требованіемъ, чтобы войско Афранія было распущено, а начальники отправились на всѣ четыре стороны. Объяснивъ имъ, какъ не хорошо они поступили въ отношеніи къ нему, онъ вслѣдъ затѣмъ прибавилъ, что не тронетъ никого. Онъ все перенесъ

и будетъ переносить терпѣливо и покорно. Пусть только полководцы покинутъ Провинцію, а войска ихъ разойдутся. Цезарь не желаетъ удерживать при себѣ насильно ни одного солдата и готовъ даже уплатить тѣмъ, съ которыми не разсчитался Афраній за неимѣніемъ денегъ. Пусть тѣ, у кого въ Испаніи дома и земли, остаются тамъ. Тѣхъ же, у кого нѣтъ въ ней никакой собственности, онъ накормитъ и доставитъ, если не въ Италію, то, по крайней мѣрѣ, на границы Италіи. Онъ отдастъ имъ всё, что его воины отняли у нихъ во время войны, и вознаградитъ своихъ изъ собственнаго кармана. Всѣ эти обѣщанія Цезарь свято выполнилъ; всѣхъ, кто не желалъ оставаться ни въ Испаніи, ни при немъ, онъ доставилъ на берегъ Вара, отдѣлявшаго Провинцію отъ Италіи. Можно себѣ представить, съ какимъ чувствомъ благодарности къ своему побѣдителю вернулись эти люди на родину. Это было невиданное, неслыханное дотолѣ великодушіе, или, вѣрнѣе сказать, то былъ невиданный, неслыханный политическій тактъ! Испанскій походъ продолжался всего сорокъ дней.

Въ это время Децимъ Брутъ, начальствовавшій въ западной Галліи флотомъ, отправленнымъ противъ венетовъ, одержалъ морскую побѣду надъ гораздо болѣе многочисленнымъ флотомъ массилійцевъ. Они снарядили семнадцать большихъ кораблей, которые Цезарь называетъ длинными, «naves longae». Часть ихъ

Брутъ истребилъ, а девять отнялъ. Въ слѣдующей книгѣ Цезарь разсказываетъ о ходѣ осады Марселя послѣ этого событія.

ГЛАВА X.

Вторая книга о Гражданской войнѣ. — Взятіе Марселя.— Варронъ въ южной Испаніи.—Куріонъ въ Утикѣ. 49 г. до Р. Х.

Въ лѣтописи о Галльской войнѣ Цезарь посвящалъ каждому году по одной книгѣ. — Повѣствуя о войнѣ Гражданской, онъ отводитъ двѣ первыя книги событіямъ одного (49-го) года. Вторая книга представляетъ какъ-бы три отдѣльные эпизода: взятіе Марселя, покореніе южной Испаніи—если только можно назвать этимъ именемъ пріобрѣтеніе страны, добровольно подчинившейся,—и, наконецъ, истребленіе римской арміи въ Африкѣ. Изъ всего, что писалъ Цезарь, эта вторая книга втораго Комментарія самое неинтересное. Тутъ почти нѣтъ его самого—это какой-то отчетъ Цезаря о дѣйствіяхъ его легатовъ на морѣ и на сушѣ.

Книга начинается описаніемъ громадныхъ усилій осажденныхъ въ Массиліи и осаждающихъ. — Въ городѣ этомъ утвердился Домицій, удерживая его для Помпея. Для содѣйствія ему съ моря отряженъ былъ

нѣктоНазидій, съ большимъ флотомъ. Молодой Брутъ, какъ припомнитъ читатель, осаждалъ гавань по порученію Цезаря и еще до прихода Назидія одержалъ морскую побѣду надъ массилійцами. Съ суши городъ осаждалъ Требоній, также по назначенію Цезаря. Оба они участвовали впослѣдствіи въ заговорѣ противъ Цезаря и убили его. Мудрые греки — болѣе мудрые, чѣмъ счастливые—объясняли Цезарю, когда онъ впервые предложилъ имъ сдаться, что для нихъ въ сущности безразлично, Помпей ли, или Цезарь, что обоихъ они любятъ всѣмъ сердцемъ, но что обстоятельства заставили ихъ все-таки наконецъ стать на сторону Помпея. Полководецъ Помпея, Домицій, первый вошелъ въ городъ, и имъ пришлось сражаться за Помпея, чтобы отстоять свои дома и свое добрò. Уступивъ этой необходимости, массилійцы сражались усердно, защищая республику противъ автократа. Термины эти здѣсь весьма умѣстны, потому что Цезарь какъ-разъ во время осады Марселя былъ сдѣланъ диктаторомъ. Состоявшійся объ этомъ законъ прошелъ въ Римѣ весьма быстро и легко, благодаря отсутствію Помпея, консуловъ и преданныхъ Помпею сенаторовъ.

Разъ принявъ сторону Помпея, массилійцы усердно защищали свой городъ отъ Цезаря. Изъ лагеря Требонія, расположеннаго на возвышенномъ мѣстѣ, легко было видѣть, «какъ вся молодежь, остававшаяся въ городѣ, и всѣ старики, съ женами и дѣтьми, съ об-

щественными стражами,—одни со стѣнъ простирали руки къ небу, другіе наполняли храмы безсмертныхъ боговъ и, простершись передъ ихъ изображеніями, умоляли о побѣдѣ. Каждый чувствовалъ, что въ этотъ день рѣшается его участь», —т. е. вопросъ о свободѣ, собственности, жизни и смерти. Массилійцы, вѣроятно, знали о судьбѣ Аварика, Алезіи и Укселлодунума. «Въ происшедшемъ сраженіи, говоритъ Цезарь, «массилійцевъ нельзя было упрекнуть въ недостаткѣ мужества. Слѣдуя внушеніямъ своихъ соотечественниковъ, они постоянно, казалось, помнили, что нужно напрячь всѣ силы; въ ихъ мысляхъ погибнуть въ этомъ сраженіи за отечество значило только немногими часами опередить судьбу, которая по взятіи города должна была постигнуть всѣхъ его жителей». Приводя эти соображенія массилійцевъ, Цезарь, безъ сомнѣнія, припоминалъ свои дѣйствія въ Галліи, гдѣ политическіе разсчеты требовали отъ него страшной жестокости; говоря такимъ образомъ, онъ возвышаетъ свое великодушное отношеніе къ побѣжденнымъ вслѣдъ затѣмъ массилійцамъ. Завоевавъ Марсель, Цезарь нашелъ неудобнымъ опустошить богатый городъ, торговое населеніе котораго содѣйствовало обогащенію Рима и Провинціи. Цезарь собирается разсказать о своемъ милосердіи, и для вящаго эффекта сначала представляетъ, какъ мало разсчитывали на это милосердіе осажденные. Каждая строчка взвѣшена и разсчитана, и читателю

приходится задать себѣ вопросъ, когда это Цезарь успѣвалъ такъ взвѣшивать свои слова.

Назидій, адмиралъ Помпея, оказался непригоднымъ ни къ чему. Обрадовавшись его прибытію, массилійцы храбро напали на корабль, носившій значекъ молодаго Брута; но юноша Брутъ оказался слишкомъ для нихъ проворнымъ, и два громадные масиссилійскіе корабля, сбиравшіеся защемить между собою Цезарева адмирала, налетѣли другъ на друга со всего размаха. Массилійскій флотъ былъ совершенно разбитъ. Пять кораблей были потоплены, четыре взяты; на одномъ изъ кораблей спасся самъ Назидій, не попытавшись даже выручить своихъ; Цезарь намекаетъ, что онъ былъ присланъ Помпеемъ не для оказанія помощи осажденнымъ, а лишь для виду. Одинъ корабль вернулся въ гавань съ печальною вѣстью. Массилійцы, послѣ минутнаго отчаянія, рѣшились все-таки отстаивать свои стѣны.

Городъ былъ снабженъ всѣми предметами, необходимыми для обороны: марсельцы были народъ запасливый, свѣдущій и образованный, притомъ располагавшій большими денежными средствами. Въ Комментаріяхъ подробно описаны ихъ страшныя двѣнадцатифутовыя бревна, окованныя на концѣ желѣзомъ. Пущенные съ городскихъ стѣнъ изъ огромныхъ «балистовъ» (метательныя орудія), бревна эти пробивали четыре яруса плетневыхъ крышъ, выстроенныхъ для

защиты Цезарева войска. Читая эти подробности, невольно вспомнишь о современныхъ намъ Армстронговыхъ и Уайтфильдскихъ пушкахъ, желѣзной оковкѣ судовъ и гранитныхъ батареяхъ. «Балисты» сильно навредили цезаріанцамъ, и они затѣяли построить громадную башню, недосягаемую ни для какихъ орудій, и сооруженную такимъ образомъ, чтобъ наружныя ея части были изъ огнеупорнаго матеріала. Воздвигая одинъ этажъ за другимъ, они снабжали ихъ всевозможными средствами для защиты отъ огня и непріятельскихъ метательныхъ орудій. Читатель навѣрное заключитъ изъ чрезвычайно подробнаго описанія всѣхъ этихъ работъ въ Комментаріи, что Цезарь самъ руководилъ ими. Но онъ не былъ при этой осадѣ и, быть можетъ, зналъ о сооруженіи башни лишь по описанію, составленному его легатомъ; вѣроятно, было составлено такое же описаніе знаменитаго Рейнскаго моста. Когда башня была готова, войско Цезаря приступило къ сооруженію крытаго хода, или, какъ называетъ его Цезарь, *мускула*. Этотъ мускулъ велъ отъ осадной башни къ одному пункту городской стѣны. Его покатая кровля была такъ прочна, что не было возможности ни проломить, ни сжечь ее. Массилійцы пускали-было въ нее сначала огромные камни, а потомъ зажженныя бочки со смолою и горючими матерьялами. Но все это либо скатывалось внизъ по крышѣ, либо отбрасывалось осаждавшими при помощи длинныхъ бревенъ или рогатокъ. Цезаріанцы же, сидя на башнѣ, спѣшили пользоваться выгодами своего положенія и сверху осыпали непріятеля градомъ стрѣлъ, отъ которыхъ некуда было уйти; другіе, подъ прикрытіемъ мускула, начали подкапываться подъ городскія стѣны.

Массилійцы упали духомъ. Защищаться дольше было невозможно. Сами боги, казалось, были противъ нихъ. Безоружные, съ окутанными въ плащи головами, они вышли къ побѣдителямъ, выражая готовность сдать городъ, но прося Требонія подождать прибытія Цезаря. Маленькая отсрочка не измѣнитъ сущности дѣла, говорили они, а если Требоній будетъ продолжать осаду, пока солдаты не ворвутся въ городъ, то ихъ нельзя будетъ удержать отъ грабежа. Требоній уважилъ эту просьбу, такъ какъ Цезарь неоднократно внушалъ ему щадить городъ; до прихода его было заключено съ массилійцами нѣчто въ родѣ перемирія.

Не легко было Требонію удержать солдатъ отъ грабежа; но онъ съумѣлъ-таки обуздать ихъ, и побѣдители съ побѣжденными стали преспокойно поджидать Цезаря. Но массилійцамъ отнюдь не слѣдовало класть пальцевъ въ ротъ. Согласившись ждать Цезаря, войска Требонія стали безпечно гулять. Массилійцы же, воспользовавшись совершенною беззаботностью врага и случившимся благопріятнымъ вѣтромъ, въ одинъ прекрасный день вышли изъ города и подожгли всѣ осад-

ныя приспособленія римлянъ. Вѣтеръ былъ такъ силенъ, что даже кирпичная башня вспыхнула (?). Требоній принялся строить все съизнова. Весь лѣсъ, окружавшій лагерь, былъ вырубленъ, и терассу пришлось строить неслыханнымъ дотолѣ способомъ,—изъ кирпича. Вѣроятно, солдатамъ надо было прежде надѣлать самимъ кирпичъ, и можно себѣ представить, въ какое бѣшенство привело ихъ вѣроломство массилійцевъ. Какъ бы то ни было, они работали съ большою ловкостью и быстротою, и массилійцы вскорѣ убѣдились, что не достигли цѣли. У нихъ не было ничего впереди. Ни вѣроломство, ни храбрость не вели ни къ чему, и они вторично сдались. Они были измучены голодомъ и заразою; укрѣпленія ихъ были разрушены, никакой надежды на чью-либо помощь извнѣ не было, — и на этотъ разъ они сдались искренно, не замышляя ничего худаго. «Sese dedere sine fraude constituunt». Полководецъ Помпея, Домицій, успѣлъ бѣжать на кораблѣ; сопровождавшіе же его на двухъ корабляхъ спутники попались въ руки молодаго Брута. Читатель предчувствуетъ, что Марсель подвергнется еще болѣе страшной участи, чѣмъ покоренные галльскіе города. Но Цезарь разсуждалъ иначе. Онъ взялъ городскую казну, корабли, внушилъ массилійцамъ, что щадитъ ихъ не ради ихъ самихъ, а ради ихъ славныхъ предковъ, поставилъ въ городѣ два легіона, самъ же отправился въ Римъ. Жителей Аварика,

отстаивавшихъ свою свободу, Цезарь избилъ всѣхъ до единаго; подъ Алезіей онъ приказалъ убить всѣхъ, кто просилъ позволенія пройти черезъ римскій лагерь; въ Укселлодунумѣ онъ отрубилъ руки и выкололъ глаза галламъ, защищавшимъ свою родину. И все это потому, что галлы были варварами, которыхъ надо было «усмирить». Массилійцы же — греки, народъ цивилизованный, который могъ современемъ пригодиться.

До прибытія въ Марсель Цезарь покончилъ съ Испаніей, гдѣ, какъ мы уже видѣли, заставилъ Афранія и Петрея положить оружіе и распустить легіоны. Оставался третій полководецъ Помпея, Варронъ,—замѣчательный человѣкъ, но не особенно искусный полководецъ. По словамъ Цезаря, Варронъ долго колебался, на чью сторону стать, и наконецъ, услыхавъ, что Афранію везетъ подъ Илердою, принялъ сторону Помпея, къ несчастью для себя. Но Варронъ начальствовалъ въ южной части Испаніи, въ Андалузіи, или Бетикѣ, какъ ее тогда называли, а въ этой испанской провинціи Цезарь, повидимому, пользовался большею популярностью, чѣмъ Помпей. Какъ-бы тамъ ни было, Цезарь скоро справился съ Варрономъ. Оставленный своими легіонами, Варронъ поспѣшилъ сдаться. Цезарь не счелъ нужнымъ сказать намъ, что онъ сдѣлалъ съ Варрономъ; но легко можно себѣ представить, что онъ отнесся къ своему собрату-римлянину съ изысканною вѣжливостью. Варронъ былъ человѣкъ

очень ученый, жилъ въ дружбѣ съ Цицерономъ, писалъ много книгъ и пользовался въ Римѣ большой литературной славой. По дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, онъ написалъ 490 томовъ и дожилъ до восьмидесяти восьми лѣтъ, что весьма рѣдко удавалось римлянамъ того времени, отвѣдавшимъ политической жизни. Цезарь все уладилъ въ южной Испаніи, вернувъ захваченныя Варрономъ въ городахъ деньги и сокровища ихъ прежнимъ владѣльцамъ и щедро отблагодаривъ всѣхъ, державшихъ его сторону. Послѣ этого онъ переправился черезъ Пиринеи въ Марсель и тамъ также уладилъ свои дѣла.

Между тѣмъ въ Африкѣ дѣло шло вовсе не ладно. Африкою въ то время называлась маленькая римская провинція, расположенная къ востоку отъ Нумидіи, на мѣстѣ прежней Карѳагенской области. Съ сѣвера берега ея оканчивались мысомъ, обращеннымъ къ Сициліи. Римской столицей провинціи былъ городъ Утика. Въ предъидущей главѣ уже было говорено о томъ, что Цезарь рѣшился овладѣть нѣкоторыми римскими провинціями прежде, чѣмъ преслѣдовать Помпея за моремъ, и, между прочимъ, послалъ въ Сицилію своего легата съ тремя легіонами, приказавъ ему, какъ только онъ устроитъ дѣла на островѣ, переправиться въ Африку. За Сициліей дѣло не стало: при появленіи Цезаревой арміи намѣстникъ Сициліи, добродѣтельный Катонъ, оставилъ свою провинцію, горько жалуясь на образъ дѣйствій Помпея. Вслѣдъ затѣмъ легатъ Цезаря, Куріонъ, отправился съ двумя легіонами въ Африку—выгонять оттуда Аттія Вара, который, по свидѣтельству Цезаря, неправильно овладѣлъ этой провинціей, удерживая ее для Помпея и не пуская на берегъ даже назначеннаго Республикой намѣстника. Куріонъ, любимецъ Цезаря, былъ избранъ въ трибуны какъ-разъ въ то время, когда сенатъ сдѣлалъ попытку отозвать Цезаря изъ Галліи. Въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ Куріонъ, какъ трибунъ, былъ очень полезенъ Цезарю, и тотъ полюбилъ молодаго человѣка. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые, не смотря на свое аристократическое происхожденіе, терлись постоянно въ народѣ,—какъ Катилина, какъ Клодій. Непостоянный, вспыльчивый, неразборчивый на средства, онъ вѣчно сидѣлъ безъ денегъ, а когда получалъ ихъ, то скоро прокучивалъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ хорошо образованъ, талантливъ и смѣлъ. Цезарь самъ былъ таковъ въ молодости и охотно прощалъ такіе грѣшки тому, кто, сверхъ всѣхъ своихъ качествъ, обладалъ еще одною большою добродѣтелью:—любилъ Цезаря. Цезарь возлагалъ на Куріона большія надежды и глубоко вѣрилъ ему. Куріонъ присталъ къ берегу Африки съ нѣсколькими кораблями и двумя легіонами, намѣреваясь покорить ее для своего великаго друга. Сначала онъ повелъ дѣло не дурно, такъ что солдаты провозгласили его

«императоромъ», что случалось лишь тогда, когда полководецъ одерживалъ побѣду на полѣ сраженія. Но изъ разсказа самого Цезаря видно, что войско и низшее военное начальство не особенно довѣряли Куріону и раздумывали, не лучше ли, взявъ корабли, вернуться въ Сицилію, или перейти на сторону Аттія Вара, подъ командой котораго они служили въ Италіи прежде, чѣмъ передались Цезарю. Собрался военный совѣтъ, и тотчасъ обнаружились большія несогласія. Боялись не столько Аттія Вара, сколько его союзника, сосѣдняго нумидійскаго царя Юбы, который былъ другомъ Помпея и заклятымъ врагомъ Цезаря. Онъ по личнымъ причинамъ весьма враждебно относился и къ Куріону; опасались, что если онъ явится лично во главѣ своего войска, то Куріону придется плохо. Куріонъ былъ недоволенъ мнѣніями, поданными въ военномъ совѣтѣ. Онъ надѣялся возбудить въ войскѣ желаніе сражаться и съ этою цѣлью произнесъ рѣчь. Рѣчь эту Цезарь передаетъ дословно, вѣроятно, присочинивъ кое-что.

Онъ начинаетъ въ третьемъ лицѣ:—Куріонъ напоминаетъ воинамъ, какъ они были полезны Цезарю при Корфиніумѣ, гдѣ, оставивъ Помпея, перешли къ нему. Но уже со втораго предложенія Цезарь перескакиваетъ на первое лицо и прямо говоритъ устами оратора. «Вашему примѣру», говорилъ Куріонъ, «послѣдовали всѣ муниципіи. Вы оказали величайшую услугу Цезарю и навлекли на себя сильнѣйшее нерасположеніе противной стороны. Помпей, не будучи побѣжденъ ни въ одномъ сраженіи, вынужденъ былъ безъ боя оставить Италію вслѣдствіе вашего поступка. Цезарь, постоянно оказывавшій особенное ко мнѣ расположеніе, поручилъ моей заботѣ важнѣйшія провинціи, Сицилію и Африку, безъ которыхъ невозможно удержать ни Римъ, ни Италію. Есть люди, убѣждающіе васъ оставить меня. Конечно, что можетъ быть желательнѣе врагамъ нашимъ, какъ въ одно и то же время и опутать насъ въ свои сѣти, и сдѣлать васъ орудіемъ гнуснаго преступленія?... Развѣ до васъ не дошелъ слухъ о подвигахъ Цезаря въ Испаніи, какъ онъ разбилъ два войска и двухъ лучшихъ полководцевъ, покорилъ своей власти двѣ провинціи и все это въ теченіе не болѣе какъ сорока дней съ того времени, какъ сошелся съ непріятелемъ? Если при полныхъ своихъ силахъ они не въ состояніи были бороться, то что же они могутъ сдѣлать теперь, побѣжденные? Вы, избравшіе сторону Цезаря въ то время, когда еще не извѣстенъ былъ исходъ борьбы, послѣдуете ли теперь за побѣжденными, когда вамъ предстоитъ пожинать награды за ваши прекрасныя дѣйствія?... Вы, я убѣжденъ, не имѣете ничего сказать противъ Цезаря; все ваше недовольство на меня. Конечно, нечего мнѣ говорить о моихъ заслугахъ относительно васъ: онѣ далеко не соотвѣтствуютъ и моему къ вамъ рас-

положенію, и тому, чего вы въ правѣ ожидать. Объявивъ такимъ образомъ заранѣе, что онъ не будетъ говорить о самомъ себѣ, Куріонъ все-таки не утерпѣлъ, чтобы не выставить своей дѣятельности. «Можетъ быть, вамъ непріятно», продолжалъ онъ, «что я привезъ сюда войско въ цѣлости, не потерявъ ни одного корабля? что самымъ прибытіемъ обратилъ въ бѣгство флотъ непріятельскій? Что въ двухъ сраженіяхъ конницы, происходившихъ два дня сряду, мы одержали побѣду? Что я изъ пристани и изъ рукъ непріятеля исторгъ двѣсти нагруженныхъ судовъ и довелъ непріятеля до того, что онъ не дерзаетъ думать о сопротивленіи ни на морѣ, ни на сушѣ? Можетъ быть, такими успѣхами и такими вождями вы пожертвуете позору, испытанному при Корфиніумѣ, бѣгству изъ Италіи, Помпееву бѣгству въ Дирраxіумъ—покоренію Испаніи и тому изъ Африканской войны, что вы уже видѣли. Я гордился названіемъ воина Цезарева, вы нарекли меня своимъ императоромъ. Если вы раскаиваетесь въ этомъ, снимите съ меня этотъ титулъ, отдайте мнѣ мое прежнее званіе, но не доведите до того, чтобы честь, вами данная, обратилась въ посрамленіе!»

Все это очень умно. Весьма замѣчательно, что Цезарь выдаетъ эту рѣчь за рѣчь Куріона: это характеризуетъ тогдашнія отношенія полководца къ войску, такъ какъ величайшій полководецъ своего времени, да и всѣхъ временъ, находитъ тонъ этой рѣчи вполнѣ умѣстнымъ и подходящимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта рѣчь показываетъ, какъ трудно было каждой изъ сторонъ въ междоусобной войнѣ удержать при себѣ войска, которыя сражались либо за начальника, котораго научились уважать, либо за начальника, котораго уважали прежде, и въ обоихъ случаяхъ за римскаго императора. Куріонъ легко могъ произнести рѣчь своимъ солдатамъ; но едвали онъ сказалъ что-нибудь похожее на вложенное ему въ уста Цезаремъ. Цезарь хотѣлъ выставить въ наилучшемъ видѣ своего храбраго молодаго друга, положившаго за него жизнь, и этою рѣчью увѣковѣчилъ его имя.

Но передъ смертью бѣднаго юноши счастье еще въ послѣдній разъ улыбнулось ему, и приписываемыя ему Цезаремъ слова какъ-будто оправдались... Онъ напалъ на войско Вара и, разбивъ его, заставилъ отступить въ Утику, которую вслѣдъ затѣмъ рѣшился осадить.— Цезарь выражаетъ увѣренность, что Куріонъ, подкрѣпляемый симпатіями жителей, взялъ бы этотъ городъ, еслибы на помощь Вару не подоспѣлъ храбрый, свирѣпый Юба. Вскорѣ и въ городѣ, и въ Цезаревомъ лагерѣ пронесся слухъ о быстромъ приближеніи нумидійскаго войска. Только-что покончивъ съ другимъ важнымъ дѣломъ, Юба теперь могъ свободно заняться своими римскими друзьями и римскими врагами. Онъ схитрилъ, пославъ впередъ своего полководца, Сабуру, съ небольшимъ отрядомъ конницы. Курі-

онъ вообразилъ себѣ, что Юбѣ нельзя придти самому и что присланный отрядъ все, чѣмъ онъ можетъ помочь Вару. Справиться съ этой горстью показалось ему дѣломъ вовсе не хитрымъ. Бѣдный юноша, очевидно, сразу попался на удочку, и Цезарь защищаетъ его въ очень трогательныхъ выраженіяхъ. «Много содѣйствовали тому его юношеская пылкость, жажда славы, удача прежнихъ дѣйствій, надежда, что счастіе его и тутъ не оставитъ», говоритъ онъ. И ни слова упрека. Куріонъ снова обратился къ воинамъ съ рѣчью: «Поспѣшите туда, гдѣ васъ ждутъ слава и добыча», уговаривалъ онъ ихъ. Они поспѣшили, и дотого, что многимъ оказалось не подъ силу идти такъ быстро; отставшіе разбрелись по дорогамъ. На измученныхъ, усталыхъ, достигшихъ наконецъ лагеря Сабуры, напалъ самъ Юба, и всѣ они были изрублены въ куски. Куріона уговаривали бѣжать. Но, по словамъ Цезаря, онъ въ роковую минуту отвѣчалъ, что, потерявъ ввѣренное ему войско, онъ не дерзнетъ показаться на глаза Цезарю. Очень вѣроятно, что Куріонъ такъ выразился. «Онъ убитъ, сражаясь». Такъ погибъ человѣкъ, котораго любилъ Цезарь.

Дальнѣйшія событія были очень печальны для римской арміи. Многіе поспѣшили къ морю, чтобы спастись на корабляхъ; но тутъ пошла такая суматоха, такая неурядица, что лишь нѣсколько человѣкъ благополучно добрались до Сициліи. Остальные рѣшились

сдаться Вару, и это было самое лучшее въ ихъ положеніи. Римлянинъ, покорившійся другому римлянину, долженъ былъ только отказаться отъ своихъ прежнихъ политическихъ убѣжденій, вотъ и все. Но Юба требовалъ себѣ побѣжденныхъ какъ добычу, и Варъ не посмѣлъ ему перечить. Большинство было предано смерти. Нѣкоторыхъ Юба отослалъ въ свое царство, надѣясь воспользоваться ихъ талантами. Въ этомъ случаѣ Юба поступилъ не хуже, чѣмъ поступалъ Цезарь въ Галліи; но Цезарь всегда выражается такъ, какъ-будто римлянинъ—выше простаго смертнаго и долженъ быть такимъ нетолько въ глазахъ другаго римлянина, но и въ глазахъ всѣхъ людей. Благодаря увѣренности, съ которой римляне вездѣ произносили сужденія подобнаго рода, на нихъ, дѣйствительно, и смотрѣли такъ. Одержавъ блестящую побѣду, Юба въѣхалъ въ Утику съ тріумфомъ, сопровождаемый нѣсколькими римскими сенаторами. И Цезарь навѣки запятналъ двухъ изъ этихъ низкихъ людей, назвавъ ихъ по имени; это—Сервій Сульпицій и Лицiній Дамазиппъ. О царѣ Юбѣ и его дальнѣйшей судьбѣ мы еще услышимъ.

ГЛАВА XI.

Третья книга о Гражданской войнѣ. Цезарь слѣдуетъ за Помпеемъ въ Иллирію. Петра и Фарсалъ. 48 г. до Р. Х.

Конечная книга послѣдняго Комментарія начинается извѣстіемъ, что въ этомъ году законъ давалъ Цезарю возможность назначить консула и что въ товарищи себѣ онъ выбралъ Публія Сервилія. Смыслъ Комментарія тотъ, что какъ Цезарь былъ возведенъ въ санъ диктатора, а Помпей увезъ съ собою въ Иллирію прошлогоднихъ консуловъ, то выборъ консула могъ происходить только подъ предсѣдательствомъ Цезаря. Несомнѣнно, что онъ самъ назначилъ себѣ товарища, который и былъ затѣмъ выбранъ по всѣмъ правиламъ республиканской обрядности. Цезарь прожилъ въ Римѣ диктаторомъ одиннадцать дней и издалъ въ это время нѣсколько законовъ, имѣвшихъ главной цѣлью положить конецъ неурядицѣ, возникшей отъ нарушенія обычнаго хода дѣлъ. Затѣмъ онъ отправился въ Бриндизи по слѣдамъ Помпея. Съ нимъ было двѣнадцать легіоновъ, но для перевозки ихъ не хватало

кораблей; притомъ же, какъ онъ самъ говоритъ, войско его было хворо: привыкнувъ къ здоровому климату Галліи и сѣверной Испаніи, оно плохо перенесло итальянскую осень. Помпей, говоритъ Цезарь, провелъ весь годъ безъ войны и имѣлъ достаточно времени, чтобъ приготовиться къ ней. Онъ набралъ людей, кораблей и денегъ со всѣхъ концовъ имперіи,—съ Азіи и Цикладскихъ острововъ, съ Корциры, съ Аѳинъ, съ Виѳиніи, Киликіи, Финикіи, Египта и вольныхъ племенъ Ахаіи. У него было своихъ девять римскихъ легіоновъ, да еще онъ поджидалъ изъ Сиріи два, которыми начальствовалъ тесть его, Сципіонъ. У него было три тысячи стрѣлковъ, критскихъ, спартанскихъ и понтійскихъ, тысяча двѣсти пращниковъ и семь тысячъ конницы изъ жителей Галатіи, Каппадокіи и Ѳракіи. Храбрый македонскій князекъ привелъ ему двѣсти всадниковъ; молодой Кней Помпей пришелъ помогать отцу съ пятью стами галатской и германской конницы, оставленной въ Египтѣ, чтобы удерживать въ повиновеніи Птоломея. Тотъ же заботливый сынъ вооружилъ и привелъ въ имперію восемьсотъ рабовъ и пастуховъ, принадлежавшихъ дому Помпеевъ. Антіохъ Коммагенскій прислалъ двѣ тысячи конныхъ стрѣлковъ,—наемниковъ, привлеченныхъ щедрыми обѣщаніями. Стеклись подъ знамена Помпея и дарданцы, обитатели древней Трои, и бессы, пришедшіе съ береговъ Гебра, и ѳессалійцы, и македонцы. Видишь,

какъ у Цезаря слюнки текутъ, когда онъ перечисляетъ ихъ. Но читатель уже догадывается, что Цезарь приготовляетъ его къ торжествующему побѣдному разсказу о томъ, какъ онъ съ горсточкою людей разсѣялъ по вѣтру всю эту громаду.

Помпей озаботился и о пропитанiи своихъ полчищъ и собралъ для нихъ отовсюду «frumenti vim maximam»— «видимо-не-видимо всякаго зерна». Онъ покрылъ море своими кораблями, чтобы не выпускать Цезаря изъ Италiи. Восемь адмираловъ начальствовали надъ нѣсколькими его флотами, которые Цезарь тоже подробно перечисляетъ; а во главѣ всего главнымъ адмираломъ поставленъ Бибулъ, бывшiй товарищъ Цезаря по консулату, котораго онъ и его партiя довели насмѣшками до того, что онъ заперся дома и предоставилъ имъ всю власть. Теперь настала для него сладкая минута мщенiя. Но не такому человѣку, какъ Бибулъ, мстить Цезарю.

Добравшись со своими легiонами до Бриндизи, Цезарь совѣтуетъ имъ оставить тамъ все добро, прiобрѣтенное ими въ прежнихъ войнахъ, чтобы на-легкѣ переправиться въ Иллирiю, если только имъ удастся ускользнуть отъ Бибула. Онъ не обѣщалъ вернуть имъ современемъ это добро или вознаградить за него, а только сказалъ, чтобы они надѣялись на его щедрость. Все войско, какъ одинъ человѣкъ, выразило готовность повиноваться. Цезарь тотчасъ же пере-

плылъ въ Иллирiю, благополучно миновавъ опасныя скалы Акрокеравнiи [1]), о которыхъ пѣлъ Горацiй, и такъ же благополучно миновавъ Бибула, который, по-видимому, спрятался въ своемъ кораблѣ, какъ нѣкогда прятался въ своемъ домѣ. Кажется, самъ Цезарь былъ глубоко убѣжденъ, что, попадись онъ въ руки Бибула, и все бы пропало. И это было бы вовсе немудрено при нѣкоторомъ вниманiи и старанiи со стороны Бибула. Но Цезарь рискнулъ, вѣруя въ свою счастливую звѣзду, и она спасла его. Онъ высадился на берегѣ Эпира, въ мѣстечкѣ Палестѣ, къ югу отъ Диррахiума. Въ Диррахiумѣ высадился годъ тому назадъ Помпей, и тамъ были теперь собраны огромные запасы, о которыхъ говоритъ Цезарь. Тутъ только Бибулъ спохватился и, желая показаться дѣятельнымъ, задумалъ напасть на пустые корабли, посланные Цезаремъ за остальнымъ его войскомъ. «Въ безсильной злобѣ выместилъ онъ на нихъ свою небрежность и досаду и, захвативъ судовъ съ тридцать, сжегъ ихъ, съ гребцами и хозяевами судовъ; жестокостью казни онъ думалъ устрашить прочихъ», говоритъ Цезарь. Послѣ этого даже прiятно услышать, что Бибулъ усердно, но безуспѣшно сновалъ по морямъ и наконецъ умеръ, какъ кажется, съ горя о своихъ неуда-

[1]) Или Лингветты, мыса въ сѣв.-зап. части теперешней Албанiи, въ румилiйскомъ пашалыкѣ Европ. Турцiи.

Переводч.

чахъ. Ему удалось, впрочемъ, захватить одинъ корабль, на которомъ находились не воины, а дѣти, прислуга, рабы и кліенты изъ Цезарева лагеря. Всѣхъ ихъ, не исключая грудныхъ младенцевъ, Бибулъ предалъ смерти. Не слѣдуетъ, впрочемъ, забывать, что это разсказываетъ Цезарь, не любившій Бибула.

Во главѣ легіоновъ, оставшихся въ Бриндизи за недостаткомъ кораблей для переправы, стоялъ Маркъ Антоній. Цезарь, уже достигши съ частью войска Иллиріи, торопилъ Антонія поскорѣе отплыть, а самъ снова завязалъ переговоры съ Помпеемъ. Но, по тому, какъ Цезарь говоритъ о нихъ, видно, что онъ велъ ихъ лишь съ цѣлью выиграть время и успѣть соединиться съ Антоніемъ до начала военныхъ дѣйствій. Мало по малу войска Помпея и Цезаря такъ придвинулись другъ къ другу, что ихъ раздѣляла только рѣка Апсъ. Черезъ эту рѣчку враги безпрестанно перекидывались словами, «и на это время, по взаимному соглашенію, всѣ непріязненныя дѣйствія прекратились.» Наконецъ Цезарь послалъ за рѣку Ватинія, въ качествѣ посла для мирныхъ переговоровъ, и Ватиній спросилъ громкимъ голосомъ: «неужели гражданамъ нельзя будетъ отправить другъ къ другу пословъ, какъ это было дозволено даже дикарямъ Пиренеевъ и разбойникамъ, —и притомъ съ цѣлью положить конецъ войнѣ согражданъ между собою?» Требованіе показалось всѣмъ настолько основательнымъ,

что въ назначенный день Лабіенъ, измѣнившій Цезарю и ставшій на сторону Помпея, явился представителемъ одной стороны, а Ватиній — другой. Но, по свидѣтельству самого Цезаря, его воины пустили въ своего бывшаго начальника тучу стрѣлъ. Вѣроятно, они не могли ни слышать, ни видѣть равнодушно человѣка, котораго считали ренегатомъ. Лабіенъ насилу спасся отъ смерти, благодаря окружавшимъ его, но былъ до-нельзя взбѣшенъ поведеніемъ цезаріанцевъ. «Послѣ этого,» воскликнулъ онъ, «нѣчего больше и говоритъ о мирѣ; съ нашей стороны онъ невозможенъ, пока намъ не будетъ принесена голова Цезаря.» Тѣмъ не менѣе переговоры черезъ рѣчку сдѣлали свое дѣло: Цезарь выигралъ время.

Онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ своихъ легіоновъ изъ Италіи и сердился на медленность Антонія. Сохранился анекдотъ о томъ, какъ Цезарь, въ лодкѣ, въ бурю, вздумалъ самъ переправиться въ Бриндизи, чтобы ускорить дѣло. Испуганнаго лодочника онъ ободрялъ напоминаніемъ, что «въ его рукахъ судьба Цезаря.» Лодочникъ попытался переѣхать, но былъ отброшенъ назадъ бурею. Обо всемъ этомъ въ Комментаріяхъ нѣтъ ни слова.

Наконецъ подулъ юго-западный вѣтеръ, и Антоній рѣшился сняться съ якоря, не смотря на то, что военные корабли Помпея еще охраняли Иллирію и крейсировали на морѣ. Полководецъ Цезаря совершилъ

свой переѣздъ совершенно благополучно, и суда со второй половиной Цезаревой арміи, подгоняемыя легкимъ попутнымъ вѣтромъ, пристали къ берегу въ виду Помпея и его войска, стоявшихъ въ Диррахіумѣ. Только два корабля отстали и попались въ руки Помпеева легата, Отацилія. На одномъ изъ нихъ находились новобранцы, на другомъ ветераны. Оба сдались, какъ только Отацилій поклялся не обижать воиновъ. «Тутъ оказалось, какъ много значатъ въ военныхъ дѣйствіяхъ присутствіе духа и храбрость», говоритъ Цезарь. Новобранцы поступили добросовѣстно и сдались, а Отацилій, вопреки своей клятвѣ, отвѣчалъ на это какъ истый римлянинъ, поголовнымъ избіеніемъ всѣхъ ихъ. Ветераны же, не считая себя связанными даннымъ словамъ и хорошо зная цѣну Отациліевой клятвы, ночью пристали къ берегу и добрались благополучно до Антонія. Цезарь поясняетъ, что новобранцы распорядились бы лучше, еслибъ не страдали морскою болѣзнью, но что испытанная доблесть старыхъ ветерановъ не поддалась ни бурѣ, ни дѣйствію соленой воды. Они остались добрыми молодцами: «item conflictati et tempestatis et sentinae vitiis.»

За этимъ слѣдуетъ разсказъ о Метеллѣ Сципіонѣ, шедшемъ со своими легіонами изъ Сиріи въ Македонію. На пути онъ вознамѣрился до-чиста обобрать храмъ Діаны Эфесской. Онъ уже пригласилъ въ храмъ

нѣсколькихъ сенаторовъ, чтобы они впослѣдствіи могли засвидѣтельствовать Помпею, что онъ честно сосчиталъ и доставилъ ему найденныя въ храмѣ сокровища. Но не успѣлъ онъ войти въ святилище и приняться за пріятное занятіе, какъ получилъ письмо отъ Помпея, просившаго немедленно поспѣшить къ нему на помощь. Сципіонъ тотчасъ-же отправился пособить зятю въ предстоящей великой битвѣ и войсками, и совѣтомъ. Тѣмъ временемъ Цезарь послалъ своихъ легатовъ въ Этолію и Македонію разузнать о настроеніи этихъ провинцій, заручиться нѣкоторыми городами и запастись съѣстными припасами. Онъ самъ находился въ странѣ, повидимому, особенно преданной Помпею; но и тутъ жители уже прослышали о Цезарѣ и, какъ истые греки, прежде всего желали пребывать въ дружбѣ съ сильнѣйшимъ римляниномъ своего времени. Они взвѣшивали, у кого изъ соперниковъ больше шансовъ на успѣхъ, намѣреваясь во всякомъ случаѣ пристать къ сильнѣйшему. Рѣшить этотъ вопросъ бѣднымъ грекамъ было трудно; мы вскорѣ увидимъ, какой урокъ далъ въ этомъ отношеніи Цезарь жителямъ города Гомфъ. Но прежде всего онъ соединилъ свои войска съ доставленными ему изъ Италіи Антоніемъ и рѣшился принудить Помпея къ сраженію.

Остатокъ этой конечной книги послѣдняго Комментарія можно, собственно, раздѣлить на два эпизода,

изъ которыхъ первымъ явятся военныя дѣйствія при Пѣтрѣ, вторымъ — послѣдняя, рѣшительная Фарсальская битва. При Пѣтрѣ взялъ верхъ Помпей; но побѣда эта, хоть и блестящая, прошла совершенно незамѣченной въ исторіи человѣчества. Изъ Фарсальской битвы, какъ извѣстно всему міру, побѣдителемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ властелиномъ вышелъ Цезарь. А между тѣмъ событія, происшедшія при Пѣтрѣ, могли бы сдѣлать сраженіе при Фарсалѣ и ненужнымъ, и невозможнымъ. Два обстоятельства были, главнымъ образомъ, причиною тому, что блестящая побѣда Помпея забылась и стушевалась въ памяти людей: Комментаріи, были писаны не Помпеемъ, а Цезаремъ, и, къ несчастію для Помпея, битва при Фарсалѣ произошла послѣ битвы при Пѣтрѣ.

Довольно трудно разобрать разсказъ Цезаря о дѣйствіяхъ двухъ враждебныхъ армій при Пѣтрѣ. Но будь это даже гораздо легче, предѣлы нашей книжки не дозволили бы намъ передать его разсказа цѣликомъ. Цезарю удалось соединить свои легіоны съ легіонами Антонія, и онъ всячески добивался сраженія съ Помпеемъ. Войско его, уступавшее врагу численностью, было зато хорошо дисциплинировано и опытно въ военномъ дѣлѣ. У Помпея были все больше новички; но каждый день, увеличивая ихъ опытность, вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалъ и силу Помпея. Надѣясь вызвать противника на битву, Цезарь сталъ со своимъ войскомъ между

Диррахіумомъ, гдѣ находились всѣ запасы и военные снаряды Помпея, и его арміей, такъ что Помпей былъ съ суши совершенно отрѣзанъ отъ Диррахіума. Но море было ему открыто. Флотъ его свободно двигался вдоль береговъ, тогда какъ у Цезаря не было ни одного порядочнаго корабля, который бы могъ дерзнуть показаться на водахъ.

Къ сѣверу отъ Диррахіума, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ него, былъ крутой, скалистый, но чрезвычайно доступный для кораблей выступъ, въ родѣ мыса, извѣстный подъ именемъ *Пѣтры*, т. е. скалы. Съ этого мѣста Помпею было очень удобно выйти въ море и добраться до Диррахіума на кораблѣ. Между Диррахіумомъ и Пѣтрою стоялъ Цезарь. На этой скалѣ, у подошвы которой находилось небольшое пастбище, Помпей расположился лагеремъ. Построивъ двадцать четыре башни, соединивъ ихъ валомъ, брустверомъ и рвомъ, онъ охватилъ этими укрѣпленіями огромное пространство и сдѣлалъ его неприступнымъ. Эти укрѣпленія имѣли въ окружности пятнадцать римскихъ миль [1], такъ что заключали въ себѣ коекакой выгонъ для лошадей. Въ этотъ лагерь отовсюду доставлялись съѣстные припасы. Помпей не только имѣлъ удобное сообщеніе со своей житницей, Диррахіумомъ, державшимся крѣпко противъ Цезаря, но и

[1]) Около 20 верстъ. *Переводч.*

берега Грецiи, Азiи и Египта были открыты для его кораблей. Одного только ему не хватало: мало было травы для лошадей и воды. У Цезаря же не было ничего, кромѣ травы и воды. Та часть Иллирiи, въ которой онъ стоялъ, была сурова, камениста и безплодна, такъ что туземцы обыкновенно кормились привознымъ хлѣбомъ. А Помпей на всякiй случай заранѣе очистилъ всѣ житницы и разграбилъ всѣ города.

Не смотря на это, Цезарь, заперевъ врага въ Пѣтрѣ, рѣшился не выпускать его оттуда. Съ этою цѣлью онъ построилъ противъ линiй Помпея линiю своихъ укрѣпленiй и окружилъ ею весь лагерь Помпея, такъ что обѣ линiи представляли какъ бы два концентрическiе круга. Цезарь началъ съ того, что на холмахъ, окружавшихъ извнѣ Помпеевъ лагерь, поставилъ башенки съ небольшими отрядами войска и тѣмъ отнялъ у своего врага возможность доставать траву. Потомъ онъ соединилъ эти башни насыпями и окружилъ ими станъ Помпея, чтобы его конница не могла отправляться на фуражировку, и лошади въ Пѣтрѣ подохли съ голоду; кромѣ того, «Цезарь имѣлъ въ виду уничтожить влiянiе, — auctoritatem—, какое имѣлъ Помпей на иноземные народы; это неминуемо должно было случиться по распространенiи извѣстiя, что Помпей замкнутъ Цезаремъ и не дерзаетъ вступить въ бой.»

Быстро пробѣгая нашу книжечку, читатель, вѣроятно, склоненъ думать, что Цезарь уже въ то время былъ первымъ лицомъ въ Республикѣ и что Помпею было не подъ силу съ нимъ тягаться. Но замѣчанiя въ родѣ вышеприведеннаго, попадающiяся тамъ и сямъ въ Комментарiяхъ, доказываютъ несостоятельность подобнаго представленiя. Вплоть до описываемаго времени Помпей на одинаковомъ съ Цезаремъ поприщѣ пользовался бо̀льшей славой. Цезарь сдѣлалъ много, но Помпей сдѣлалъ еще больше, и теперь на его сторонѣ были всѣ богатые, наиболѣе уважаемые римскiе граждане. Онъ стоялъ во главѣ консервативной партiи и былъ глубоко убѣжденъ, что придетъ время, когда Цезарь падетъ передъ его величiемъ. Цезарь и цезарiанцы были для него тѣмъ же, чѣмъ были для Людовика XVI, Карла X и Людовика Филиппа революцiонеры, прежде, чѣмъ дали имъ себя знать не на шутку,—тѣмъ же, чѣмъ былъ для людей въ родѣ Георга IV и лорда Эльдона билль о Реформѣ и Эмансипацiи католиковъ, пока эти вопросы можно было тормазить и откладывать. Помпею казалось невозможнымъ, чтобы римская сволочь побѣдила сенатъ и его, Помпея, хотя бы при содѣйствiи Цезаря и его армiи. «Говорятъ, будто въ то время, хвалясь, Помпей сказалъ, что соглашается на будущее время имѣть репутацiю самаго негоднаго полководца, если не вынудитъ Цезаря съ большимъ урономъ отступить оттуда, куда онъ

зашелъ такъ самонадѣянно». Мы привели слова Цезаря. «Съ большимъ урономъ»—«maximo detrimento»—на языкѣ Помпея значило: съ совершеннымъ пораженіемъ. Какъ онъ ошибался въ своихъ разсчетахъ!

За каждый клочекъ луговой земли, за каждый кусочекъ, представлявшій мало-мальски выгодную позицію, дрались при Пѣтрѣ съ ожесточеніемъ, и театромъ этихъ военныхъ дѣйствій было узкое пространство между двумя линіями укрѣпленій. Положеніе Цезаря было менѣе выгодно, потому что линія его укрѣпленій была длиннѣе Помпеевой и, слѣдовательно, требовала бо́льшаго количества людей для постройки, поддержки и защиты, тогда какъ Помпей, занимая внутренній концентрическій кругъ, требовавшій меньше рукъ и силъ, имѣлъ въ своемъ распоряженіи гораздо бо́льшее войско. Какъ ветераны, солдаты Цезаря всегда брали верхъ въ сраженіяхъ; но новички Помпея въ этихъ сраженіяхъ учились и съ каждымъ днемъ становились опытнѣе и опытнѣе. Тѣмъ не менѣе помпеянцамъ приходилось довольно трудно. Воды не было возможности достать на скалистомъ мѣстѣ; Цезарь измѣнилъ теченіе всѣхъ водъ, запрудивъ или отведя сосѣднія рѣки. Помпеянцы пробовали рыть колодцы, но эти колодцы быстро высыхали. Съ другой стороны, воины Цезаря терпѣли недостатокъ въ хлѣбѣ и приготовляли какое-то слабое подобіе его изъ мѣстнаго растенія, называемаго «хара», корень котораго мѣсили съ моло-

комъ. Этой-то невкусной пищей они пробавлялись все время. Куски своего хлѣба они перебрасывали въ лагерь помпеянцевъ, показывая имъ тѣмъ, какъ неприхотливы истые ветераны. Враги были расположены въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ другъ отъ друга, что безпрестанно переговаривались, причемъ помпеянцы дразнили непріятеля терпимымъ имъ голодомъ. За то у цезаріанцевъ было вдоволь воды и мяса, и они увѣряли, что лучше согласятся ѣсть древесную кору, чѣмъ выпустить изъ рукъ Помпея.

Но Цезарю постоянно угрожала одна опасность: Помпей могъ перевести свой отрядъ моремъ и, обойдя Цезаревы укрѣпленія, напасть на него съ тылу. Во избѣжаніе этого Цезарь возвелъ второй рядъ укрѣпленій и намѣревался соединить соотвѣтствующіе концы обоихъ валовъ вдоль морскаго берега. Но онъ не успѣлъ привести этихъ работъ къ окончанію, потому что съ нимъ приключилась такая бѣда, отъ которой онъ чуть самъ не погибъ. За всё время, пока возводились насыпи и башни, между врагами происходили частыя стычки. Цезарь говоритъ, что, напримѣръ, въ одинъ день было шесть сраженій. Помпей потерялъ въ нихъ двѣ тысячи легіонаріевъ, а Цезарь не болѣе двадцати. Но особенно досталось одной изъ башенъ: всѣ сидѣвшіе въ ней воины были изранены; у четырехъ центуріоновъ были выбиты глаза. Цезарь разсчитываетъ, что въ эту башню было пущено не ме-

нѣе тридцати тысячъ стрѣлъ, и разсказываетъ объ одномъ центуріонѣ Сцевѣ, въ щитѣ котораго оказалось двѣсти тридцать дыръ, пробитыхъ стрѣлами [1]). Вѣроятно, щитъ былъ не изъ маленькихъ, и не легко было пересчитать всѣ эти дырки. Многочисленность ихъ дотого поразила Цезаря, что онъ наградилъ Сцеву большою суммою денегъ (около 3000 руб.) и по-

[1]) Передавая эту исторію, Меривэль находитъ цифру двѣсти тридцать преувеличенною и, основываясь, вѣроятно, на свидѣтельствѣ Флора и Валерія Максима, не допускаетъ, чтобы въ щитѣ было болѣе ста двадцати дыръ. Но Флоръ жилъ 200 лѣтъ послѣ Цезаря, а Валерій Максимъ 300. Светоній принимаетъ всѣ двѣсти тридцать дыръ, но поясняетъ, что 120 Сцева получилъ, сражаясь на одномъ мѣстѣ, 110 на другомъ. Луканъ весьма пространно воспѣваетъ Сцеву, но не опредѣляетъ числа дыръ, нанесенныхъ его щиту. Онъ намекаетъ—не совсѣмъ, впрочемъ, ясно—,что Сцева былъ убитъ въ этомъ дѣлѣ. Несомнѣнно вѣрно, что Сцева потерялъ одинъ глазъ. Правда, въ послѣднихъ строкахъ своей поэмы Луканъ говоритъ, что въ Египтѣ Цезарь еще разъ свидѣлся со своимъ любимымъ центуріономъ; но Луканъ представляетъ самого Цезаря такимъ озадаченнымъ въ эту минуту, что комментаторы предполагаютъ, не тѣнь ли Сцевы онъ увидѣлъ. Валерій Максимъ утверждаетъ, что Сцева былъ убитъ въ жестокомъ бою; въ такомъ случаѣ какъ же Цезарь могъ наградить его и повысить? Все это весьма темно и возбуждало между учеными не мало споровъ. Въ нашемъ изложеніи мы придерживаемся показаній Цезаря.

жаловалъ прямо въ чинъ перваго центуріона, перескочивъ черезъ шесть чиновъ. Другаго такого быстраго повышенія мы не встрѣчали въ прозаической литературѣ. Существуетъ, правда, разсказъ о простомъ матросѣ, который за храбрый подвигъ былъ пожалованъ тотчасъ въ капитаны; но исторія эта—въ стихахъ, и простой матросъ оказался потомъ барышней.

Во время этихъ постоянныхъ столкновеній два вѣроломные галла перебѣжали отъ Цезаря къ Помпею и подробно описали ему расположеніе Цезарева лагеря, находившихся въ немъ насыпей, конченныхъ и неконченныхъ укрѣпленій. Этихъ двухъ галловъ Цезарь когда-то облагодѣтельствовалъ, но потомъ принужденъ былъ сдержать въ корыстолюбивыхъ злоупотребленіяхъ и подвергнуть строгому выговору по службѣ. Наказать ихъ онъ, однако, не успѣлъ, а они поспѣшили выдать врагу всѣ его военныя тайны. Цезарь увѣряетъ, что до этого ни одинъ человѣкъ не переходилъ еще отъ него къ Помпею, тогда какъ отъ Помпея къ нему переходили почти ежедневно. Но за то эти первые перебѣжчики сильно повредили ему. Узнавъ отъ нихъ, что работы вдоль берега еще далеко не окончены, Помпей снарядилъ большой флотъ и перевезъ значительную часть своего войска въ лагерь Цезаря, гдѣ оно высадилось ночью между двумя линіями его укрѣпленій. Разъединивъ такимъ образомъ силы врага, помпеянцы напали на самый слабый пунктъ его.

Цезарь признается, что его войскомъ овладѣла паника, и что не мало людей погибло. Повидимому, громадные размѣры и длина его укрѣпленій были главною причиною его пораженія: отдѣльныя части войска были расположены одна отъ другой такъ далеко, что не могли оказывать взаимной помощи. Дѣло кончилось совершеннымъ пораженіемъ Цезаря. Самъ онъ бѣжалъ, и еслибы Помпей пустился за нимъ въ погоню, то Цезарю бы не сдобровать. По собственному показанію онъ потерялъ въ одинъ день, въ двухъ сраженіяхъ, 960 легіонаріевъ, 32 центуріоновъ и 32 военные значка.

При этомъ случаѣ Цезарь разсказываетъ о поступкѣ Лабіена, своего бывшаго вѣрнаго легата, который теперь перешелъ на сторону Помпея, не желая сражаться противъ Республики. Лабіенъ выпросилъ себѣ въ распоряженіе у Помпея плѣнныхъ цезаріанцевъ и всѣхъ ихъ умертвилъ, спросивъ напередъ съ насмѣшкой, умѣютъ ли такіе ветераны, какъ они, бѣжать съ поля битвы; этотъ поступокъ приводитъ Цезаря въ негодованіе; но Лабіенъ могъ бы привести въ свое оправданіе, что умерщвлять плѣнниковъ онъ обучился въ Галліи. Что касается насмѣшекъ, которыми онъ будто-бы осыпалъ этихъ плѣнниковъ, то Цезарь едва-ли слышалъ ихъ собственными ушами; но ему пріятно было сказать про Лабіена что-нибудь дурное.

За блестящую побѣду Помпей былъ провозглашенъ

императоромъ. И онъ принялъ этотъ титулъ, не смотря на то, что побѣда была одержана имъ надъ соплеменниками. «Событіе это дотого обрадовало Помпеево войско, что казалось ему окончательною побѣдою и отвлекало отъ дѣла», говоритъ Цезарь. Затѣмъ онъ осыпаетъ презрѣніемъ помпеянцевъ, оправдывая вмѣстѣ съ тѣмъ самого себя и своихъ. «Не принимало оно (войско Помпея) въ соображеніе малочисленности нашего войска, неблагопріятныя по тѣснотѣ условія мѣстности, присутствіе непріятеля въ самомъ нашемъ лагерѣ, паническій страхъ нашихъ, запертыхъ между двумя рядами укрѣпленій, и раздробленіе ихъ на двѣ части, изъ которыхъ ни одна не могла подать помощи другой. Не разсудили непріятели того, что одолѣли не въ открытомъ бою и что наши пострадали гораздо болѣе отъ тѣсноты и собственнаго замѣшательства, чѣмъ отъ ихъ оружія. Забыли они и то, какое несчастное вліяніе на оборотъ военныхъ событій имѣютъ, повидимому, самыя ничтожныя обстоятельства: пустой страхъ, возникшій отъ неосновательнаго предположенія, и внезапный упадокъ духа въ воинахъ отъ пустаго суевѣрія; какъ иногда самая малая ошибка вождя, оплошность трибуна бываютъ причиною гибели цѣлаго войска. Но Помпеевы воины приписывали это событіе исключительно своей доблести и, не опасаясь перемѣны счастья, прославили его повсюду и устно, и въ письмахъ къ своимъ, какъ рѣши-

тельную побѣду». Вотъ что случилось при Пѣтрѣ; вслѣдствіе этого событія относительное значеніе Помпея и Цезаря на нѣкоторое время стало какъ-разъ обратное тому, которое установилось въ послѣдующіе годы и удержалось въ исторіи.

Цезарь признается, что вынужденъ былъ совершенно измѣнить планъ кампаніи. Онъ обратился къ воинамъ съ рѣчью, въ которой доказывалъ, что пораженіе это, подобно неудачѣ въ Жерговіи, быть можетъ, приведетъ ихъ къ побѣдѣ. Событія при Алезіи явились прямымъ послѣдствіемъ его пораженія въ Жерговіи, потому что побѣда придала галламъ смѣлость продолжать войну.— Очень возможно, что бѣдствія, испытанныя при Пѣтрѣ, приведутъ къ счастью и къ успѣху, такъ какъ Помпей теперь навѣрное не будетъ избѣгать сраженія. Нѣсколькихъ значконосцевъ Цезарь наказалъ и разжаловалъ.—Въ очень трогательныхъ выраженіхъ описываетъ онъ настроеніе, овладѣвшее его войскомъ: «Вслѣдствіе пораженія въ войскѣ Цезаря господствовало чувство горести и такое усердіе поскорѣе загладить посрамленіе, что никто не дожидался приказаній трибуна или сотника, а каждый воинъ самъ себя наказывалъ усиленною работою. Всѣ воины пылали желаніемъ сразиться, и нѣкоторые изъ старшихъ военныхъ сановниковъ, тронутые рѣчью Цезаря, просили его остаться на мѣстѣ и дать сраженіе». Но Цезарь былъ слишкомъ хорошимъ полководцемъ, чтобы пойти

на это. Онъ двинулся на юго-востокъ и въ этомъ отступленіи поправилъ свои дѣла, потому что Помпей шелъ за нимъ неохотно и лѣниво и вскорѣ вовсе оставилъ намѣреніе его преслѣдовать. Тесть Помпея, Сципіонъ, прибылъ въ то время въ Ѳессалію съ большимъ войскомъ, набраннымъ на Востокѣ. Читая объ этомъ, невольно припоминаешь, какъ недавно еще Цезарь самъ былъ тестемъ Помпея и какъ Помпей былъ ему другомъ, потому что горячо любилъ молодую жену свою, Юлію. Теперь Помпей поспѣшилъ на Востокъ, чтобъ соединиться со Сципіономъ, а Цезарь, также пройдя въ Ѳессалію, только въ болѣе южномъ направленіи, соединился съ войскомъ своего легата, Кальвина, который слѣдилъ за движеніемъ Сципіона и едва не попался въ руки Помпею. Но счастье или случай, всегда благосклонные къ Цезарю, и тутъ помогли ему. Легатъ ускользнулъ и соединился со своимъ императоромъ.

Вслѣдъ затѣмъ Цезарь разсказываетъ о своемъ обращеніи съ двумя ѳессалійскими городами, Гомфами и Метрополисомъ. Къ несчастію для бѣдныхъ жителей Гомфъ, Цезарь подошелъ къ ихъ городу какъ-разъ въ то время, когда туда дошелъ слухъ о событіяхъ при Пѣтрѣ. Гомфіанцы—надо отдать имъ справедливость—съ одинаковою готовностью стали бы помогать и Цезарю, и Помпею. Они только хотѣли стать на сторону сильнѣйшаго, чтобы уберечь себя и свое до-

бро. Слухи о пораженіи Цезаря при Пѣтрѣ заставили ихъ запереть ему ворота, какъ слабѣйшему изъ противниковъ. Но сдѣлавъ это, они отрядили пословъ къ Помпею, сказать, чтобы онъ скорѣе шелъ къ нимъ на помощь, если хочетъ, чтобъ они держались противъ Цезаря. Помпей замѣшкался, и у гомфіанцевъ скоро не стало силы защищаться однимъ. Около трехъ часовъ по полудни Цезарь началъ осаду. До заката солнца городъ уже былъ взятъ и отданъ на разграбленіе. Жители Метрополиса намѣревались также запереть свои ворота, но, къ счастью, во-время прослышали о судьбѣ Гомфъ и поспѣшили сдаться. Цезарь осыпалъ ихъ всяческими милостями, и всѣ другіе города Ѳессаліи поняли, что значитъ дружба Цезаря.

Соединившись со Сципіономъ, Помпей раздѣлилъ съ тестемъ и власть, и почести; едвали ему это было понутру; но онъ долженъ былъ это сдѣлать по необходимости. Добровольно онъ не уступилъ бы никому ни частички своей власти. Да и вообще, положеніе его въ войскѣ было далеко не завидное. Безспорно, весьма важно было римскому полководцу имѣть на своей сторонѣ римскій сенатъ; — но зато сенаторы не были особенно послушными солдатами. Они прямо обвиняли Помпея въ томъ, что онъ держитъ ихъ въ Ѳессаліи и медлитъ только изъ удовольствія командовать ими. Но и изъ нихъ никто не сомнѣвался въ близкой гибели Цезаря, и въ лагерѣ Помпея, еще не убивъ медвѣдя,

ссорились за его шкуру: разобрали консульства впередъ за нѣсколько лѣтъ, спорили другъ съ другомъ о будущихъ наградахъ и должностяхъ.

Передъ великимъ, рѣшательнымъ днемъ мы еще разъ встрѣчаемся съ Лабіеномъ; Цезарь влагаетъ въ его уста рѣчь, вѣроятно, имѣя въ виду, что читатель сопоставитъ ее съ результатами сраженія, которые представлялись оратору въ такомъ розовомъ свѣтѣ. «Ты не думай, сказалъ онъ Помпею, что передъ тобою то самое войско, которое покорило Галлію и Германію. Самъ я былъ во всѣхъ сраженіяхъ и что здѣсь говорю, то твердо знаю по опыту. Изъ старыхъ воиновъ осталось весьма не много; большая часть ихъ погибла, что необходимо должно было случится въ войнѣ почти беспрерывной; прочіе частью померли осенью въ Италіи отъ заразительныхъ болѣзней, частью разошлись по домамъ или остались на другомъ берегу. Развѣ неизвѣстно, что теперешніе когорты набраны Цезаремъ въ Брундузіумѣ? (такъ недавно, намекаетъ Лабіенъ).—Войска эти пополнены наборами, произведенными за послѣднее время въ Галліи и, отчасти, въ поселеніяхъ нашихъ по ту сторону По; да и изъ нихъ храбрѣйшіе погибли въ двухъ битвахъ подъ Диррахіумомъ.» Высказавъ это мнѣніе, Лабіенъ поклялся не возвращаться въ лагерь иначе, какъ побѣдителемъ; Помпей и всѣ прочіе произнесли такую же клятву, и совѣтъ разошелся въ ожида-

ніи близкой побѣды. Нѣтъ сомнѣнія, что помпеянцы были черезъ-чуръ самонадѣяны; но и тутъ, какъ и вездѣ, гдѣ Цезарь говоритъ о Лабіенѣ, нельзя вполнѣ довѣрять его точности — и даже добросовѣстности.

Ожидаемое рѣшительное сраженіе должно было произойти близъ города Фарсала, на берегахъ ѳессалійской рѣчки Энипея. Битва эта извѣстна въ исторіи подъ именемъ Фарсальской, и многіе принимаютъ это названіе за названіе той равнины, на которой происходила битва. Но ни это имя, ни имя рѣчки не встрѣчаются въ Комментаріяхъ, и, собственно говоря, до сихъ поръ мѣстоположеніе равнины въ точности неизвѣстно. Извѣстно только, что равнина находится въ турецкихъ владѣніяхъ, близъ горъ, отдѣляющихъ Грецію отъ Турціи,—слѣдовательно, въ мѣстности весьма неблагопріятной для историческихъ разъисканій. Цезарь слѣдовалъ за Помпеемъ по пятамъ, и Помпей увидѣлъ, что ему не миновать битвы. Послѣ хвастливой рѣчи Лабіена и торжественныхъ клятвъ—избраны были наконецъ день и мѣсто сраженія. Цезарь былъ къ нему готовъ. Въ то время ему было пятьдесятъ два года, а Помпей былъ пятью годами старше.

Цезарь говоритъ, что у Помпея было 110 когортъ, т. е. одиннадцать легіоновъ. При полномъ комплектѣ это составило бы около 66,000 легіонаріевъ; но

Цезарь опредѣляетъ численность ихъ въ 45,000, — стало быть, нѣсколько болѣе двухъ третей номинальнаго числа. Онъ не преминулъ упомянуть при этомъ, что въ числѣ ихъ были и тѣ два легіона, которые онъ возвратилъ по приказанію сената. Самъ Помпей съ этими двумя легіонами помѣстился на лѣвомъ крылѣ, подальше отъ рѣки; тутъ же были всѣ вспомогательныя войска, не входившія въ составъ легіоновъ, — конница, стрѣлки и пращники. Въ центрѣ стояли сирійскіе легіоны, подъ начальствомъ Сципіона. Такъ описываетъ расположеніе войска Цезарь. Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что правымъ крыломъ, упиравшимся въ ручей, командовалъ Лентулъ, а лѣвымъ Домицій, тотъ самый, который такъ неудачно защищалъ Марсель противъ Брута и Требонія. У Цезаря было 80 когортъ, или восемь легіоновъ, что, при полномъ комплектѣ, составило бы 48,000; но, по его собственному показанію, всего было 22,000, — значитъ, на половину меньше нормальнаго числа. Десятый легіонъ, по обыкновенію, занималъ правое крыло, дальше отъ рѣки. Девятый, значительно ослабленный при Пѣтрѣ, съ одиннадцатымъ, вошелъ въ составъ праваго крыла, расположеннаго у берега. Лѣвымъ крыломъ начальствовалъ Антоній, центромъ Домицій Кальвинъ — котораго Цезарь иногда называетъ то просто Домиціемъ, то просто Кальвиномъ—, а правымъ крыломъ Сулла. Самъ

Цезарь сталъ на это крыло съ десятымъ легіономъ, прямо противъ Помпея. Сколько намъ извѣстно, условія мѣстности не давали особенныхъ преимуществъ ни той, ни другой сторонѣ.

Началась битва. Самый ходъ ея, въ изложеніи Цезаря, не представляется ни особенно сложнымъ, ни особенно интереснымъ. Передъ началомъ битвы Цезарь сказалъ своимъ воинамъ рѣчь, по всегдашнему военному обычаю. Если онъ, дѣйствительно, произнесъ тѣ слова, которыя передаетъ намъ, то надо признаться, что никогда никто такъ не лицемѣрилъ, какъ онъ. Прежде всего онъ призвалъ воиновъ въ свидѣтели, что употребилъ всѣ усилія для сохраненія мира, и въ подтвержденіе этого напомнилъ имъ разные мирные переговоры, которые, собственно говоря, были съ его стороны лишь уловками, чтобы протянуть дѣло и выиграть время. Онъ говоритъ, что всегда щадилъ кровь своихъ воиновъ и теперь всей душой желаетъ сохранить для республики оба войска: и свое, и Помпеево. Дѣйствительно, Цезарь не лилъ попусту римской крови и берегъ ее, когда было можно; но онъ лилъ ее какъ воду, когда находилъ это необходимымъ для своихъ цѣлей. Онъ обладалъ тончайшимъ политическимъ тактомъ; но ни онъ, да и ни одинъ римлянинъ, не зналъ, что такое мягкость или сострадание.

Битва была начата нѣкіимъ Крастиномъ, который

торжественно объявилъ, что заслужитъ благодарность Цезаря, хотя бы пришлось купить ее цѣною своей жизни. Онъ первый бросился на непріятеля и, дѣйствительно, заслужилъ благодарность Цезаря, но палъ мертвымъ.

Помпей приказалъ своему войску не двигаться съ мѣста и дожидаться нападенія врага. По мнѣнію Цезаря, это было съ его стороны большою ошибкою, потому что первый стремительный натискъ всегда увлекаетъ воиновъ, дѣйствуя на нихъ возбуждающимъ образомъ и придавая имъ необыкновенную силу. Цезарь приказалъ своимъ наступать, и они ринулись впередъ, но, наученные опытомъ прежнихъ сраженій, остановились почти на полу-пути, отдохнули немного и, собравшись съ силами, пустили дротики и схватились за мечи.—Завязался жаркій бой.

Помпей воображалъ, что выиграетъ сраженіе безъ участія своихъ легіоновъ, простымъ стратегическимъ движеніемъ своей многочисленной кавалеріи и вспомогательныхъ войскъ. Войско его вообще было многочисленнѣе войска Цезаря, а стрѣлковъ и конницы онъ могъ пустить на него цѣлую тучу. Но Цезарь предвидѣлъ появленіе этой тучи и принялъ свои мѣры. Онъ, по обыкновенію, выстроилъ свои легіоны въ три ряда, но на этотъ разъ составилъ изъ избранныхъ воиновъ четвертый рядъ и помѣстилъ его за третьимъ немного правѣе, для прикрытія праваго кры-

ла отъ Помпеевыхъ тучъ.—Слабая и немногочисленная конница Цезаря тотчасъ уступила натиску непріятеля; конница, стрѣлки и пращники Помпея налетѣли на открытое правое крыло. Но тутъ ихъ ожидала гибель. Цезарь далъ сигналъ своей четвертой линіи, состоявшей изъ лучшихъ людей. «Быстро устремилась она впередъ, и натискъ ея на конницу непріятельскую былъ такъ силенъ, что та, не выдержавъ его, не только была отбита, но въ безпорядочномъ бѣгствѣ искала спасенія на сосѣдственномъ крутомъ возвышеніи. Съ удаленіемъ конницы стрѣлки и пращники, оставшись безащитными, сдѣлались жертвою нашихъ, и всѣ были избиты». Такъ разсказываетъ Цезарь о дѣйствіяхъ конницы, которая, по разсчетамъ Помпея, должна была выиграть сраженіе одна, безъ участія пѣхоты.

Цезарь отдаетъ справедливость непріятельскимъ легіонамъ въ томъ, что они сражались храбро и искусно. Разсказавъ намъ затѣмъ объ ошибкѣ, сдѣланной конницей, и объ истребленіи несчастныхъ пращниковъ, онъ въ нѣсколькихъ словахъ даетъ понять, что битва была имъ выиграна. Избранныя когорты, такъ чудесно разогнавшія тучи Помпея, обошли съ лѣваго фланга Помпеево войско и вынудили его бѣжать. Намъ кажется совершенно правдоподобнымъ все то, что разсказываетъ Цезарь. Никто, конечно, не усомнится въ томъ, что онъ дѣйствительно остался побѣдителемъ.

Помпей поспѣшилъ въ свой лагерь, чтобы защитить его. Но это оказалось невозможнымъ, и Помпей вынужденъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ. Онъ добылъ лошадь и съ нѣсколькими спутниками безъ оглядки доскакалъ до морскаго берега. Тутъ онъ сѣлъ на корабль, нагруженный хлѣбомъ, горько жалуясь, что ошибся въ людяхъ, на которыхъ наиболѣе разсчитывалъ.

Очень краснорѣчиво и живописно Цезарь разсказываетъ о томъ, что̀ нашли его воины въ лагерѣ враговъ. Измученные, голодные, привыкшіе ко всевозможнымъ лишеніямъ, они были поражены роскошными приготовленіями къ побѣдѣ, прихотями аристократовъ, воображавшихъ себя побѣдителями. Въ лагерѣ оказалось множество накрытыхъ столовъ, множество серебряной посуды; палатки были покрыты свѣжимъ плющемъ. Но не пришлось бѣднымъ сенаторамъ насладиться всѣми этими прелестями: одни бросились бѣжать и погибли на пути, другіе скрылись въ горахъ. Но Цезарь довершилъ свою побѣду, нагналъ большинство бѣглыхъ и заставилъ сдаться, оцѣпивъ ихъ на горѣ, гдѣ не было ни капли воды. Недавніе побѣдители, «сливки» римскаго общества, на дняхъ давшіе клятву не спать, пока не побѣдятъ, теперь, простирая руки и со слезами, упали на землю, моля о пощадѣ. Сказавъ имъ нѣсколько словъ въ утѣшеніе, Цезарь даровалъ имъ жизнь, а затѣмъ предоставилъ ихъ ве-

ликодушію своихъ воиновъ, выразивъ надежду, что плѣнныхъ не убьютъ и не ограбятъ.

Цезарь разсчитываетъ, что потерялъ въ сраженіи всего 200 воиновъ, въ томъ числѣ 30 храбрѣйшихъ сотниковъ, между которыми былъ и молодецъ Крастинъ. Изъ войска Помпея погибло 15,000, а 24000, сдались! Съ поля сраженія Цезарю принесли 180 значковъ и 9 орловъ. Цифры эти кажутся намъ невѣроятными. Но до сихъ поръ, говоря о Фарсальской битвѣ, всѣ историки принимали за основаніе повѣствованіе Цезаря, признавая за нимъ полный авторитетъ, и теперь, пожалуй, слишкомъ поздно уступать сомнѣнію критики. Таковъ былъ исходъ Фарсальской битвы, вслѣдствіе которой пала и такъ-называемая Римская Республика.

Но Цезарь не считалъ дѣла оконченнымъ и былъ совершенно правъ. Необходимо было нагнать Помпея, который могъ собрать новое войско въ восточныхъ провинціяхъ и союзныхъ съ республикой государствахъ. «Цезарь рѣшился бросить все и пуститься въ погоню за Помпеемъ». А тотъ, убитый горемъ, пустился съ нѣсколькими вѣрными друзьями по Эгейскому морю, захватилъ по дорогѣ на одномъ изъ острововъ свою молодую жену и добрался до Египта. Всѣмъ хорошо извѣстно, какъ онъ былъ вѣроломно убитъ людьми, правившими тамъ за малолѣтняго Птоломея, и потому мы не будемъ особенно останавливаться на этомъ событіи. Самъ Цезарь излагаетъ дѣло не очень подробно. Помпей послалъ просить помощи и заступничества у молодаго царя, во имя своей прежней дружбы съ его отцомъ. Птоломей былъ безгласною игрушкою евнуховъ, пройдохъ и головорѣзовъ, его окружавшихъ. Эти люди разсудили, что слѣдуетъ избавиться отъ Помпея, и убили его. Царскій сатрапъ Ахиллъ и римскій воинъ Септимій явились на корабль Помпея, какъ послы, и уговорили его перейти на ихъ лодку. Тутъ онъ былъ умерщвленъ на глазахъ своей жены, и ему мертвому отрубили голову. Такъ кончилъ этотъ человѣкъ, счастью и величію котораго, казалось, не было предѣловъ, пока не выступилъ на сцену Цезарь. Римскій поэтъ Луканъ, воспѣвавшій Фарсальскую битву, говоритъ, между прочимъ, что Цезарь не могъ переносить, чтобы кто-нибудь сталъ выше его, а Помпей не терпѣлъ и равнаго. Этимъ сравненіемъ Луканъ хотѣлъ, вѣроятно, возвеличить Помпея. Намъ же, по ознакомленіи съ обоими полководцами, Цезарь представляется отнюдь не менѣе властолюбивымъ, чѣмъ его зять, но, конечно, болѣе счастливымъ въ достиженіи власти, отъ которой онъ умѣлъ ревниво отстранять всѣхъ другихъ ея искателей. Вступая въ тріумвиратъ, Помпей совершенно сознательно раздѣлилъ свою власть съ тестемъ, чувствуя, что послѣднему достанется большая ея часть. Цезарь смотрѣлъ на тріумвиратъ, какъ на одну изъ ступенекъ къ престолу.

Въ Өессаліи Помпей принужденъ былъ раздѣлить хоть внѣшнія знаки своей власти съ новымъ тестемъ, Сципіономъ; Цезарь же не уступилъ ни одному изъ своихъ воиновъ и лоскута императорской мантіи.

Сравнивая двухъ великихъ соперниковъ, можно сказать, что Помпей во всѣхъ своихъ поступкахъ, во всей своей дѣятельности, военной и политической, былъ руководимъ любовью къ старинѣ, къ древней римской республикѣ, которую считалъ величайшимъ учрежденіемъ въ мірѣ; онъ былъ, что называется, патріотомъ. Къ этому чувству патріотизма Цезарь былъ неспособенъ; оно, быть можетъ, было для него слишкомъ узко. Помпей всегда стремился стать первымъ человѣкомъ, но первымъ человѣкомъ въ дорогой ему республикѣ. Цезарь не любилъ старины, но уважалъ ее; ему было чуждо то чувство нѣжности къ своему собственному дѣтству, къ первымъ шагамъ своего народа, во имя котораго люди иногда держатся самыхъ закоснѣлыхъ предразсудковъ. Онъ задумалъ создать изъ предоставленной ему судьбою обветшалой республики нѣчто новое, нѣчто болѣе свѣжее, болѣе дѣйствительное.

Послѣднія семь главъ этого Комментарія составляютъ начало исторіи Александрійской войны, которой Цезарь не описывалъ дальше. Удивительно, откуда у него, посреди самыхъ трудныхъ, хлопотливыхъ военныхъ и политическихъ заботъ, брались силы и время

писать Комментаріи. На послѣднихъ страницахъ онъ говоритъ, что, недолго пробывъ въ Азіи, послѣдовалъ за Помпеемъ сначала на о. Кипръ, потомъ въ Египетъ; съ нимъ было всего три тысячи двѣсти воиновъ; «прочіе остались, или за ранами, или изнемогая отъ трудовъ и дальней дороги». Но Цезарь сформировалъ новые легіоны изъ остатковъ Помпеевой арміи и, съ божественной вѣрой въ заглазное повиновеніе своихъ подручниковъ, отправился въ Египетъ. Онъ увѣряетъ, что вѣтры задержали его въ Александріи дольше, чѣмъ онъ предполагалъ. Но извѣстно также, что онъ встрѣтился тамъ съ Клеопатрой, нарочно пріѣхавшей къ нему, просить его помощи въ борьбѣ за египетскую корону. Зная, какою цѣною она купила эту помощь, невольно сомнѣваешься въ необычайной силѣ вѣтровъ. Будь Клеопатра просто темнокожая нубійка, какою ее описываютъ нѣкоторые историки, Цезарь оставилъ бы Александрію, вопреки всѣмъ вѣтрамъ. Онъ овладѣлъ братомъ Клеопатры, молодымъ Птоломеемъ, который, по завѣщанію отца, долженъ былъ царствовать вмѣстѣ съ сестрой, и александрійцы напали на Цезаря въ превосходныхъ силахъ. Цезарь умерщвляетъ Фотина, евнуха Птоломея, сжигаетъ царскій флотъ и, къ несчастію, вмѣстѣ съ нимъ и большую часть царской библіотеки. «Такъ началась Александрійская война». Это послѣднія слова послѣдняго Цезарева Комментарія.

ГЛАВА XII.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Изложивъ въ десяти коротенькихъ главахъ содержаніе десяти книгъ Цезаревыхъ Комментаріевъ, писанныхъ имъ самимъ, мы считаемъ свою задачу выполненной. Опасаясь въ особенности, чтобы насъ не заподозрили въ намѣреніи написать исторію того времени, мы бы и кончили на этомъ, еслибы не существовало еще трехъ Комментаріевъ о трехъ послѣднихъ Цезаревыхъ походахъ, написанныхъ другими писателями какъ-бы въ дополненіе къ Цезаревымъ. Первый изъ нихъ—объ Александрійской войнѣ, вѣроятно, принадлежитъ Гирцію, написавшему послѣднюю книгу о войнѣ Галльской; два другихъ—объ Африканской и объ Испанской войнѣ—критики приписываютъ Оппію, вѣрному и любимому другу Цезаря. Въ Александрійскую войну Цезарь былъ вовлеченъ смѣлымъ преслѣдованіемъ Помпея и, быть можетъ, обаятельною красотою Клеопатры. Эта война привела его къ войнѣ Малоазіятской, которая изложена вмѣстѣ съ его Египетскимъ походомъ. Войны въ Африкѣ и Испаніи, предпринятыя съ цѣлью затушить послѣднія искры вспыхнувшаго противъ Цезаря возстанія помпеянцевъ, представляютъ собою лишь отголоски междоусобной войны, и исторія ихъ могла бы составить конечныя главы Комментарія «De bello civili».

Когда Цезарь высадился въ Александріи, ему поднесли голову убитаго соперника, какъ дорогой и пріятный подарокъ. Александрія не уступала тогда Риму въ богатствѣ и многолюдности; въ самомъ городѣ и въ окрестной странѣ стояли римскія войска, охранявшія молодаго Птоломея и вмѣстѣ съ тѣмъ внушавшія ему своимъ присутствіемъ почтеніе къ Риму. Цезарь явился въ Александрію съ горстью воиновъ и заговорилъ такимъ тономъ, какъ-будто весь Египетъ обязанъ былъ повиноваться ему, какъ римскому консулу. Онъ прямо потребовалъ огромной суммы денегъ, на которую предъявлялъ право во имя тѣхъ услугъ, которыя оказалъ предшественнику Птоломея. Онъ овладѣлъ молодымъ царемъ, но за то имъ самимъ овладѣла сестра царя, Клеопатра, унаслѣдовавшая вмѣстѣ съ братомъ египетскій престолъ. Вообще, Цезарь дѣйствовалъ въ Египтѣ съ бо̀льшею смѣлостью и даже опрометчивостью, чѣмъ гдѣ-либо и когда-либо въ своей жизни. Александрійцы, или, вѣрнѣе, римская армія, стоявшая въ Египтѣ, возстала противъ него подъ предводительствомъ королевскихъ сатраповъ, и Цезарь вы-

нужденъ былъ засѣсть и укрѣпиться въ городѣ. Ему удалось, все-таки, сжечь египетскій флотъ, вмѣстѣ съ которымъ, какъ мы уже сказали, погибла и царская библіотека. Наконецъ онъ отпустилъ Птоломея, разсчитывая при этомъ, что молодой царь помиритъ его съ александрійцами. Тотъ плакалъ, разставаясь съ Цезаремъ, и объявилъ, что дружба Цезаря ему дороже царства. Но, вырвавшись на волю, вѣроломный мальчишка не замедлилъ перейти на сторону его враговъ. Цезарю пришлось плохо,—такъ плохо, какъ еще никогда. Когда прочитаешь о томъ, какъ онъ выпутался изъ бѣды, — языкъ не поворотится сказать, что со стороны Цезаря было величайшимъ безуміемъ сунуться въ Александрію безъ войска. Для него, для Цезаря, не было ничего невозможнаго. Изъ-за денегъ и изъ-за красавицы Клеопатры онъ чуть не потерялъ въ Египтѣ цѣлаго міра.

Но на выручку ему явился союзникъ—варваръ, Митридатъ Пергамскій, котораго считали сыномъ знаменитаго Митридата Понтійскаго. Онъ привелъ съ собою войско и спасъ Цезаря. На Нилѣ произошло большое сраженіе, котораго Цезарь не выдержалъ бы безъ Митридата. Египтяне были совершенно разбиты. Молодой Птоломей потонулъ, Клеопатра утвердилась на престолѣ, и Египетъ подчинился Цезарю, который вслѣдъ затѣмъ поспѣшилъ въ Азію, чтобы наказать дерзкаго варвара, посмѣвшаго напасть на стоявшее тамъ римское войско и разбить его. Этотъ несчастный варваръ-побѣдитель былъ Фарнакъ, несомнѣнный сынъ Митридата Понтійскаго. Цезарь пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ. Разбивъ Фарнака на̀-голову при Зелѣ, онъ изобразилъ на своихъ значкахъ хвастливыя слова: «veni, vidi, vici». Онъ уже былъ сдѣланъ диктаторомъ римской имперіи на цѣлый годъ, насладился съ Клеопатрой въ Александріи и долженъ былъ — не нынче, такъ завтра—стать монархомъ.

Таковы были кампаніи 47 года до Р. Х., ходъ которыхъ изложенъ въ Комментаріи «De Bello Alexandrino».

Не смотря на диктаторство Цезаря, дѣла его въ Италіи были далеко не въ блестящемъ положеніи. Тамошнія войска его взбунтовались противъ своихъ начальниковъ, противъ самого Цезаря. Помпеянцы всѣ собрались въ Африку, туда, гдѣ нѣкогда Юба побѣдилъ бѣднаго Куріона, разбилъ войско Цезаря и привязалъ къ своей тріумфальной колесницѣ римскихъ сенаторовъ. Провинція Африка находилась какъ-разъ противъ Сициліи и пользовалась всѣми благами римской цивилизаціи, пустившей глубокіе корни въ странахъ наиболѣе близкихъ къ великому, всемірному Риму. Африка стала теперь твердыней республиканской партіи, потому что была единственнымъ клочкомъ римской земли, на которомъ Цезарь потерпѣлъ неудачу. Помпея уже не было въ живыхъ; но два сына его и тесть,

съ которымъ онъ раздѣлилъ начальство при Фарсалѣ, также прибыли въ Африку. Пріѣхалъ туда и Лабіенъ, который, отставъ отъ Цезаря, сталъ болѣе помпеянцемъ, чѣмъ самъ Помпей, Афраній, къ которому Цезарь отнесся такъ великодушно въ Испаніи, Петрей, и царь Юба, и Варъ, отстоявшій Африку отъ Куріона, и, наконецъ, великій Катонъ, оплотъ и столпъ республики, самый добродѣтельный и самый непрактичный человѣкъ, который, при всей своей добродѣтели, всегда и во всемъ былъ неправъ и котораго знаетъ весь міръ, какъ охотника выпить и какъ самоубійцу.

Всѣ они стеклись въ Утику, которая стала для нихъ Римомъ. Тутъ они учредили сенатъ; бездарный Сципіонъ, недостойный своего великаго имени, сдѣланъ былъ главнымъ военачальникомъ во имя рутинныхъ, строго легальныхъ соображеній Катона: Сципіонъ былъ консуломъ, раздѣлялъ съ Помпеемъ начальство при Фарсалѣ, былъ выше всѣхъ званіемъ. Въ силу того же аргумента ему досталось и соначальство съ Помпеемъ; тогда говорили, что онъ, какъ консуларъ, можетъ съ честью раздѣлить съ нимъ власть. На такомъ же основаніи республиканскій флотъ былъ ввѣренъ Бибулу. Цезарь никогда не руководствовался подобнаго рода соображеніями при замѣщеніи должностей. Его скорѣе можно упрекнуть въ томъ, что онъ довѣрялъ безусловно тому, кого любилъ, т. е. въ такъ называемомъ фаворитизмѣ. Онъ, напримѣръ, погубилъ цѣ-

лую армію, поручивъ ее любимцу Куріону, и много повредилъ этимъ и себѣ, и своему дѣлу. Впрочемъ, чинопочитаніе, съ которымъ помпеянцы отнеслись къ Сципіону, еще не вывелось и до нашихъ временъ. Однако помпеянцамъ удалось-таки собрать большое войско,—до десяти римскихъ легіоновъ; кромѣ того, имъ помогалъ всѣми силами царь Юба. Скопилась армія не меньше той, которою командовалъ Помпей при Фарсалѣ. Но въ средѣ ея тотчасъ же поднялись споры и раздоры за власть и несогласія въ стратегическихъ вопросахъ; съ завистью и неудовольствіемъ смотрѣли вожди на первенствующее положеніе Юбы, безъ котораго однако невозможно было обойтись; читатель чувствуетъ, что все это ни къ чему не приведетъ. Наконецъ прибылъ въ Африку и Цезарь, только-что усмирившій въ Италіи парою ловкихъ словъ своихъ старыхъ ветерановъ. Узнавъ, что они волнуются, онъ смѣло явился посреди ихъ. Они просили отставки; онъ далъ имъ ее. Они потребовали вознагражденія за труды; онъ отвѣчалъ, что они получатъ свои деньги, когда онъ наживетъ ихъ съ другими легіонами. Потомъ онъ обратился къ нимъ съ рѣчью, называя ихъ не воинами, а «гражданами»—«квиритами» [1]); этого они не могли снести; это значило, что они уже бо-

[1]) Названіе соединившихся съ римлянами сабинянъ, служившее потомъ обращеніемъ къ римскому народу въ противоположность воинамъ. *Переводч.*

лѣе не непобѣдимые подчиненные Цезаря. Они помирились съ нимъ. Легіоны были переформированы, и Цезарь высадился въ Африкѣ, но съ очень маленькимъ войскомъ, не болѣе трехъ тысячъ человѣкъ. Въ первой же битвѣ онъ едва не потерпѣлъ окончательнаго пораженія. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ войны дѣло пошло обычнымъ Цезаревскимъ порядкомъ: годъ и пять мѣсяцевъ спустя послѣ Фарсала произошла битва при Тапсѣ, и въ ней республика потерпѣла послѣднее и окончательное пораженіе. Комментаторъ говоритъ, что въ этой битвѣ ветераны Цезаря дрались съ такою яростью, что ихъ нельзя было удержать отъ кровопролитія ни убѣжденіями, ни приказаніями, ни угрозами.

Онъ останавливается довольно долго на смерти главныхъ дѣйствующихъ лицъ этой кровавой драмы. Прежде всѣхъ умираетъ Катонъ; исторія этой смерти всѣмъ хорошо знакома. Онъ принужденъ былъ сдать Цезарю Утику; «потомъ, распорядясь всѣмъ крайне тщательно, онъ ввѣрилъ своихъ дѣтей Луцію Цезарю, находившемуся при немъ въ должности квестора, и пошелъ спать со спокойнымъ видомъ, какъ всегда. Тайно принесъ онъ съ собою въ свою комнату мечъ и закололся имъ.» Сципіонъ утонулъ, Афраній былъ убитъ воиномъ Цезаря. Лабіенъ и Варъ съ двумя сыновьями Помпея бѣжали въ Испанію. Любопытна исторія царя Юбы и Петрея. Юба свезъ своихъ женъ, дѣтей и всѣ

свои богатыя сокровища въ городъ Заму, гдѣ приказалъ устроить великолѣпный, громадный костеръ, чтобы въ случаѣ пораженія погибнуть въ пламени со всѣмъ тѣмъ, что ему было дорого въ жизни. Но ни жены его, ни дѣти, ни слуги не раздѣляли этого героическаго настроенія; зная его царственныя намѣренія и не желая служить украшеніемъ его кончины, они заперли ворота города и не пустили его къ себѣ. Тогда онъ отправился къ своему старинному римскому пріятелю, Петрею, и они вмѣстѣ сѣли за ужинъ. По окончаніи ужина, Юба предложилъ Петрею сразиться мечами, чтобы хоть одинъ изъ нихъ умеръ честною смертью. Они вступили въ бой: «Юба, какъ сильнѣйшій, убилъ Петрея, уступавшаго ему и въ силѣ, и въ здоровьи.» Потомъ Юба хотѣлъ пронзить и себя, но не могъ этого сдѣлать; наконецъ уже рабъ, уступивъ его просьбамъ, умертвилъ его. Битва при Тапсѣ происходила въ 47 г. до Р. Х. Нумидію Цезарь обратилъ въ римскую провинцію, и Африка осталась за нимъ. Въ лицѣ Катона была нанесена смертельная рана Республикѣ.

Ея послѣдній вздохъ—это Испанская война, составляющая предметъ послѣдняго Комментарія. Изъ Африки Цезарь отправился въ Римъ. Историкъ начинаетъ свою повѣсть извѣстіемъ, что Цезаря нѣсколько задержала раздача наградъ,—вѣроятно, обѣщанныхъ ветеранамъ, когда они помирились съ нимъ, растро-

ганные названіемъ «квиритовъ», или римскихъ граждан.

Сыновья Помпея, Кней и Секстъ, собрали послѣднія силы для поддержанія безнадежнаго дѣла, и въ битвѣ при Мундѣ погибло болѣе 30,000 человѣкъ. То были предсмертныя судороги. Тутъ погибли Лабіенъ и Варъ. Историкъ говоритъ, что ихъ похоронили съ честью. Нѣкій Скапула, главный виновникъ испанскаго возстанія, устроилъ изысканный ужинъ и приказалъ облить себя благовонными маслами. Потомъ, по его приказанію, рабъ закололъ его, а вольноотпущенникъ, поджегъ его костеръ. Старшій сынъ Помпея, Кней убѣжалъ раненый, но былъ найденъ въ какой-то пещерѣ и убитъ. Младшій, Секстъ, спасся и еще нѣсколько лѣтъ мутилъ всѣхъ противъ Цезаря, пока тоже не былъ умерщвленъ однимъ изъ легатовъ Антонія. Этотъ послѣдній Комментарій кончается или, вѣрнѣе, обрывается на срединѣ рѣчи, сказанной Цезаремъ жителямъ Гипсалы,—Севильи. Въ этой рѣчи онъ толковалъ имъ въ весьма сильныхъ выраженіяхъ, какъ милостиво онъ къ нимъ отнесся и какъ они отплатили ему черною неблагодарностью. А за Цезаремъ и намъ приходится кончить чуть не на срединѣ фразы.

Задача наша выполнена: читатель болѣе или менѣе познакомился съ содержаніемъ и характеромъ Цезаревыхъ Комментаріевъ. Комментаріи эти—драгоцѣнный историческій источникъ, драгоцѣнный литературный

памятникъ. Но они, къ сожалѣнію, представляютъ намъ великаго человѣка лишь съ одной стороны, и не съ самой характерной. Цезарь все стоитъ передъ нами въ латахъ и шлемѣ, постоянно либо обдумываетъ, либо выполняетъ, либо описываетъ военныя предпріятія, стратегическіе планы. Цезаря въ Римѣ, въ тогѣ, Цезаря въ сенатѣ, въ народномъ собраніи, наконецъ въ пурпурѣ мы въ Комментаріяхъ не видимъ. Онъ какъ будто умышленно отъ насъ скрывается. А между тѣмъ его настоящая роль, его миссія — чисто политическая. Война сама по себѣ не была для него любимою утѣхою жизни, какъ для тѣхъ людей, которыхъ обыкновенно называютъ *«героями»*. Онъ видѣлъ въ ней лишь средство, а жизнь его сложилась такъ, что къ этому средству пришлось прибѣгать часто; владѣлъ онъ этимъ средствомъ превосходно, точно такъ же, какъ превосходно владѣлъ языкомъ, не будучи литераторомъ по профессіи. Но лагерь не былъ его любимою сферою. Цезарь не завоеватель по страсти, какъ Александръ Македонскій и отчасти Наполеонъ; въ его военныхъ предпріятіяхъ нѣтъ ни одного фантастическаго, чисто завоевательнаго, невыполнимаго, какъ индійскій походъ Александра или московскій походъ Наполеона. Цезарь не пьянѣетъ отъ военной славы; онъ всегда трезвъ и отступаетъ, когда нужно, не пытаясь идти напроломъ. Это человѣкъ спокойный, практическій, разсчетливый, для котораго война была

лишь одной изъ сторонъ цѣлаго, великаго государственнаго дѣла. Для этого дѣла природа снабдила его необыкновенными талантами: онъ соображалъ съ необычайной быстротой, могъ дѣлать нѣсколько дѣлъ одновременно; онъ всюду поспѣвалъ раньше всѣхъ, на все смотрѣлъ вѣрнымъ, холоднымъ, живымъ, энергичнымъ, но совершенно безстрастнымъ взглядомъ. Всѣ эти черты, которыя читатель, конечно, не разъ подмѣтилъ въ «Комментаріяхъ», не менѣе ярко выступаютъ въ экономической и политической дѣятельности Цезаря, чѣмъ въ его блестящей военной карьерѣ. Но объ этой дѣятельности ни онъ, ни никто изъ его приближенныхъ не оставили мемуаровъ, и его образъ приходится дочертить по другимъ источникамъ. Блестящіе военные успѣхи доставили ему власть, и въ этомъ смыслѣ можно, пожалуй, сказать, что онъ работалъ для себя, изъ честолюбивыхъ побужденій. Но онъ воспользовался этой властью для возвышенія Рима; онъ создалъ ему новыя политическія формы, открылъ новую политическую жизнь. Съ диктатурой Цезаря кончилось навѣки царство эгоистической, якобы «свободной, республиканской» олигархіи, изъ-за одного города порабощавшей весь остальной міръ. Кончилась несносная, безплодная борьба партій, сгладилась страшная пропасть, зіявшая между сытыми и голодными, римлянами и провинціалами. Тутъ Цезарь является организаторомъ и, какъ всѣ органи-

заторы, до нѣкоторой степени эклектикомъ. Онъ болѣе не демагогъ, не товарищъ Катилины или Клодія,— а *государь* въ высшемъ значеніи этого слова. Онъ беретъ у Гракховъ блистательную мысль о земледѣльческихъ колоніяхъ и осуществляетъ ее въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, употребляя ее какъ средство противъ пролетаріата и вмѣстѣ какъ орудіе романизаціи. Но рядомъ съ тѣмъ онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія Суллы, прекращая безобразное кормленіе всѣхъ на счетъ государства, ограничивая раздачу хлѣба лишь самыми бѣдными людьми. Онъ украшаетъ Римъ постройками, снабжаетъ его бдительной полиціей, приводитъ въ порядокъ разстроенные финансы, ликвидируетъ частные долги своевременными долговыми законами, устанавливаетъ общую монету, общій преобразованный календарь на всю имперію, въ которой Римъ является уже не тиранномъ, не кровопійцей, а только главною муниципіею. Центръ всего теперь онъ, Цезарь, стоящій внѣ и выше всѣхъ старыхъ партій и личныхъ счетовъ, обнимающій своими царственными руками и римлянина, и грека, и галла, но галла «усмиреннаго», романизированнаго. Идея государства для Цезаря все; онъ не поддается личнымъ страстямъ: гнѣву, кутежу, жаждѣ личной мести, а еще менѣе мягкимъ, нѣжнымъ чувствамъ. Онъ монархъ, но не деспотъ; онъ не спѣшитъ порывисто и торжественно разорвать съ прошлымъ, а, напротивъ, прикрываетъ свою настоя-

щую власть старыми именами и терминами, какъ-бы уважая народныя привычки. Около него нѣтъ всемогущей, грубой солдатчины, шпіоновъ, льстецовъ и любимцевъ, которымъ бы онъ приносилъ въ жертву общественные интересы. Онъ не прибѣгалъ къ проскрипціямъ, а, напротивъ, съ необычайнымъ политическимъ тактомъ сгруппировалъ около себя кого было можно изъ бывшихъ враговъ, приверженцевъ Помпея, и никогда не праздновалъ тріумфомъ побѣдъ, одержанныхъ надъ соотечественниками. Но тѣнь республики еще разъ встала и поразила монарха рукою Брута и Кассія.

По почину бывшаго помпеянца, Кайя Кассія Лонгина, болѣе 60 лицъ высшаго сословія Рима составили заговоръ на сверженіе и убійство Цезаря, съ участіемъ помилованнаго имъ помпеянца же, любимаго имъ и высоко поставленнаго Марка Юнія Брута. Еще не опредѣлены были время и мѣсто дѣйствія, когда вопросъ этотъ былъ рѣшенъ созывомъ сената на 15 марта, 44 г. до Р. Х., въ курію Помпея. Диктаторъ не зналъ объ угрожавшей ему опасности, потому что никто изъ заговорщиковъ не выдалъ тайны; только Маркъ Брутъ, по неотступнымъ просьбамъ жены, дочери Катона, выболталъ ей весь замыселъ. Тѣмъ не менѣе исторія сохранила свѣдѣніе о множествѣ темныхъ предвѣстій событія. Супруга Цезаря, Кальпурнія, напуганная страшными снами,

молила Цезаря въ этотъ день не выходить изъ дому, и Цезарь уже поручилъ Антонію отложить засѣданіе. Но одинъ изъ заговорщиковъ, Децимъ Брутъ, прежній сотоварищъ Цезаря въ Галльской и Гражданской войнахъ, по порученію своихъ соумышленниковъ съумѣлъ задѣть гордость Цезаря и тѣмъ побудить его отправиться въ сенатъ. И тутъ еще были попытки предостеречь диктатора; но онѣ не достигли цѣли, потому что Цезарь не вѣрилъ опасности. Философъ Артемидоръ подалъ ему записку, съ просьбой прочесть ее, какъ касающуюся его самого; но Цезарь не заглянулъ въ нее, а приложилъ къ другимъ просьбамъ и вошелъ въ курію, гдѣ занялъ свое золотое кресло. Заговорщики обступили его. Туллій Цимберъ, приблизившись, сталъ просить за своихъ изгнанныхъ братьевъ; другіе заговорщики брали руки Цезаря и, когда онъ отсрочилъ рѣшеніе, цѣловали ему лобъ и грудь, чтобъ убѣдиться, нѣтъ ли на немъ подъ одеждой латъ. Чтобы избавиться отъ ихъ назойливости, Цезарь всталъ. Тогда Цимберъ, какъ бы припавъ къ колѣнямъ диктатора, совлекъ тогу съ его плеча, что и было условленнымъ знакомъ къ убійству. Цезарь воскликнулъ: «Это уже насиліе!» и когда въ ту же минуту Каска нетвердою рукою ранилъ его въ шею, онъ закричалъ: «Презрѣнный, что ты дѣлаешь?» Не имѣя въ рукахъ другаго оружія, кромѣ металлическаго прутика для письма, Цезарь схватилъ руку Каски и прон-

зилъ его. Но тутъ на него посыпались удары. Послѣ короткой, безплодной борьбы Цезарь покрылся тогою и, съ 23 ранами, изъ которыхъ, по мнѣнію врача, только одна была смертельна, палъ къ подножью статуи Помпея. Разсказъ, будто диктаторъ, увидя въ числѣ убійцъ своего любимца Брута, воскликнулъ: «И ты, мой сынъ!» и затѣмъ, со скорби, уже не защищался, можетъ быть, вымышленъ въ пользу преданія, что Брутъ былъ его сынъ. Заговорщиками было заранѣе рѣшено стащить тѣло тирана въ Тибръ, конфисковать его имущество, отмѣнить всѣ его законы и распоряженія. Но внезапно они увидѣли себя стоящими одиноко; сенаторы бѣжали; народъ и сами заговорщики искали убѣжища въ Капитоліи, и возникла междуусобная война.

Быть можетъ, Цезарь погибъ во̀-время, потому что на высотѣ власти трудно устоять противъ всякаго рода искушеній. Но дѣло его не умерло. Имперія была создана, и началась для древняго міра новая эпоха. Идея Цезаря была нова, свѣжа, живительна для римскаго міра. Но ни минуты не слѣдуетъ забывать, что это была все-таки идея строго римская, строго античная. Цезарь создалъ новыя политическія формы. Но онъ былъ практикъ; онъ дѣйствовалъ и даже думалъ въ предѣлахъ возможнаго. Онъ всего менѣе мыслитель или идеалистъ. Онъ обновилъ государство, но не могъ, да и не хотѣлъ обновлять *человѣка* или *общества*:

этихъ понятій для него не существовало. Онъ не тронулъ рабства, находя его неудобнымъ развѣ съ экономической стороны. Онъ не задумывался ни надъ устарѣлыми религіозными формами, ни надъ нравственными вопросами, далеко не составлявшими его сильную сторону. Римская имперія и послѣ него представляла печальную картину политическаго могущества, политическаго и гражданскаго уравненія подданныхъ, рядомъ съ полнѣйшимъ нравственнымъ распаденіемъ, завѣщаннымъ республикой. Чтобы обновить ее въ этомъ отношеніи, мало было холоднаго, проницательнаго, орлинаго взгляда великаго политика. Нужно было великое сердце, великій умъ, но умъ не чисто-политическій: нужно было то, что Апостолъ Павелъ называлъ «Stultitia crucis» («La Folie de la croix»), то, что показалось бы великому Цезарю совершенно ненужнымъ, нелѣпымъ абсурдомъ. Величіе его, стало быть, также относительно, какъ величіе всѣхъ государственныхъ людей, работающихъ для даннаго времени, при данныхъ условіяхъ.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.